

АНГЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

АНГЛИЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957 г.

Составление и перевод
Н. ШЕРЕШЕВСКОЙ

Под редакцией
М. КЛЯГИНОЙ-КОНДРАТЬЕВОЙ

Предисловие
В. ВАЖДАЕВА

Иллюстрации и обложка
художника Д. ДУБИНСКОГО

СКАЗКИ АНГЛИЙСКОГО НАРОДА

Сказка — это родник, в незамутненной воде которого отражается душа народа. Мысли и чаяния, надежды и мечты — все лучшее вкладывает народ в свои сказки, свою веру в торжество справедливости, в победу света над тьмой, разума над невежеством, свободы над рабством.

Народная сказка всегда активна — ей чужд дух покорности, подчинения злым силам жизни или грозным стихиям. Сказочный герой неизменно вступает в единоборство со злом, ничего не прощая своим врагам. Людоеду или дракону он отрубит все головы, сколько бы их ни было, злого царя казнит, а на его место посадит человека доброго и смелого. Жадного купца сказка накажет — отнимет у него богатство и наградит им того, кто это богатство заслуживает — человека простого, в деле умелого... Сказка никогда не ограничивается порицанием. Легко сказать — «плохо», а ты научи, как сделать «хорошо»! И сила сказки в том, что она неизменно показывает: посеешь добро — пожнешь счастье; посеешь ветер — пожнешь бурю!

Таковы сказки английского народа, и не только английского, но и русского, и немецкого, и итальянского, и сказки народов Востока — Ближнего и Дальнего, сказки всех материков всего света. Вот почему всегда интересно узнать сказки другого народа: ведь при этом начинаешь понимать, что он думает о жизни, о правде и справедливости.

Английским народным сказкам не повезло не только в соседних странах, где их плохо знают, но, как это ни странно, и в самой Англии. Они были собраны здесь значительно позже, чем немецкие сказки в Германии, французские во Франции и русские в России. Правда, они широко использовались в литературе в качестве своеобразного «строительного материала» для создания произведений иного плана:

драмы, поэмы, баллады, новеллы; писатели находили в них неисчерпаемый запас сюжетов и образов, но самостоятельного значения за английской народной сказкой долго не признавали.

Широкий интерес к народной сказке возник в Европе в XIX веке. В этот период в разных странах выходят в свет многочисленные сборники — сказки различных областей, провинций и диалектов. Но это было только начало, которое со временем завершилось созданием монументальных сводов сказок. В 1812 году появляется знаменитое собрание немецких сказок братьев Гримм, а в 1855—1864 годах — великолепный труд Афанасьева «Русские народные сказки». Подобного собрания сказок в Англии еще долгое время не было.

Следует сказать, что отдельные серьезные публикации были осуществлены и английскими фольклористами: Халлиуэлл выпустил народные сказки в двух томах, Чемберс в книге «Шотландские стихи для детей» (1842) опубликовал двадцать одну сказку; в 1866 году вышел «Фольклор северных графств» Гендерсона; миссис Бэлфор собрала легенды и сказки Линкольншира.

Но этого было далеко не достаточно, чтобы представить полную картину развития английской народной сказки. За создание национального свода народных сказок в Англии взялся президент английского фольклорного общества — Джозеф Джекобс, опубликовавший в 1890 году два тома «Английских народных сказок», которые были переизданы в 1893 и 1896 годах и являются лучшим собранием английского сказочного фольклора. О Джекобсе — историке и фольклористе, авторе книг «Кельтские народные сказки» (1891) и «Индийские народные сказки» (1892), англичане говорят, что он сослужил Британским островам ту же службу, что братья Гримм — Германии.

Знаток фольклора Джекобс считал, однако, что создать подлинно всеобъемлющий свод английских сказок было в его время очень трудно. К народным сказкам в Англии долго относились как к падчерице, и собирание сказок затруднялось тем, что многие сказки оказались забытыми.

Джекобс объясняет это двумя причинами: большим влиянием на английский фольклор в период, когда его стали по-настоящему собирать и изучать, сказок Шарля Перро и братьев Гримм, а также ранним исчезновением в Англии патриархального крестьянства.

С первым из заключений Джекобса никак нельзя согласиться. В самом деле, как может быть принято за аксиому утверждение о том, что сказки Шарля Перро, а затем братьев Гримм вытеснили в Англии собственно английские сказки? Мы знаем, что сказки Перро уже в XVIII веке стали постоянным чтением читателей в Германии и в России, однако это не повело к забвению народами этих стран собственного фольклора. Немецкие сказки Музеуса несут на себе черты непосред-

ственного влияния Перро, однако это нисколько не помешало братьям Гримм создать свой знаменитый свод сказок.

Вопрос о народной сказке, видимо, не может быть правильно решен ссылкой на преобладание в духовном обиходе определенных избранных кругов общества, знакомых с печатной литературой, сказок других народов.

Неверный вывод Джекобса предопределяется тем, что он был сторонником так называемой «теории заимствования», объясняющей происхождение сказок взаимовлиянием фольклоров различных народов. Согласно этой теории сказки возникают одна за другой, подобно тому как из деревянного пасхального яичка извлекается множество других яичек, одно меньше другого, до тех пор пока не обнаружится самое маленькое, которое уже не раскрывается. Теория эта ограничивала изучение сложнейшего процесса возникновения и создания народной сказки формальным сопоставлением и описанием внешних ее признаков, попыткой дойти до этого «прасказочного» сюжета. Как всякая догма, «теория заимствования» игнорировала вечно живые, изменяющиеся условия, в которых создавались сказки, то общее, что исторически было у всех народов — смену социальных укладов, появление новых форм труда и связанных с этим воззрений и стремлений людей — все те объективные условия, которые могли породить не только одинаковые сюжеты, но и родственные образы и даже характеры. Когда в наше время ученые, разделенные тысячами километров пространства, а иной раз и на различных континентах, совершенно самостоятельно приходят к одинаковым открытиям, это никого не удивляет. Зачем же удивляться тому, что созревшая у миллионов людей творческая мысль может одновременно — а для фольклора понятие «одновременно» измеряется многими и многими десятилетиями — создать в разных странах близкие и даже схожие произведения искусства, обусловленные одинаковыми историческими причинами.

Правда, в средние века, то есть в период наибольшего развития народного творчества, исторические судьбы Англии, Франции и Германии тесно переплетались и английский фольклор не мог не испытать влияния фольклора других стран. Но в основе своей английская сказка осталась глубоко самобытной.

Со сказками других народов схожи по сюжету английские сказки «Осел, столик и дубинка», «Джек-лентяй», «Джек и золотая табакерка», «Рыба и перстень», «Три желания», «Три умных головы» и некоторые другие, публикуемые в этом сборнике. История о том, «Как Джек ходил счастья искать», сюжетно совпадает с «Бременскими музыкантами», а «Тростниковая шапка» сразу приводит на память «Золушку». Походит на нее и другая английская сказка —

«Три головы в колоде». Однако все упомянутые сказки своеобразны и по разработке сюжета и по своей повествовательной манере. «Том — мальчик с пальчик» резко отличается от своих немецкого и русского собратьев. Мы бы сказали, что английский мальчик с пальчик, в отличие от русского, который совершает множество проделок, иной раз даже весьма озорных, — характер созерцательный, пассивный. Сам он ничего не затевает, но, когда волею судеб попадает в какие-нибудь передрыгги, то спасается благодаря своему маленькому росту.

Русская сказка говорит: вот что можно сделать, если изловчиться; английская сказка говорит: вот из каких положений можно выйти, если ты маленького роста. Но ведь это же два совершенно разных героя, хоть и с одинаковыми прозвищами!

Сюжетная близость некоторых из английских сказок со сказками других народов несколько не умаляет их значения. И одновременно мы высоко ценим сказки, присущие только английскому фольклору. Кстати сказать, некоторые из них, определяемые Джекобсом как чисто английские, оригинальные сказки, не встречающиеся в Европе или Индии («Джек и бобовый стебель», «Сказка про трех поросят» и другие), в действительности есть и у других народов. Так, первая из названных сказок бытует в венгерском фольклоре под названием «Фасоль до небес», причем здесь наблюдается совпадение не только сюжетное, но и в отдельных деталях.

Джекобс справедливо указывает на то, что трудности, стоявшие перед английскими фольклористами, объяснялись ранним исчезновением в Англии патриархального крестьянства.

Вековые устои крестьянской жизни были нарушены в Англии уже в результате огораживаний общинных земель в XVI веке и окончательно рухнули во время начавшейся в середине XVIII века промышленной революции, которая преобразила лицо страны.

Распад патриархального крестьянства — основного хранителя фольклора — и явился тем препятствием, с которым, не в пример немецким и русским, встретились английские фольклористы. Фермерство оказалось менее стойким носителем фольклорных традиций, чем патриархальное крестьянство. Тем не менее, не сохранив народной сказки в прежнем виде, фермерство сберегло в своей памяти те ее черты, ее сюжеты и образы, которые по своей сути и по своему характеру были дороги ему и в той или иной степени воплощали его взгляды на жизнь. Ведь совершенно очевидно, что в соответствии с изменением общественной роли, а следовательно, и качеств хранителя фольклора — изменится и состав фольклора.

Английские народные сказки находятся в непосредственном содействии с рассказом и подчас даже приобретают его признаки. «В

один прекрасный летний день дочь графа Мара выбежала, приплясывая, из замка в сад. Там она бегала, резвилась, а порой останавливалась послушать пение птиц. Но вот она присела в тени зеленого дуба, подняла глаза и увидела высоко на ветке веселого голубка», — так начинается сказка «Дочь графа Мара», и так мог бы начаться рассказ, подобным же образом озаглавленный. А вот и другой пример: «Забыв о своей подагре, купец бросился открывать дверь. И когда же он за ней увидел? Капитана и своего агента со шкатулкой, полной драгоценностей, и с накладной! Мистер Фитцуоррен просмотрел накладную и, подняв глаза к небу, возблагодарил всевышнего за столь удачное плавание». («Уиттингтон и его кошка»). Таких примеров можно привести множество. Важно отметить, что публикации Джекобса в отличие от сказок, собранных Перро, братьями Гримм и Афанасьевым, не прошли литературной обработки, которой в разной степени, но все же подвергли свои собрания упомянутые замечательные сказочники. Джекобс ставил себе целью дать образцы фольклора в неприкосновенном виде.

Больше всего английская народная сказка родственна рыцарскому рассказу или балладе, которые бытуют и в художественной литературе этого народа и в его устном творчестве. Не случайно некоторые английские народные сказки сохранились в стихотворной форме в виде баллад. Например, баллада «Кошачья шкура» (в настоящем сборнике она печатается под названием «Тростниковая шапка»), а также сказка-баллада «Биннори» — поэтические легенды, пользующиеся большой популярностью в Шотландии и Северной Англии. Упомянутая уже нами «Дочь графа Мара» источником своим имеет старинную балладу (см. сборник Алингхэма «Книга баллад»); сказка «Страшный дракон скалы Спиндлстон» обязана своим происхождением балладе XVIII века (см. «Баллады» Чайлда и «Ежемесячную хронику северного фольклора», май 1890 г.).

Такие сказки, как «Волшебный рог» или «Чайлд-Роланд», исполнены духа рыцарских времен, в них содержатся упоминания о рыцарях Круглого стола и легендарном короле Артуре, приводятся подчас характерные детали средневекового быта.

Рыцарская романтика легко умещается в английской сказке, определяя своеобразие ее фантастики. Примером такого рода сказок являются «Мистер Фокс», «Волшебная мазь» и «Ученик чародея».

Близость к жанру рассказа порождает еще одну характерную черту английской сказки: открытые, а не в подтексте звучащие социальные обобщения. Сказка «Волшебный рог» имеет следующую лирико-ироническую концовку, в которой слышна неподдельная горечь: «И с тех пор (с тех пор как волшебный рог попал к королю Генриху Старшему. — В. В.), хоть весь день стойте на волшебном

холме и повторяйте: «Хочу пить», — вам уж не посчастливиться пить из волшебного рога». В легенде «Уиттингтон и его кошка» рассказывается о голодном мальчике Дике, который думал, что в Лондоне мостовые вымощены чистым золотом и что если откалывать от мостовой по кусочку, то денег у тебя будет вдоволь. И вот Дик добирается до Лондона. Однако мостовые там самые обыкновенные, более того, безымянный сатирик вводит такую прозаическую, казалось бы, деталь: вместо золота повсюду лишь грязь. И если сопоставить это замечание с тем, что все окружающие отказываются помочь несчастному мальчику, — упоминание о грязи становится уже не столько описательной деталью, сколько перерастает в сатирическое обобщение.

Особый цикл английских героических сказок составляют сказки о великанах и людоедах и о борьбе с ними положительного героя, обычно представителя простого народа, крестьянского сына Джека. В произведениях этого рода мы часто встречаем далеко не случайную сказочную деталь: Джек побеждает своих противников не только умом и хитростью, но и с помощью волшебных предметов или животных, которых дарят ему родители. Эта деталь в сочетании с характерным для английской сказки мотивом материнского благословения показывает, какое огромное значение придает народ неразрывным связям героя с семьей, со своим родом, со своей землей-родиной.

Некоторые сказки, например «Рыжий Эттин», целиком построены на поэтизации силы материнского благословения. Два брата поочередно уходят искать счастья. Они могут получить на дорогу по своему выбору — или половину пирога с материнским благословением, или же весь пирог, но с материнским проклятием. Старший брат, думая, что главное — запастись на дорогу едой, выбирает целый пирог, пусть даже с материнским проклятием, и чуть не погибает. Его спасает младший брат, который предпочел материнское благословение.

Юмор, столь свойственный английскому народу, с большой силой проявляется и в его фольклоре. Нет-нет да и выглянет в сказке смеющееся лицо рассказчика. Многие из них можно было бы назвать сказками юмористическими — взять хотя бы сказку «Питер-простачок» или «Господин всех господ».

Имена многих героев английских сказок стали нарицательными. Это храбрец Джек, победитель великанов и людоедов, это бедный мальчик Дик, ищущий свое счастье, Молли Ваппи из одноименной сказки — нежная, добрая, смелая (любопытно, что у нее есть родная сестра в народных сказках Ирана — Фасолинка); наконец Том-мальчик с пальчик и ряд других.

Английские народные сказки бытуют не только как фольклор — они живут и в английской классической литературе, то используе-

мые как сюжеты, то вплетенные в образную ткань ее бессмертных творений. Мы встречаем сказочные мотивы в «Кентерберийских рассказах» Чосера и во многих произведениях Шекспира. Так например, начало сказки «Тростниковая шапка» совпадает с началом трагедии «Король Лир», где старый отец требует, чтобы дочери сказали ему, как сильно они его любят. В сказке, так же как у Шекспира, две старшие дочери льстят отцу, а третья, младшая, говорит правду и в конце концов побеждает. В известной комедии «Много шума из ничего» герой ее Бенедикт ссылается на старую сказку «Мистер Фокс» и в точности повторяет слова из нее: «Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так» (акт первый, явление первое). Ту же «Тростниковую шапку» (но в варианте «Кошачья шкура») рассказывает мистер Берчелл, герой романа Гольдсмита «Векфилдский священник», детям Примроза.

Можно проследить и связи русской литературы с английской народной сказкой. Примером обращения русских классиков к английскому фольклору является сказка Льва Толстого «Три медведя», которая, как показывает анализ, представляет собой обработку великим писателем одноименной английской народной сказки. Факт обращения Толстого к английскому фольклору, видимо, не был отмечен его исследователями в силу того, что английские сказки были до сих пор у нас мало известны. Из сравнения становится видно, что Толстой, пересказывая сказку, одновременно очистил ее от всего побочного, от мелкой детализации, упростил ее композицию, придав прозрачную ясность и выразительность всему произведению, которое воспринимается так, будто оно всегда существовало в подобном виде и иным быть не могло. Толстой дал медведям русские имена и вообще написал «Трех медведей» как русскую сказку. В публикуемом нами варианте из собрания Джекобса к медведям в дом приходит некая «маленькая старушонка», однако следует учесть, что в параллельных записях этой сказки вместо нее действует «маленькая девочка», как и в толстовской сказке.

Английская народная сказка заслуженно привлекла к себе внимание и современных советских писателей.

Среди английских баллад, превосходно переведенных С. Маршакom, мы встречаем сюжеты сказок «Король Иоанн, и кентерберийский аббат», и «Биннори».

Корней Чуковский, используя сюжет английской «Крошечки», написал пользующуюся любовью нашего детского читателя песенку-сказку «Жил на свете человек». В его переводе и обработке напечатаны английские народные сказки: «Джек, покоритель великанов» и «Краснозубый Аин» (в английском подлиннике — «Рыжий Эттин»).

Мы хорошо знаем сказку «Три поросенка», которую перевел и

обработал Сергей Михалков. Здесь необходимо отметить, что страшная клятва поросенка в английском варианте — «Клянусь моей бородой-бородищей!» — по справедливому замечанию Джекобса, видимо объясняется тем, что первоначально в сказке действовали не поросята, а козлята, что дает нам право говорить о некотором родстве ее с русской сказкой «Волк и семеро козлят».

В основу публикуемого сборника «Английских народных сказок» положено собрание Джозефа Джекобса, но привлечены и другие издания, из которых заимствованы сказки, не имеющиеся у Джекобса или представляющие более удачные варианты. Так, у Эрнста Риса взяты — «Волшебный рог» и «Черный Бык Норроуэзский», у Леона Келнера — «Кошачий король», «Три желания» и «Король Иоанн и кентерберийский аббат», у Ривса «Сон коробейника» и «Питер-простачок».

Поскольку столь полное издание английских сказок на русском языке осуществляется впервые (несколько переводов, относящихся к девяностым годам прошлого столетия, и одна книжка, изданная в 1918 году, являются вольным пересказом), тексты сказок печатаются в настоящем сборнике без какой-либо обработки. Знакомство с ними поможет советскому читателю получить ясное представление о богатстве и разнообразии английских сказок, в которых отразились мечты о справедливости, о торжестве мирной жизни, о том, чтобы человек мог спокойно посвятить себя творчеству и созиданию.

Виктор Важдеев

СКАЗКА ПРО ТРЕХ ПОРОСЯТ

Давным-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки кричали: «Кряк-кряк-кряк!»,—

жила-была на свете старая свинья с тремя поросятами. Сама она уже не могла прокормить своих поросят и послала их по свету счастья искать.

Вот ушел первый поросенок. Встретил человека с охапкой соломы и говорит ему:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, соломы — я себе дом построю.

Человек дал ему соломы, и поросенок построил себе дом.

Вскоре подошел к его дому волк, постучал в дверь и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

А поросенок ему в ответ:

— Не пушу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Ну, погоди! — говорит волк.— Вот я как дуну, как плюну, — сразу снесу твой дом!

Да как дунет да как плюнет — сразу весь дом снес, а маленького поросенка проглотил.

Второй поросенок встретил человека с вязанкой хвоста и попросил его:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, хвосту — я себе дом построю.

Человек дал ему хворосту, и поросенок построил себе дом.

Вскоре пришел к его дому волк и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пушу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну,— сразу снесу твой дом!

Тут волк дунул, плюнул — снес весь дом, а маленького поросенка проглотил.

Третий поросенок встретил человека с возом кирпичей и попросил его:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, кирпичей,— я себе дом построю.

Человек дал ему кирпичей, и поросенок построил себе дом.

И к нему тоже пришел волк и сказал:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пушу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну,— сразу снесу твой дом!

И волк дунул, потом плюнул, опять дунул, опять плюнул... дул да плевал, дул да плевал, а дом все стоял да стоял. Ну, видит волк, как ни дуй, как ни плюй — дома не снесешь. Вот он и говорит:

— Слушай-ка, поросенок, а я знаю, где растет сладкая репа!

— Где? — спрашивает поросенок.

— Да у мистера Смита на огороде. Завтра встань пораньше, а я за тобой зайду. Пойдем вместе, нарвем себе репы на обед.

— Ладно! — говорит поросенок. — Встану. Ты когда придешь?

— В шесть.

На том и порешили. Но поросенок поднялся не в шесть, а в пять и один нарвал репы. Вот приходит волк в шесть часов и спрашивает:

— Ты встал, поросенок?

— Давно! — отвечает поросенок. — Уже с огорода вернулся. Видишь — у меня полный горшок репы на обед.

Рассердился волк, но виду не показал — все старался придумать, как бы ему поросенка перехитрить.

— Поросенок, а я знаю, где растет славная яблоня! — говорит.

— Где?

— Там внизу, в Веселом саду, — отвечает волк. — Завтра в пять утра я за тобой зайду — нарвем яблок сколько душе угодно! Только смотри больше меня не обманывай.

На том и порешили. А наутро поросенок вскочил в четыре часа и во всю прыть побежал за яблоками — хотел до прихода волка вернуться. Но сад был не близко, да еще пришлось на дерево лезть. Только начал он спускаться, — волк уже тут как тут. Сильно струхнул поросенок! А волк подошел к нему и говорит:

— Ах, это ты, поросенок! Раньше меня пришел? Ну, как яблоки? Вкусные?

— Очень вкусные, — отвечает поросенок. — Держи, я тебе брошу одно!

И бросил яблоко только не волку, а в сторону. Пока волк бегал за яблоком, поросенок прыгнул на землю и убежал домой.

На другой день волк опять пришел и говорит поросенку:

— Слушай, поросенок, нынче в Шэнклине ярмарка. Пойдешь?

— Ну конечно! — отвечает поросенок. — Ты когда собираешься?

— В три.

А поросенок опять вышел из дома пораньше. Прибежал на ярмарку, купил маслобойку и направился уж было домой, как вдруг видит — волк идет. Что делать? Насмерть перепугался поросенок и полез в маслобойку, да на беду опрокинул ее и вместе с ней покатился с холма прямо на волка. Волк до того напугался, что еле ноги унес — даже про ярмарку позабыл.

Наконец очухался и побежал к поросенку. Подошел к окошку и принялся рассказывать, какого страху натерпелся, когда что-то огромное, круглое свалилось на него с холма.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся поросенок. — Да ведь это я тебя напугал! Я ходил на ярмарку и купил маслобойку. А как увидел тебя, залез в нее и скатился с холма.

Тут волк просто рассвирепел.

— Сейчас спущусь по трубе в дом, — рычит, — и съем тебя!

Смекнул поросенок, что дело его плохо. Развел жаркий огонь и поставил на него котел с водой. Только волк показался в трубе, поросенок снял с котла крышку и волк свалился прямо в кипяток. А поросенок мигом закрыл крышку и не снимал ее, пока волк не сварился. Потом съел его за ужином и зажил счастливо, да так и до сих пор живет.

ДЖЕК ХЭННЕФОРД

Жил на свете старый солдат. Долго пришлось ему воевать — так долго, что под конец он совсем обносился и не знал, куда податься, чтобы раздобыть деньжонок. Взялся он на вересковые холмы, спускался в долины, пока не добрался, наконец, до одной фермы. Фермер в то время был в отъезде — он отправился на рынок, — а жена его дома осталась. Была она дура душой. Правда, сам фермер тоже умом не отличался, так что трудно сказать, кто из них был глупее. Ну, да когда вы услышите весь рассказ, вы сами это решите.

Так вот, уезжая на рынок, фермер сказал жене:

— Даю тебе десять фунтов золотом. Смотри береги их, пока я домой не вернусь!

Не будь он набитым дураком, никогда бы он не оставил деньги жене.

Только он скрылся из глаз, жена и говорит себе.

— Уж я схороню эти денежки от воров!

Завязала все десять фунтов в узелок, пошла в комнату и спрятала над камином.

«Тут их никакому вору не найти!» — думает.

А в это самое время подходит к дому старый солдат Джек Хэннефорд и стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает фермерша.

— Джек Хэннефорд.

— Откуда идешь?

— Из рая.

— Господи помилуй! Так ты, верно, видел там моего покойного старика?

А надо сказать, что за фермера она вышла вдовой, так что сейчас спрашивала про своего первого мужа.

— Как не видеть, видел, — отвечает солдат.

— Ну и как он там поживает? — спрашивает фермерша, а сама уже расчувствовалась.

— Да так себе. Чинит старые башмаки. А ест одну капусту.

— Ох, бедняжка! — говорит фермерша. — А не просил он мне что-нибудь передать?

— Как же! — говорит Джек Хэннефорд. — Сказал, что кожа для починки у него вся вышла и в карманах пусто. Значит, не мешало бы тебе послать ему несколько шиллингов — было бы на что кожей запастись.

— Пошлю, пошлю! Благослови господи его грешную душу...

И вот фермерша побежала в комнату, достала узелок с десятью фунтами и отдала его солдату.

— Передай моему старику, — говорит, — чтобы он взял из этих денег сколько надо, а остальное назад прислал.

Джек забрал деньги и не стал долго раздумывать, а поспешил поскорей убраться с фермы.

Тем временем фермер вернулся домой и спросил жену про деньги. Та рассказала ему, что отослала их с одним служивым на небо, в рай, своему покойному мужу, чтобы тот купил себе кожи — святым да ангелам башмаки чинить.

Фермер очень рассердился на жену и сказал, что в жизни не встречал такой дуры. А жена сказала, что он еще глупей, коли доверил ей деньги.

Однако препираться было некогда; вскочил фермер на коня и пустился в погоню за Джеком Хэннефордом. Услышал старый солдат стук копыт и смекнул, что это фермер за ним гонится. Улегся он на землю, одной рукой глаза прикрыл, другой на небо указывает и сам туда же глядит.

— Что ты тут делаешь? — спросил его фермер, придерживая коня.

— О господи! Вот чудо так чудо! — воскликнул Джек.

— Что за чудо?

— Да вон там человек прямо на небо летит, словно по земле бежит.

— Ты и сейчас его видишь?

— Вижу.

— Где же он?

— Слезай с коня и ложись на землю!

— А ты коня поддержишь?

Джек охотно согласился.

Вот лег фермер на землю.

— Ничего не вижу, — говорит.

— Прикрой глаза ладонью и сразу увидишь, как человек во весь дух летит.

И правда, фермер увидел, как человек во весь дух летит, только это был Джек Хэннефорд — он вскочил на коня и наутек.

Вернулся фермер домой пеший, без коня.

— Вот видишь, — сказала ему жена, — выходит, ты еще глупей меня. Я только одну глупость сделала, а ты целых две!

БИННОРИ

Жили когда-то в замке близ дивных мельничных плотин Биннори две королевских дочери. И посватался к старшей из них сэр Уильям, и покориł ее сердце, и скрепил свои клятвы кольцом и перчаткой. А потом увидел младшую сестру — златокудрую, с лицом нежным, как цветущая вишня, — и сердце свое отдал ей, а старшую разлюбил. И старшая возненавидела младшую за то, что та отняла у нее любовь сэра Уильяма, и ненависть ее все росла день ото дня, и она все думала да гадала, как бы ей погубить сестру.

И вот в одно тихое светлое утро старшая сестра сказала младшей:

— Пойдем посмотрим, как входят в дивные воды Биннори ладьи нашего отца!

И они взялись за руки и пошли. И когда подошли они к берегу, младшая поднялась на большой камень: хотела увидеть, как будут вытягивать на берег ладьи. А старшая сестра шла за ней следом и вдруг обвила ее стан руками и столкнула ее в бурные воды Биннори.

— Ах, сестра, сестра, протяни мне руку! — крикнула младшая принцесса, когда вода понесла ее прочь. — Я отдам тебе половину всего, что есть у меня и что будет!

— О нет, сестра, не подам я тебе руки! Ты умрешь, и земли твои достанутся мне! Позор мне будет, если я дойду до той, что разлучила меня с любимым!

— О сестра, сестра, так протяни мне хоть перчатку, и я верну тебе Уильяма! — кричала принцесса, а поток уносил ее все дальше и дальше.

— Тони! — отвечала жестокая принцесса. — Не коснись я тебя ни рукой, ни перчаткой! Ты утонешь в дивных водах Биннори, и милый Уильям снова будет моим!

И она вернулась в королевский замок.

А младшую принцессу поток нес все дальше, и она то всплывала наверх, то снова скрывалась в воде, пока, наконец, река не принесла ее к мельнице. А в это время дочка мельника готовила обед, и понадобилась ей вода. Вот спустилась она к реке, увидела — что-то плывет к плотине, и крикнула:

— Отец! Отец! Скорей опусти створки! Что-то белое — лебедь или русалка — плывет сюда по реке.

И мельник поспешил к плотине и остановил тяжелые, страшные мельничные колеса. А потом отец с дочерью вытащили из воды принцессу и положили ее на берег.

Светлая и прекрасная, лежала она на земле. Жемчуга и самоцветы украшали ее золотые кудри, золотой пояс стягивал ее тонкий стан, золотая бахрома на подоле белой одежды скрывала ее нежные ножки.

Но она не дышала, не дышала...

А пока прекрасная принцесса лежала на берегу, мимо плотин Биннори проходил странник — знаменитый арфист. Он увидел ее прелестное бледное лицо и с тех пор не мог его забыть. Долго странствовал он по свету, а лицо это все стояло перед его глазами.

Много-много дней спустя он вернулся к дивным водам Биннори, но принцесса давно уже спала вечным сном, и он нашел лишь кости ее да золотые кудри. И он сделал из них арфу и поднялся с нею на холм, что стоит над плотиной Биннори, и подошел к замку, где жил король-отец.

В тот вечер король и королева, их сын и дочь, сэр Уильям и весь двор собрались в зале послушать прославленного арфиста. И вот запел арфист, перебирая струны своей арфы, и все — то ликовали и радовались, то плакали и печались, повинаясь его желанию. И вдруг арфа сама запела тихим и ясным голосом; тогда арфист умолк, и все затаили дыхание.

Вот о чем пела арфа:

О, там сидит мой отец, король,
Биннори, о Биннори;
А с ним сидит королева-мать
Близ дивной плотины Биннори.

Стоит здесь и Хью, мой брат родной,
Биннори, о Биннори;
И верный-неверный Уильям мой,
Близ дивной плотины Биннори;

Диву дались все в зале, а старый арфист рассказал, как однажды увидел он на берегу мертвую принцессу, что утонула близ дивных плотин Биннори, и как сделал из ее костей и кудрей эту арфу.

И вдруг арфа снова запела громким и ясным голосом:

А вот и сестра, что топила меня
Близ дивной плотины Биннори.

И тут струны лопнули, и арфа умолкла навсегда, навсегда.

СОН КОРОБЕЙНИКА

Жил-был в деревне Софэм, что в графстве Норфолк, коробейник Джон. Жил он с женой да тремя детьми очень бедно, в убогом домишке. Ведь как ни старался Джон, а хорошего торговца из него не вышло — слишком уж он был прост, слишком честен, не умел выколачивать последние денежки из бедняков, когда продавал им свои товары на ярмарках и базарах.

День за днем шагал Джон по дорогам с тюком за спиной; продавал булавки и кружева, ленты и платки всем, кто хотел их купить, а еще пел на деревенских ярмарках старинные песни и баллады.

Но вот в каком-то году весна выдалась поздняя, а когда она, наконец, пришла, задул такой сильный ветер, полили такие частые дожди, что бедняга Джон лишь изредка мог выходить из дома с товаром.

Тяжелое это было времечко для Джона и его жены — им едва удавалось прокормить и одеть своих троих детей. У сына не было башмаков, не в чем было на работу выйти, а дочки выросли из своих платьев — хочешь не хочешь, а доставай новые.

— Ума не приложу, как нам быть! — со вздохом сказала жена коробейника в одно дождливое утро. — Ничего не могу придумать... Видно, придется тебе, Джон, наняться в работники на ферму. В нынешнем году торговлей много не заработаешь.

— В этакую погоду на ферме тоже делать нечего, — ответил коробейник. — Но вот что я тебе скажу, жена! Подамся-ка я в Лондон, как только пойснеет.

— В Лондон?! — воскликнула жена. — А что тебе там делать? Хочешь разбогатеть, что ли? Да лондонские жулики тебя как лику обдерут! Что это тебе взбрело в голову — в Лондон идти?

— Так и быть, скажу, — ответил коробейник. — Прошлой ночью, когда по крыше дождь барабанил, мне не спалось и я все думал да ломал себе голову, как нам быть? А когда, наконец, заснул, приснился мне чудесный сон. Ей-богу, чудесный, жена!

— Ты, верно, видел во сне, что с неба в камин упал шкаф, набитый новой одежей! А когда проснулся, оказалось в камине не шкаф, а всего-навсего старое грачиное гнездо, которое целый год торчало у нас на крыше.

— Вот и нет! — сказал Джон. — Во сне я слышал только голос, — и до чего же ласковый голос! — а чей, не знаю. И будто голос этот сказал мне: «Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

— Какую весть? — спросила жена Джона.

— Не знаю — тут я как раз проснулся. Но до чего ласковый это был голос, до чего убедительный!

— И ты собираешься тащиться в Лондон из-за какого-то сна? Да ты, должно быть, поел за ужином заплесневелого сыра, вот и приснилась тебе какая-то чушь!

— Нет, женушка, — сказал коробейник. — После твоих ужинов сны не снятся.

— И немудрено! Мне ведь ужин-то стряпать почти не из чего! Ну, а что это за удивительную весть ты должен услышать на Лондонском мосту? Может, надеешься узнать, что помер твой старик отец и оставил тебе состояние?

— Да, что-нибудь в этом роде, хотя моему старику оставлять нечего. А впрочем, глупости все это, и говорить о них больше не стоит.

Но и вторую и третью ночь коробейника мучили сны. Три ночи подряд слышался ему все тот же голос: «Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть».

«Уж не ангел ли это говорит со мной? — думал Джон. — А может, сам господь хочет помочь бедняку в трудный час...»

Как ни прост был Джон, но уж если, бывало, забьет себе что-нибудь в голову, никак его не отговоришь, и в

конце концов жена согласилась отпустить его. Благословила мужа на дорогу, сказала, что рада будет, если он хоть живым вернется, а больше ей ничего не надо. Заставила его одеться потеплее и отдала ему последние деньги. На прощанье Джон расцеловал всю семью и пошел в Лондон. На сей раз он не тащил на спине тюка — вышел налегке, только с палкой в руках.

До Лондона ходу было четыре дня. На Джоново счастье распогодилось, и он мог ночевать в сараях или под стогами сена. Наконец он добрался до Лондона и без труда нашел знаменитый мост. В те далекие времена на этом мосту стояли дома и лавки и по нему проходили толпы народа.

Дошел Джон до Темзы, остановился на мосту и стал ждать. Глядит на воду, видит — проплывают мимо лодки; глядит на улицу, видит — кареты и повозки катят, всадники едут, пешеходы идут. Но никто с ним не заговаривает, никто его не замечает.

Когда стемнело, Джон улегся, прислонившись к стене какого-то дома, и заснул.

На другой день он стал на другом конце моста. Но опять никто не обратил на него никакого внимания. Проголодался Джон, купил себе небольшой каравай хлеба, немного сыру и кружку пива.

Так он и стоял на мосту день за днем, пока не вышли у него все деньги.

«Вот и конец моим приключениям, — подумал Джон. — Денег больше нет, а толку никакого. Ни одна живая душа мне ни словечка не сказала и никакой вести я не услышал, ни простой, ни удивительной. А теперь придется поворачивать домой да просить на хлеб — у меня, кажется, и двух пенсов не осталось...»

И только захотел Джон в последний разок взглянуть на широкую реку, как подошел хозяин лавки, что стояла напротив, и заговорил с ним.

— Не терпится мне узнать, кто ты такой и что тебе здесь надо! — сказал лавочник. — День за днем ты стоишь тут на мосту, хотя продавать тебе нечего и милостыни ты не просишь. И ни с одной живой душой ты не перемолвился ни словечком: ни с мужчиной ни с женщиной, ни с ребенком. Так скажи мне, если можно, что ты тут делаешь? Спрашиваю просто так, из любопытства.

Джон замялся. Не хотелось ему рассказывать первому встречному, почему он столько времени простоял без дела на Лондонском мосту. Но парень он был простодушный, не мастер выдумывать всякие небылицы да отговорки, ну и выложил все начистоту.

— Эх, соседushка, — начал он, — сказать по правде, я простой деревенский бедняк. Три ночи подряд мне снилось, что если я пойду и стану на этом вот мосту, то услышу удивительную весть. Но никаких вестей я не услышал и теперь надо мне возвращаться домой, потому что все деньги у меня вышли.

Лавочник опешил, уставился на Джона, а потом как прыснет со смеху. Хохотал до слез, чуть не лопнул от смеха.

— Ну и умная же ты голова! — вымолвил он, наконец. — Говоришь — притащился из деревни в Лондон и все это время на мосту простоял только потому, что приснилась тебе какая-то чушь? Да другого такого простачка во всем Лондоне не сыщешь! Будет мне о чем порассказать соседям! Будет чем развеселить мою старуху, чтоб забыла она про свои боли в ногах.

И он опять так и покатился со смеху.

— Вот что я тебе скажу, деревенщина! — продолжал лавочник, человек словоохотливый. — Прошлой ночью я тоже видел сон — ясно, как наяву. Но я не такой осел, чтобы обращать внимание на какие-то сны. Я тоже слышал во сне голос. Будто кто-то сказал мне: «Поди в деревню Софэм в графстве Норфолк...» Да, кажется в Софэм, хотя точно не помню, — никогда не слыхал про эту деревню. Так вот, значит: «Иди в Софэм, копай землю под дубом, что растет позади дома коробейника, и найдешь огромный клад». Вот что мне приснилось, дружище! Но неужто ты думаешь, что я дурак набитый и со всех ног побегу туда, раз мне такое приснилось? Да я даже знать не знаю, есть ли на свете деревня Софэм!

Но лавочник не успел вволю посмеяться над Джоном — тот сказал «до свиданья» и был таков. Подивился лавочник, подумал: «Куда так торопится этот чудак?», потом решил, что он свихнулся, и скоро забыл о нем.

А Джон бросился бежать домой. Бежал он со всех ног, а слова лавочника так и звенели у него в ушах. Всю дорогу он думал только о дубе, что рос в дальнем конце его сада. Джон хорошо знал этот дуб, да и как не знать —

ведь он мальчонкой каждый божий день карабкался на него, а теперь на дерево лазил его сын.

Наконец, усталый и голодный, добрался он до дому. Жена несказанно обрадовалась, когда увидела его целым и невредимым, и не успела с ним поздороваться, как принялась готовить ему завтрак. Но, хотя Джону до смерти хотелось есть, он не стал терять времени на еду.

— Неси скорей лопату, женушка, — сказал он, — какой мы сад перекапываем.

— Вот она, Джон! — ответила жена. — Скажи спасибо, что я ее на хлеб не обменяла. А на что тебе лопата? Лучше поешь! Хотя, по правде сказать, угощать мне тебя почти нечем. Как говорится: хлебай маленькой ложкой.

Но Джон ее и не слышал. Кинулся в сад и принялся копать землю под дубом.

— Вот бедняга! — сказала жена коробейника дочкам, — те как раз прибежали поздороваться с отцом. — Вот бедняга... Лондонским жуликам нечего было с него взять, так они последний разум у него отняли. А много ли в нем корысти?

Но она ошиблась. Не успел Джон немножко покопать, как наткнулся на большой деревянный сундук, весь перепачканный землей и почти сгнивший. Джон отнес его в дом и открыл. И тут все просто онемели от удивления. В сундуке лежали груды золотых монет и разная серебряная посуда, а еще были там драгоценные камни и богатые украшения из чистого золота.

— Выходит, я не ошибся, — спокойно молвил Джон. — Голос меня не обманывал — то был голос самой правды! Ну, что же нам теперь делать со всем этим богатством?

И вот, чтобы не быть в долгу перед богом, Джон пожертвовал большую часть денег на обновление старой деревенской церковки, которая грозила вот-вот обвалиться. А на остальные купил большой красивый дом и зажил в нем припеваючи с женой и детьми.

КОРОЛЬ ИОАНН И КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ АББАТ

В царствование короля Иоанна кентерберийский аббат жил в своем аббатстве не хуже самого короля. Каждый день в трапезной вместе с ним обедали сто монахов, и всегда его окружала свита из пятидесяти рыцарей в бархатных одеждах и с золотыми цепями на груди.

Как вам известно, король Иоанн был на редкость плохим королем. Он не терпел, чтобы кого-нибудь из его подданных — будь то даже святой отец — почитали больше, чем его самого. И он вызвал кентерберийского аббата к себе.

Аббат, а с ним его пышная свита — пятьдесят рыцарей в латах, бархатных плащах и с золотыми цепями на груди — явились ко двору. Король вышел навстречу аббату и молвил:

— Как чувствуешь себя, святой отец? Слышал я, что двор у тебя еще более пышный, чем мой. Это оскорбляет наше королевское достоинство и пахнет изменой.

— Государь, позвольте мне оправдаться, — ответил аббат с низким поклоном. — Все, что я трачу, — это приношения благочестивых людей нашему аббатству. Надеюсь, что ваше величество не прогневается на меня за то, что я трачу на аббатство деньги, принадлежащие аббатству.

— Неладно говоришь, почтенный прелат! — молвил король. — Все, что находится в нашем славном королевстве английском, принадлежит только нам. Значит, не полагает тебе так роскошествовать и тем позорить самого

короля! Но по великой своей милости я не отниму у тебя ни жизни твоей, ни имущества, если ты ответишь мне на три вопроса.

— Постараюсь, государь, — ответил аббат, — если это по силам скудному моему разуму.

— Скажи мне, — молвил король, — где середина земли? И сколько мне понадобится времени, чтобы объехать вокруг света? И, наконец, угадай, о чем я сейчас думаю!

— Ваше величество, верно, шутить изволите, — пробормотал аббат.

— Вот погоди, увидишь, что это за шутки, — сказал король. — Не ответишь на все три вопроса до конца недели, голову тебе сниму!

И король ушел.

В страхе и трепете отправился аббат домой, но сначала заехал в Оксфорд. Там он думал найти какого-нибудь ученого мужа, который научил бы его, как ответить на все три вопроса. Однако не нашел никого и в горе и печали повернул к Кентербери, чтобы проститься со своими монахами. И вдруг встретил на дороге пастуха — тот пас овец аббатства и теперь брел в овчарню.

— С приездом, господин аббат! — приветствовал его пастух. — Какие новости привезли от доброго короля Иоанна?

— Печальные новости, пастух, печальные, — промолвил аббат и рассказал, как принял его король.

— Не горюйте, господин аббат, — сказал пастух. — Случается, что дурак разгадает то, чего не знает умный человек. Вместо вас поеду в Лондон я. Только одолжите мне свое платье и пошлите со мной вашу свиту. На худой конец, я умру вместо вас.

— Что ты, пастух! — сказал аббат. — Мне не пристало избегать опасности. И потому ты не можешь ехать вместо меня.

— Могу! И поеду, господин аббат! В вашем платье и клобуке кто меня узнает?

И вот аббат согласился, нарядил пастуха в лучшие свои облачения и отправил его в Лондон. А сам надел простое монашеское платье, надвинул клобук на лицо и вместе со свитой тоже прибыл ко двору короля.

— Добро пожаловать, господин аббат, — сказал король Иоанн пастуху, переодетому в платье аббата. — Я вижу, ты уже примирился с судьбой.

— Я готов отвечать вашему величеству, — промолвил пастух.

— Так, так! Ну, отвечай на первый вопрос: где середина земли? — спросил король.

— Здесь! — ответил пастух и ударил по земле иноческим посохом. — А если ваше величество сомневается, измерьте и тогда сами убедитесь.

— Святой Ботолф! — воскликнул король. — Неглупый ответ! Ты, я вижу, за словом в карман не лезешь. А теперь ответь мне на второй вопрос: сколько времени мне понадобится, чтобы объехать вокруг света?

— Если ваше величество изволит подняться вместе с солнцем и будет ехать за ним не отставая, до следующего восхода, то как раз успеет объехать вокруг света.

— Святой Иоанн! — засмеялся король. — Я и не знал, что так быстро. Ну, с этим покончено. А теперь третий и последний вопрос: о чем я сейчас думаю?

— Это легко угадать, ваше величество, — ответил пастух. — Ваше величество изволит думать, что я — кентерберийский аббат, но, как вы сейчас убедитесь, — тут пастух откинул клобук, — я всего только его скромный пастух и умоляю вас простить и его и меня.

Тут король расхохотался.

— Ловко ты меня провел! — сказал он. — Выходит, ты умнее своего господина, а потому назначаю тебя кентерберийским аббатом вместо него.

— Это невозможно, — возразил пастух, — ведь я не умею ни читать, ни писать.

— Коли так, будешь получать шесть червонцев в неделю за то, что остер на язык. И передай аббату, что я его прощаю!

Затем король Иоанн наградил пастуха по-королевски и отправил его домой.

УИТТИНГТОН И ЕГО КОШКА

В царствование славного короля Эдуарда III жил мальчик по имени Дик Уиттингтон. Отец и мать его умерли, когда он был совсем маленьким.

Дик был так мал, что еще не мог работать. Туго приходилось бедняжке. Обедал он скудно, а завтракать часто и вовсе не завтракал. Люди в его деревне были бедные и ничего не могли ему дать, кроме картофельных очистков да изредка черствой корки хлеба.

И вот послушался Дик всяких небылиц про большой город Лондон. А в те времена, надо вам сказать, в деревне думали, что в Лондоне живут одни лишь знатные господа, которые целыми днями только и делают, что поют да танцуют, а все лондонские улицы вымощены чистым золотом!

Как-то раз, когда Дик стоял у придорожного столба, через деревню проехала большая повозка, запряженная восьмеркой лошадей с бубенчиками на уздечках. Дик решил, что повозка едет в прекрасный город Лондон, и, набравшись храбрости, попросил возчика взять его с собой.

— Позволь мне идти рядом с повозкой! — попросил Дик. — У меня нет ни отца, ни матери. И хуже, чем теперь, мне все равно не будет.

Возчик посмотрел на обтрепанную одежку Дика и ответил:

— Иди, коли хочешь!

И они тронулись в путь вместе.

Дик благополучно добрался до Лондона. Ему так не терпелось увидеть чудесные улицы, мощенные золотом, что он даже забыл поблагодарить доброго возчика и со

всех ног бросился искать их. Он бегал с улицы на улицу и все ждал, — вот сейчас покажется мостовая из золота. В деревне он три раза видел золотую гиней и отлично помнил, сколько мелкой монеты давали в обмен на нее. Вот он и думал: стоит только откалывать по кусочку от мостовой, и денег у него будет сколько душе угодно.

Бедняга Дик бегал, пока совсем из сил не выбился. Своего друга возчика он больше и не вспоминал. Наконец, уже к вечеру, Дик убедился, что куда бы он ни пошел, всюду только грязь вместо золота. Забился он в темный уголок и плакал, пока не уснул.

Всю ночь маленький Дик провел на улице, а утром, очень проголодавшись, встал и пошел бродить по городу. Каждого встречного он просил: «Подайте хоть полпенни, чтобы мне с голоду не умереть!» но почти никто не останавливался и не отвечал — только двое-трое прохожих подали ему по монетке. Бедняга совсем ослабел от голода и едва держался на ногах.

В отчаянье он попросил милостыню еще у нескольких прохожих, и один из них крикнул ему сердито:

— Пошел бы лучше работать на какого-нибудь бездельника!

— Я готов! — ответил Дик. — Возьмите меня, и я с удовольствием пойду работать к вам.

Но прохожий только обругал его и пошел дальше.

Наконец какой-то добродушный на вид господин заметил голодного мальчика.

— Тебе бы на работу наняться, дорогой, — сказал он Дику.

— Я бы нанялся, да не знаю куда, — отозвался Дик.

— Идем со мной, если хочешь, — проговорил господин и отвел Дика на сенокос.

Там Дик научился проворно работать и жил припеваючи, пока сенокос не кончился.

А потом он опять не мог найти работы и, полумертвый от голода, свалился у дверей мистера Фитцуоррена, богатого купца. Там его вскоре заметила кухарка, презлая женщина.

— Что тебе здесь надо, ленивый бродяга? — закричала она на бедного Дика. — Отбою нет от этих нищих! Если ты не уберешься отсюда, я тебя помоями окачу! У меня и горяченькие найдутся. Живо вскочишь!

Но тут вернулся домой к обеду сам мистер Фитцуоррен.

Увидел он у своих дверей грязного, оборванного мальчика и спросил его:

— Чего ты здесь лежишь, мальчик? Ты ведь уже большой, мог бы работать. Лентяй, верно?

— Что вы, сэр! — ответил Дик. — Вовсе я не лентяй. Я бы всей душой хотел работать, да никого здесь не знаю. Должно быть, я заболел от голода.

— Эх, бедняга! Ну, вставай! Посмотрим, что с тобой такое.

Дик хотел было подняться, но опять повалился на землю — так он ослабел. Ведь у него три дня ни крошки во рту не было, и он уже не мог бегать по улицам и просить милостыню у прохожих. Купец приказал отнести Дика в дом, накормить его сытным обедом и дать ему посильную работу на кухне.

Хорошо жилось бы Дик у этой радушной семье, если бы не злая кухарка. Она то и дело говорила ему:

— А ну, поворачивайся живей! Вычисти вертел да подвинти его рукоятку, вытри противень, разведи огонь, вымой всю посуду да попроворней, а не то!.. — и она замахивалась на Дика черпаком.

Кроме того, она так привыкла одно сбивать, другое отбивать, что, когда ей нечего было делать, она била несчастного Дика по голове и плечам и половой щеткой и всем, что только попадалось под руку. Спустя некоторое время дочери мистера Фитцуоррена Алисе рассказали, как кухарка измывает над Диком. И Алиса пригрозила прогнать кухарку, если та не перестанет угнетать мальчика.

После этого кухарка стала обращаться с Диком получше, но тут на него свалилась новая беда. Кровать его стояла на чердаке, а там и в полу и в стенах было столько дыр, что мыши и крысы просто изводили его по ночам.

Как-то раз вычистил Дик одному господину башмаки, а тот дал ему за это целый пенни, и Дик решил купить на эти деньги кошку. На другой день он увидел девочку с кошкой и сказал ей:

— Продай мне свою кошку! Я тебе за нее целый пенни дам.

— Что ж, берите, господин! — ответила девочка. — Хотя моя кошка дороже стоит — ведь она отлично ловит мышей!

Дик спрятал кошку на чердаке и никогда не забывал

принести ей остатки своего обеда. Не прошло и нескольких дней, как мыши и крысы перестали его тревожить, так что теперь он крепко спал по ночам.

Вскоре после этого один из торговых кораблей мистера Фитцуоррена стал готовиться в дальнее плавание. По обычаю, слуги могли попытать счастья в торговых делах вместе с хозяином и послать за границу какие-нибудь вещи на продажу или деньги на покупку товаров. Однажды хозяин созвал их всех в гостиную и спросил, что они желают послать.

У всех нашлось чем рискнуть. Лишь у бедняги Дика не было ни денег, ни вещей на продажу — нечего было ему послать, потому он и не пришел в гостиную. Мисс Алиса догадалась, почему нет Дика, и велела позвать его.

— За него дам деньги я; — сказала она.

Но отец возразил ей:

— Так не годится! Каждый может послать только что-нибудь свое, собственное.

— Нет у меня ничего, — сказал бедный Дик. — Вот разве кошка... Я ее недавно купил за пенни у одной девочки.

— Так неси сюда кошку! — приказал мистер Фитцуоррен. — Можешь послать ее.

Дик сходил наверх, принес свою бедную кошку и со слезами на глазах отдал ее капитану корабля.

— Теперь, — сказал он, — мыши и крысы не дадут мне покоя по ночам.

Все смеялись над диковинным «товаром» Дика, одна лишь мисс Алиса пожалела его и дала ему денег на новую кошку.

Это вызвало зависть у злобной кухарки, тем более что мисс Алиса вообще была очень добра к бедняге Дику. Кухарка стала издеваться над ним пуще прежнего и то и дело колола его тем, что он послал за море кошку.

— Как думаешь, — говорила она, — дадут за твою кошку столько денег, чтоб их хватило на палку — тебя колотить?

В конце концов бедный Дик не вытерпел и решил бежать. Забрал он свои пожитки и рано утром первого ноября, в день всех святых, тронулся в путь. Дошел до Холлоуэя, присел на камень — этот камень и по сей день называется «Камнем Уиттингтона» — и стал раздумывать, по какой дороге ему идти.

И пока он раздумывал, колокола церкви Бау-Чёрч, — а их в то время было только шесть, — начали звонить, и Дику показалось, будто они говорят ему:

О, вернись в Лон-дон,
Дин-дон! Дин-дон!
Лорд-мэр Уиттингтон,
Дин-дон! Дин-дон!

«Лорд-мэр? — удивился Дик. — Да я что угодно вытерплю, лишь бы стать лондонским лорд-мэром и кататься в роскошной карете, когда вырасту большим! Ну что ж, пожалуй, вернусь, и даже внимания не стану обращать на кухаркины колотушки и воркотню, раз мне в конце концов суждено стать лорд-мэром Лондона».

Дик пошел обратно и, к счастью, успел вернуться домой и приняться за работу раньше, чем старая кухарка сошла в кухню.

А теперь последуем за мисс Кисой к берегам Африки. Корабль с кошкой на борту долго плыл по морю. Наконец ветер пригнал его к той части африканского берега, где жили мавры — народ англичанам незнакомый. Мавры толпами сбегались посмотреть на моряков, которые отличались от них цветом кожи, а когда ближе познакомились с ними, принялись раскупать все удивительные вещи, которые привез корабль.

Тогда капитан послал образцы лучших товаров царю этой страны, а тому они так понравились, что он пригласил моряков к себе во дворец. По обычаю, гостей усадили на дорогие ковры, затканые золотыми и серебряными цветами, а царь с царицей сели на возвышение в конце зала. Но не успели внести кушанья, как в зал ворвались полчища крыс и мышей и в миг сожрали все, что стояло на столе. Капитан был поражен и спросил, как можно это терпеть?

— Ох, это прямо бедствие! — ответили ему. — Наш царь отдал бы половину своих сокровищ, лишь бы избавиться от этих тварей. Ведь они не только пожирают всю еду, как вы сами видели, но и нападают на него в опочивальне и даже забираются к нему в постель. Так что спать ему приходится под охраной.

Капитан чуть не подпрыгнул от радости — он вспомнил про беднягу Уиттингтона и его кошку и сказал царю, что

на борту у него есть животное, которое живо расправится с этой нечистью. Тут и царь подпрыгнул от радости да так высоко, что турбан свалился у него с головы.

— Принесите мне это животное! — вскричал он. — Грызуны — бич моего двора, и если оно справится с ними, я наполню ваш корабль золотом и драгоценностями!

Капитан хорошо знал свое дело и не преминул расписать все достоинства мисс Кисы. Он сказал его величеству:

— Не хотелось бы нам расставаться с этим животным. Ведь если его не будет, мыши и крысы, чего доброго, уничтожат все товары на корабле! Но, так и быть, я принесу его, чтобы услужить вашему величеству!

— Бегите, бегите! — вскричала царица. — Ах, как мне хочется поскорей увидеть это милое животное!

И капитан отправился на корабль, а тем временем для гостей приготовили новый обед. Капитан сунул мисс Кису под мышку и прибыл во дворец как раз вовремя: весь стол опять был усеян крысами. Как только кошка увидела их, она не стала ждать приглашения — сама вырвалась из рук капитана, и спустя несколько минут почти все крысы и мыши лежали мертвыми у ее ног; остальные в страхе разбежались по своим норам.

Царь был в восторге, что так легко избавился от напасти, а царица захотела полюбоваться животным, которое оказало им такую большую услугу, и попросила принести его.

— Кис-кис-кис! — позвал капитан.

Кошка подошла к нему. Капитан протянул кошку царице, но та отпрянула назад — ей было страшно дотронуться до существа, которое так легко одолело крыс и мышей. Но вот капитан погладил кошку и опять позвал «кис-кис», и тогда царица тоже дотронулась до нее и позвала: «Кить-кить!» — ее ведь не учили правильному произношению.

Капитан положил кошку царице на колени. Кошка замурлыкала и принялась играть пальчиками ее величества, потом опять замурлыкала и уснула.

Царь, увидев подвиги мисс Кисы и узнав, что ее котят, если их расселить по его владениям, избавят страну от крыс, заключил с капитаном сделку на все товары, какие были на корабле. Причем, за кошку дал в десять раз больше, чем за все остальное.

Затем капитан покинул царский дворец, отплыл с попутным ветром в Англию и вскоре благополучно прибыл в Лондон.

И вот однажды утром, только мистер Фитцуоррен пришел к себе в контору и сел за письменный стол, чтобы проверить выручку и распределить дела на день, как вдруг кто-то постучал в дверь: тук-тук-тук.

— Кто там? — спросил мистер Фитцуоррен.

— Ваш друг, — услышал он в ответ. — Я принес вам хорошие вести о вашем корабле «Единороге».

Забыв о своей подагре, купец бросился открывать дверь. И кого же он за ней увидел? Капитана и своего агента со шкатулкой, полной драгоценностей, и с накладной! Мистер Фитцуоррен просмотрел накладную и, подняв глаза к небу, возблагодарил всевышнего за столь удачное плавание.

Затем прибывшие рассказали купцу про случай с кошкой и показали ему богатый подарок, который царь и царица прислали за кошку бедняге Дику. Выслушав их, купец позвал своих слуг и сказал:

Скорее Дику сообщим, пусть радуется он,
И будем звать его отныне: «Мистер Уиттингтон».

И тут мистер Фитцуоррен показал себя с самой хорошей стороны. Когда кое-кто из слуг намекнул, что Дику такое богатство ни к чему, он ответил:

— Боже меня сохрани, чтобы я взял у него хоть пенни! Что ему принадлежит, то он и получит, — все до последнего фартинга.

И он послал за Диком. А тот в это время чистил для кухарки горшки и весь перепачкался сажей. Дик отказался было идти в контору, говоря:

— Там полы подметены, а у меня башмаки грязные да еще толстыми гвоздями подбиты.

Но мистер Фитцуоррен настоял, чтобы Дик пришел, и даже велел подать ему стул, так что Дик начал думать, что над ним просто потешаются.

— Не смейтесь над бедным малым! — сказал он. — Лучше позвольте мне вернуться на кухню.

— Но право же, мистер Уиттингтон, — возразил купец, — мы говорим с вами серьезно, и я от всего сердца радуюсь тем вестям, что принесли вам эти джентльмены. Капитан продал вашу кошку мавританскому царю и при-

вез вам за нее больше, чем стоят все мои владения вместе взятые. Желаю вам много лет пользоваться вашим богатством!

Затем мистер Фитцуоррен попросил капитана открыть шкатулку с драгоценностями и сказал:

— Теперь мистеру Уиттингтону остается только спрятать свои сокровища в надежное место.

Бедняга Дик не знал куда деваться от радости. Он просил хозяина взять часть его богатства, считая, что всем обязан его доброте.

— Нет, нет, что вы! — сказал мистер Фитцуоррен. — Все это ваше. И я не сомневаюсь, что вы прекрасно всем распорядитесь.

Тогда Дик попросил хозяйку, а затем мисс Алису принять часть его состояния, но они тоже отказались, уверяя, что от души радуются его удаче. Однако бедный малый просто не мог оставить себе все, что получил. Он преподнес богатые подарки капитану, его помощнику, всем слугам и даже злой старухе кухарке.

Мистер Фитцуоррен посоветовал Дику послать за искусным портным и одеться как подобает джентльмену; потом предложил юноше расположиться в его доме, пока не найдется лучшей квартиры.

Уиттингтон умылся, завил волосы, надел шляпу и хороший костюм и стал не менее красивым и нарядным, чем любой из молодых людей, бывавших в гостях у мистера Фитцуоррена. И мисс Алиса, которая раньше только жалела его и старалась ему помочь, теперь нашла его подходящим женихом, тем более что сам Уиттингтон только о том и мечтал, как бы ей угодить, и беспрестанно делал ей чудеснейшие подарки.

Мистер Фитцуоррен вскоре заметил их взаимную любовь и предложил им обвенчаться, на что оба охотно согласились. Был назначен день свадьбы, и в церковь жениха и невесту сопровождали лорд-мэр, олдермены, шерифы и самые богатые купцы Лондона. После венчания всех пригласили на богатый пир.

История повествует нам, что мистер Уиттингтон и его супруга жили в богатстве и роскоши и были очень счастливы. У них было несколько человек детей. Уиттингтона один раз избрали шерифом Лондона, трижды избирали лорд-мэром, а при Генрихе V он удостоился рыцарского звания.

После победы над Францией он с такой пышностью принимал у себя короля с королевой, что его величество сказал:

— Ни один государь еще не имел такого подданного!

На что сэр Ричард Уиттингтон ответил:

— Ни один подданный еще не имел такого государя!

До самого 1780 года можно было видеть изваяние сэра Ричарда Уиттингтона с кошкою в руках над аркой Ньюгетской тюрьмы, которую он сам выстроил для бродяг и преступников.

МИСТЕР МАЙКА

Томми Граймс иногда бывал хорошим мальчиком, а иногда плохим, и когда он бывал плохим, то уж из рук вон плохим. И тогда мама говорила ему:

— Ах, Томми, Томми, будь умницей. Не убегай с нашей улицы, не то тебя мистер Майка заберет!

Но все равно, когда Томми бывал плохим мальчиком, он обязательно убегал со своей улицы. И вот раз не успел он завернуть за угол, как мистер Майка схватил его, сунул вниз головой в мешок и понес к себе.

Пришел мистер Майка домой, вытащил Томми из мешка, поставил его на пол и ощупал ему руки и ноги.

— Да-а, жестковат, — покачал головой мистер Майка. — Ну да все равно, — на ужин у меня ничего больше нету, а если тебя отварить хорошенько, получится не так уж плохо. Ах, господи, про коренья-то я и забыл! А без них ты будешь совсем горький. Салли! Ты слышишь? Поди сюда, Салли! — позвал он миссис Майку.

Миссис Майка вышла из другой комнаты и спросила:

— Чего тебе, дорогой?

— Вот мальчишка — это нам на ужин, — сказал мистер Майка. — Только я забыл про коренья. Постереги-ка его, пока я за ними схожу.

— Не беспокойся, милый, — ответила миссис Майка, и мистер Майка ушел.

Тут Томми Граймс и спрашивает миссис Майку:

— А что, мистер Майка всегда кушает на ужин мальчиков?

— Частенько, миленький, — отвечает ему миссис Майка. — Конечно, если мальчики плохо себя ведут и попадают ему под ноги.

— Скажите, а нет ли у вас чего-нибудь другого на ужин, кроме меня? Ну хоть пудинга? — спросил Томми.

— Ах, как я люблю пудинг! — вздохнула миссис Майка. — Только мне так редко приходится его кушать.

— А вы знаете, моя мама как раз сегодня готовит пудинг! — сказал Томми Граймс. — И она вам, конечно, даст кусочек, если я ее попрошу. Сбегать, принести вам?

— Какой заботливый мальчонка! — обрадовалась миссис Майка. — Только смотри не мешкай, обязательно возвращайся к ужину.

Томми бросился наутек и был рад-радешенек, что так дешево отделался. И много-много дней после этого он был таким хорошим мальчиком, какого свет не видывал. Ни разу не убежал со своей улицы. Но не мог же он всегда оставаться хорошим! И вот в один прекрасный день он опять забежал за угол.

И надо же было так случиться, что не успел он оказаться на другой улице, как мистер Майка заграбастал его, сунул в свой мешок и понес домой.

Притащил он Томми к себе домой, вытряхнул из мешка и сразу узнал его.

— Э-э, — говорит, — да ты никак тот самый мальчишка, что сыграл с нами скверную шутку — оставил меня с хозяйкой без ужина. Но больше тебе это не удастся! Теперь я сам тебя постерегу. Ну-ка, лезь под диван, а я посижу да подожду, пока вскипит для тебя котел с водой.

Пришлось бедному Томми лезть куда приказано, а мистер Майка уселся на диван и принялся ждать, пока котел закипит. Ждали они, ждали, а котел все не закипал, так что под конец мистеру Майке это надоело и он сказал:

— Эй ты, там внизу! Что мне, — век здесь сидеть? Не стану! Только на сей раз ты уж от меня не улизнешь. Высунь-ка ножку!

Томми высунул ножку, а мистер Майка схватил топор, отрубил ее и бросил в котел. Потом позвал:

— Салли! Салли, дорогая!

Но никто не ответил. Тогда мистер Майка выпел в соседнюю комнату поискать миссис Майку, а пока искал, Томми выбрался из-под дивана и бросился к двери. Ведь высунул-то он из-под дивана не свою ножку, а диванную!

И вот опять вернулся Томми Граймс домой и больше никогда не забегал за угол до тех самых пор, пока не вырос большой и ему не разрешили ходить всюду одному.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

На севере Англии жил некогда великий чародей. Он говорил на всех языках и знал все тайны вселенной. У него была огромная книга в переплете из черной телячьей кожи с железными застёжками и железными уголками. Книга эта была прикована цепью к столу, крепко-накрепко прибитому к полу, и когда чародей хотел почитать, он отпирал ее железным ключом. Только он один читал эту книгу, потому что в ней были собраны тайны царства духов.

У этого ученого чародея был ученик — преглупый малый. Он прислуживал своему великому учителю, но не смел и одним глазком заглянуть в огромную черную книгу. Его даже в покои чародея не допускали.

Но как-то раз, когда учителя не было дома, ученик не утерпел и прокрался в его покои. И вот он увидел диковинные предметы, какими пользовался чародей, когда превращал медь в золото и свинец в серебро.

Было тут зеркало, которое отражало все, что делается на белом свете; была и волшебная раковина — стоило чародею приложить ее к уху, и он слышал все, что хотел слышать. Однако ученик тщетно возился с тиглями — он так и не смог получить из меди золото, а из свинца серебро. Напрасно всматривался он в чудесное зеркало — в нем плыли какие-то облака да клубился дым, но ничего больше не было видно. А в раковине только что-то глухо шумело, будто далекая морская волна била о неведомый берег.

«Ничего у меня не выходит,— подумал ученик,— потому что я не знаю заклинаний, написанных в книге. А она заперта».

Он обернулся и — о чудо! Книга оказалась незапертой — учитель перед уходом забыл вынуть ключ из замка. Ученик бросился к книге и открыл ее. Слова в ней были написаны черными и красными чернилами. Юноша почти ничего не мог разобрать, но все-таки, водя пальцем по одной строчке, прочитал ее вслух по слогам.

И вдруг комната погрузилась во мрак и весь дом затрясся. Громовые раскаты прокатились по всем покоем, и перед юношей появилось ужасное страшилище. Глаза его пылали, как два светильника, а изо рта вырывалось пламя. Это был демон Вельзевул, покорный чародею: юноша нечаянно вызвал его заклинанием.

— Приказывай! — заревел демон, как ревет печь, когда в ней бушует пламя.

Юноша застыл на месте, его пробирала дрожь, волосы встали у него дыбом.

— Приказывай, или я тебя задушу!

Но юноша не мог ответить. Тогда демон схватил его за горло и, обжигая своим огненным дыханием, заревел:

— Приказывай!

— Полей вон тот цветок! — в отчаянии выкрикнул юноша первое, что пришло ему в голову, и показал на герань, стоявшую в горшке на полу.

Злой дух тут же исчез, но мгновенно вернулся с бочонком воды на спине и вылил всю воду на цветок. Потом опять исчез и вернулся с новым бочонком. И так он раз за разом исчезал и возвращался, и все лил и лил воду на герань, пока в комнате не набралось воды по щиколотку.

— Довольно, довольно! — задыхаясь, молил юноша.

Но демон не слушал его. Он все таскал и таскал воду — ведь ученик чародея не умел прогонять духов.

А вода беспрерывно поднималась — юноша уже стоял в ней по колени, потом по пояс, но Вельзевул по-прежнему таскал полные бочонки и поливал герань. Вскоре вода дошла юноше до подмышек, и он вскарабкался на стол; потом она поднялась до самых окон, забила о стекла, забурилась вокруг юноши, и он стоял в ней по шею. Напрасно он кричал во весь голос: злой дух не унимался...

Да он и по сей день таскал бы воду, поливал бы герань и конечно залил бы весь Йоркшир, но чародей, к счастью, вспомнил, что забыл запереть свою книгу, и вернулся домой. И в тот самый миг, когда вода уже пузырилась у самого подбородка бедняги ученика, чародей ворвался в свои покои, произнес заклинание и прогнал Вельзевула в его огненную обитель.

КРОШЕЧКА

Жила-была крошечная старушонка. Жила она в крошечной деревеньке, в крошечном домике. Как-то раз надела крошечная старушонка крошечную шляпку и вышла из своего крошечного домика крошечку погулять. Крошечку прошла крошечная старушонка и оказалась у крошечной калиточки. Открыла она крошечную калиточку и попала на крошечное кладбище. Пошла крошечная старушонка по крошечному кладбищу, видит — на крошечной могилке крошечная косточка. Вот и говорит крошечная старушонка своей крошечной особе:

— Сварю-ка я себе из этой крошечной косточки крошечку супа на крошечный ужин.

Положила крошечная старушонка крошечную косточку в свой крошечный карманчик и побрела к своему крошечному домику.

А когда крошечная старушонка вернулась в свой крошечный домик, она почувствовала себя крошечку усталой. Спрятала она крошечную косточку в крошечный буфетик и взобралась по крошечной лесенке на свою крошечную кровать.

Но не успела крошечная старушонка крошечку поспать, как из крошечного буфетика послышался крошечный голосок:

Отдай мою кость!

Крошечная старушонка крошечку испугалась, спрятала свою крошечную головку под крошечные простынки и опять заснула.

Но не успела крошечная старушонка еще крошечку поспать, как снова слышался из крошечного буфетика крошечный голосок, только уже крошечку громче:

Отдай мою кость!

Крошечная старушонка испугалась крошечку больше и крошечку дальше спрятала под крошечные простынки свою крошечную головку.

Но не успела она еще крошечку поспать, как крошечный голосок из крошечного буфетика снова раздался крошечку громче:

ОТДАЙ МОЮ КОСТЬ!

Крошечная старушонка испугалась еще крошечку больше, но все-таки высунула из-под крошечных простынок свою крошечную головку и что есть силы крикнула крошечным голосочком:

БЕРИ!

ТИТТИ-МЫШКА И ТЭТТИ-МЫШКА

Титти-мышка и Тэтти-мышка вместе жили в домишке. Титти-мышка пошла по колосья, и Тэтти-мышка пошла по колосья.

Вот они обе пошли по колосья.

Титти-мышка сорвала колосок, и Тэтти-мышка сорвала колосок.

Вот они обе сорвали по пшеничному колоску.

Титти-мышка стала готовить пудинг, и Тэтти-мышка стала готовить пудинг.

Вот они обе стали готовить пудинги.

Тэтти положила свой пудинг в чугунок с кипятком, чтобы он сварился, и Титти положила свой пудинг в чугунок, но чугунок опрокинулся и обварил Титти насмерть.

Тэтти села и горько заплакала. Тут спрашивает ее треногая табуретка:

— О чем ты плачешь, Тэтти?

— Ах! — отвечает Тэтти. — Титти умерла, вот я и плачу.

— А я стану подпрыгивать, — сказала табуретка и запрыгала.

Тут половая щетка спрашивает ее из своего угла:

— Треножка, а треножка, что ты прыгаешь?

— Титти умерла, Тэтти плачет, вот я и подпрыгиваю.

— А я стану мести, — сказала щетка и принялась подметать пол.

— Постой, щетка! — позвала ее дверь. — Зачем ты метешь?

— Ах! — ответила щетка. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, вот я и мету.

— А я буду скрипеть, — сказала дверь и заскрипела.

— Послушай, дверь, чего ты скрипишь? — спросило окно.

— Ах! — ответила дверь. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щетка метет, вот я и скриплю.

— А я буду дребезжать, — сказала окно и задрезжалось.

За окном во дворе стояла старая скамья. Услышала она, что окно задрезжалось, и спрашивает:

— Окно, окно, что ты дребезжишь?

— Ах! — ответило окно. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щетка метет, дверь скрипит, вот я и дребезжу.

— А я буду скакать вокруг дома, — сказала скамья и поскакала.

Надо вам сказать, что возле дома росла высокая орешина. Вот орешина и спрашивает скамью:

— Скамья, а скамья, что ты все скачешь вокруг дома?

— Ах! — ответила скамья. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щетка метет, дверь скрипит, окно дребезжит, вот я и скачу вокруг дома.

— А я сброшу свои листья, — сказала орешина и сбросила свои красивые зеленые листья.

На ветке ее сидела маленькая птичка. Увидела она, что все листья опали, и спрашивает:

— Скажи, орешина, зачем ты сбросила свои листья?

— Ах! — ответила орешина. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щетка метет, дверь скрипит, окно дребезжит, скамья скачет, вот я и сбросила свои листья.

— А я выщиплю все свои перья, — сказала птичка и выщипала все свои хорошенькие перышки.

В это время по двору проходила маленькая девочка. Она несла кувшин молока на ужин своим братишкам и сестренкам. Увидела она бедную пташку всю ошипанную, без единого перышка, и спрашивает:

— Милая птичка, почему ты такая облезлая?

— Ах! — ответила птичка. — Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щетка метет, дверь скрипит, окно дребезжит, скамья скачет, орешина сбросила листья, вот я и выщипала себе все перышки.

— А я разолью молоко, — сказала девочка и бросила на землю кувшин с молоком.

Рядом на самой верхушке приставной лестницы стоял старик: стог сена тростником прикрывал. Увидел старик, что девочка разлила молоко, и спрашивает:

— Девочка, зачем ты разлила молоко? Теперь твои братишки и сестренки лягут спать без ужина.

И девочка ответила:

— Титти умерла, Тэтти плачет, треножка подпрыгивает, щётка метет, дверь скрипит, окно дребезжит, скамья скачет, орешина сбросила листья, а птичка выщипала себе все перышки, вот я и разлила молоко.

— Ах, страсти-то какие! — сказал старик. — А я опрокину лестницу и сверну себе шею.

И он опрокинул лестницу и свернул себе шею.

Тут высокая орешина с треском повалилась на землю и придавила старую скамью и дом; а дом рухнул и окно вылетело; а дверь выскочила и повалила щетку; а щетка опрокинула табуретку, и бедная маленькая мышка Тэтти погибла под развалинами.

ЧАЙЛД-РОЛАНД

Три принца в солнечном саду
Играли в мяч с утра,
И с ними вышла погулять
Их милая сестра.

Чайлд-Роланд, догоняя мяч,
Ногой его поддел,
И мяч, подпрыгнув к облакам,
За церковь улетел.

За улетающим мячом
Бежит принцесса вслед;
Проходит час, за ним другой,—
Ее все нет и нет.

Три брата бросились за ней
Во все концы земли,
В тоске искали много дней,
Но так и не нашли.

И вот старший брат отправился к знаменитому волшебнику Мерлину, рассказал ему обо всем что случилось и спросил, не знает ли он, где леди Эллен.

— Прекрасную леди Эллен, наверное, унесли феи, — ответил Мерлин. — Ведь святое место — церковь — она обошла против солнца! И теперь она в Темной Башне короля эльфов. Только самый храбрый из рыцарей может освободить ее.

— Я освобожу ее или погибну! — сказал старший брат.

— Что ж, попытай счастья, — ответил Мерлин. — Только горе тому, кто отважится на это, не ведая, как взяться за дело!

Но старший брат леди Эллен не боялся опасности и попросил волшебника Мерлина помочь ему. Мерлин научил юношу, что ему следует делать и чего не следует; потом заставил его повторить все сказанное. И вот старший брат отправился в страну эльфов, а двое младших и королева, их мать, остались ждать его дома.

Они с надеждой и тоской
Ждут брата много лет
И горько плачут по ночам,
А принца нет и нет.

Тогда второй брат пошел к волшебнику Мерлину, и тот сказал ему то же, что и старшему. И он также отправился на поиски леди Эллен, а младший брат и королева-мать остались ждать его дома.

И брат и королева-мать
Ждут много долгих лет
И горько плачут по ночам,
А принца нет и нет.

И вот решил отправиться на поиски леди Эллен младший брат — Чайлд-Роланд. Он пошел к своей матери, доброй королеве, и попросил ее позволить ему уйти. Королева сначала не хотела его отпускать — ведь Чайлд-Роланд был ее младшим и самым любимым сыном, и потерять его значило для нее потерять все. Но он просил и умолял, и, наконец, добрая королева отпустила его. Она дала ему славный отцовский меч, разивший без промаха, и произнесла над ним заклинание, дарующее победу.

Вскоре Чайлд-Роланд распрощался с матерью, доброй королевой, и пошел к пещере волшебника Мерлина.

— В последний раз, — попросил он Мерлина, — скажи, как может мужчина или юноша спасти леди Эллен и ее братьев-близнецов!

— Сын мой, — ответил Мерлин, — для этого нужно соблюсти всего два условия, и хоть они покажутся тебе очень простыми, но выполнить их нелегко. Одно: надо тебе кое-что делать; другое — надо кое-чего не делать. Делать надо вот что: как попадешь в страну фей, руби отцовским мечом голову каждому, кто с тобой заговорит, пока не встретишься с леди Эллен. А не делать ты должен вот что: не ешь ни куска и не пей ни глотка, как бы ни хотелось тебе есть и пить. Выпьешь глоток или съешь кусок в стране эльфов, и не видать тебе больше солнца.

Чайлд-Роланд повторял слова волшебника Мерлина, пока не выучил их на память, поблагодарил его и тронулся в путь. Он шел и шел и шел, все дальше и дальше и наконец увидел табунщика, что пас коней короля эльфов. И Чайлд-Роланд сразу понял по их огненным глазам, что наконец-то попал в страну фей.

— Скажи, друг, — спросил Чайлд-Роланд табунщика, — где находится Темная Башня короля эльфов?

— Не знаю, — ответил табунщик. — Пройди еще немного и увидишь пастуха. Может, он тебе укажет путь.

Тут Чайлд-Роланд не долго думая выхватил свой славный меч, разивший без промаха, и голова табунщика слетела с плеч. А Чайлд-Роланд пошел дальше. Он все шел и шел, пока не увидел пастуха, который пас коров короля эльфов. Пастуху он задал тот же вопрос.

— Не знаю, — ответил ему пастух. — Пройди еще немножко и увидишь птичника. Уж она-то знает.

Тут Чайлд-Роланд снова поднял свой славный меч, разивший без промаха, и голова пастуха тоже слетела с плеч. А Чайлд-Роланд прошел немного дальше и увидел старуху в серой накидке. Он спросил ее, знает ли она, где находится Темная Башня короля эльфов.

— Пройди еще немного, — сказала ему птичница, — и ты увидишь круглый зеленый холм. От подножия до самой вершины он опоясан террасами. Обойди трижды вокруг холма против солнца и каждый раз приговаривай:

Откройте дверь, откройте дверь,
Позвольте мне войти.

На третий раз дверь откроется, и ты войдешь.

Чайлд-Роланд уже хотел было двинуться дальше, да вспомнил наказ волшебника. Выхватил свой славный меч, разивший без промаха, и голова птичницы слетела с плеч.

И пошел Чайлд-Роланд дальше. Шел и шел, пока не дошел до круглого зеленого холма, что от подножия до самой вершины был опоясан террасами. Трижды обошел он холм против солнца и каждый раз приговаривал:

Откройте дверь, откройте дверь,
Позвольте мне войти.

На третий раз дверь и впрямь открылась. Чайлд-Роланд вошел, дверь захлопнулась за ним, и он остался в

темноте. Правда, здесь было не совсем темно, откуда-то проникал слабый свет, но Чайлд-Роланд не видел ни окон, ни свечей и не мог понять, откуда он проникает — разве что через стены и потолок? Вскоре он различил коридор со сводами из прозрачного камня, выложенного серебром, шпатам и разными сверкающими самоцветами. И хотя вокруг был только камень, воздух оставался чудесно теплым, как это всегда бывает в стране фей.

Вот миновал Чайлд-Роланд этот коридор и подошел, наконец, к высокой и широкой двустворчатой двери. Она была полуоткрыта, и когда Чайлд-Роланд открыл ее настежь, то увидел чудо из чудес.

Перед ним был огромный просторный зал, потолок которого подпирали колонны, такие толстые и высокие, каких и в кафедральном соборе не увидишь. Золотые и серебряные, они были покрыты резьбой, а между ними тянулись гирлянды цветов из бриллиантов, изумрудов и разных драгоценных камней. Даже своды и те были украшены гроздьями жемчуга, алмазов, рубинов и других самоцветов. Все ребра сводов сходились в середине потолка, и оттуда на золотой цепи свешивался огромный светильник, сделанный из одной полой и совершенно прозрачной жемчужины невиданной величины. Внутри жемчужины беспрестанно вращался громадный карбункул. Его яркие лучи озаряли весь зал, и казалось, будто светит заходящее солнце.

Зал был роскошно убран, и в конце его стояло пышное ложе с бархатным покрывалом, расшитым шелком и золотом, а на ложе сидела леди Эллен и расчесывала серебряным гребнем свои золотистые волосы. Едва она увидела Чайлд-Роланда, как поднялась и сказала:

Помилуй бог, зачем ты здесь,
Мой неразумный брат?
Запомни — кто сюда пришел,
Тот не уйдет назад!

Мой милый брат, мой младший брат,
Тебя ведь дома ждут!
Будь сотни жизней у тебя,
Ты все оставишь тут.

Садись сюда. О, горе нам!
О, как несчастна я!
Сейчас придет сюда король,
А с ним и смерть твоя!

Они сели рядом, и Чайлд-Роланд поведал ей обо всем, что с ним было, а она рассказала ему, как их братья один за другим пришли в Темную Башню, но злой король эльфов заколдовал их, и теперь они лежат здесь словно мертвые. Пока они говорили, Чайлд-Роланд почувствовал, что очень проголодался после долгого пути. Он сказал об этом сестре, леди Эллен, и попросил у нее поесть, совсем позабыв про наказ волшебника.

С грустью поглядела на Чайлд-Роланда леди Эллен и покачала головой, но она была заколдована и не могла предостеречь брата. Вот поднялась она, вышла из зала и вскоре вернулась с хлебом и молоком в золотой миске. Чайлд-Роланд уже готов был отведать молока, как вдруг взглянул на сестру и вспомнил, зачем пришел. Тогда он схватил миску и бросил ее на землю.

— Ни глотка я не выпью, ни куска не съем, — сказал он, — пока не освобожу леди Эллен!

Тут они услышали чьи-то шаги и громкий голос:

Фи-фай-фо-фам,
Кровь человека чую там.
Мертвый он или живой, —
Здесь не ждет его покой!

И тотчас широкие двери распахнулись, и в зал вошел король эльфов.

— Выходи биться, если посмеешь, нечистый дух! — вскричал Чайлд-Роланд и бросился к нему навстречу со своим славным мечом, разившим без промаха.

Они бились, и бились, и бились, и, наконец, Чайлд-Роланд поставил короля эльфов на колени, и тот взмолился о пощаде.

— Я пощажу тебя, — сказал Чайлд-Роланд. — Но сначала ты должен расколдовать мою сестру, вернуть к жизни моих братьев и выпустить нас всех на свободу. Тогда будешь помилован!

— Согласен! — сказал король эльфов.

Он поднялся с колен, подошел к сундуку и вынул из него склянку с кроваво-красной жидкостью. Этой жидкостью он смочил уши, веки, ноздри, губы и кончики пальцев обоим братьям-близнецам, и те сразу ожили и сказали, что души их где-то витали, а теперь прилетели назад.

Потом король эльфов прошептал несколько слов леди Эллен, и волшебные чары спали с нее. Тогда все четверо вышли из зала, миновали длинный коридор и навсегда покинули Темную Башню короля эльфов.

Они вернулись домой к своей матери, доброй королеве, и леди Эллен никогда больше не обегала вокруг церкви против солнца.

КОШАЧИЙ КОРОЛЬ

Давным-давно жили в глуши Шотландии двое братьев. Жили они в очень уединенном месте, за много миль от ближайшей деревни, и прислуживала им старуха кухарка. Кроме них троих, в доме не было ни души, если не считать старухинога кота да охотничьих собак.

Как-то раз осенью старший брат, Элсхендер, решил остаться дома, и младший, Фергас, пошел на охоту один. Он отправился далеко в горы, туда, где охотился с братом накануне, и обещал вернуться домой до захода солнца.

Но день кончился, давно пора было сесть за ужин, а Фергас все не возвращался. Элсхендер забеспокоился — никогда еще не приходилось ему ждать брата так долго.

Наконец Фергас вернулся, задумчивый, промокший, усталый, и не захотел рассказывать, почему он так запоздал. Но вот после ужина, когда братья сидели с трубками у камина, в котором, весело потрескивая, горел торф, и собаки лежали у их ног, а черный кот старой стряпухи, полузакрыв глазки, расположился на коврикe между ними, Фергас словно очнулся и рассказал брату о том, что с ним приключилось.

— Ты, наверное, удивляешься, почему я так поздно вернулся? — сказал он. — Ну, слушай! Я сегодня видел такие чудеса, что даже не знаю, как тебе и рассказать про них. Я шел, как и собирался, по нашей вчерашней дороге. Но когда настала пора возвращаться домой, горы заволокло таким густым туманом, что я сбился с пути. Долго я блуждал, сам не знаю где, как вдруг увидел огонек. Я скорее пошел на него. Но только я приблизился к нему,

как перестал его видеть и оказался возле какого-то толстого старого дуба. Я влез на дерево, чтоб легче было отыскать этот огонек, и вдруг вижу подо мной в стволе дупло, а в дупле что-то вроде церкви, и там кого-то хоронят. Я слышал пение, видел гроб и факелы. И знаешь кто нес факелы? Но нет, ты мне все равно неверишь!..

Элсхендер принялся уговаривать брата продолжать. Он даже подбросил торфа в камин, чтоб огонь запылал ярче, и младший брат повеселел. Собаки мирно дремали, а черный кот поднял голову и, казалось, слушал так же внимательно, как сам Элсхендер. Братья даже невольно взглянули на него.

— Поверь мне, — продолжал Фергас, — все, что я скажу, истинная правда. Гроб и факелы несли коты, а на крышке гроба были нарисованы корона и скипетр!

Больше он ничего не успел добавить, ибо черный кот вскочил и крикнул:

— О небо! Значит, старый Питер преставился и теперь я — кошачий король!

Тут кот прыгнул в камин и пропал навсегда...

МИСТЕР УКСУС

Мистер и миссис Уксус жили в уксусной бутылке. Вот раз мистер Уксус отлучился из дому, а миссис Уксус принялась усердно подметать пол. Она была очень хорошая хозяйка! Но вдруг она как-то неловко стукнула половой щеткой по стене, и весь дом — дзынь-дзынь! — разбился вдребезги.

Миссис Уксус сама не своя бросилась навстречу мужу.

— Мистер Уксус, мистер Уксус! — вскричала она, как только завидела его. — Мы разорены, совсем разорены! Я разбила наш дом. Он лопнул, разлетелся на мелкие кусочки!

— Ну-ну, дорогая, — сказал мистер Уксус, — давай лучше подумаем, что нам теперь делать. Смотри-ка, дверь цела! Недаром говорят: «У кого дверь, у того и дом». Вот я взвалю ее себе на спину, и мы с тобой пойдем по свету счастья искать.

И они пошли. Шли-шли целый день, а к ночи добрались до дремучего леса. Оба просто из сил выбились, и мистер Уксус сказал:

— Сейчас я влезу на дерево, милая, и втащу туда дверь, а ты лезь за мной!

Так они и сделали. Влезли на дерево, втащили дверь и тут же крепко заснули. Среди ночи мистера Уксуса разбудили чьи-то голоса. Глянул он вниз, и у него душа в пятки ушла от страха. Под деревом собралась целая шайка воров. Воры делили свою добычу.

— Смотри, Джек! — сказал один. — Вот тебе пять фунтов. А тебе, Билл, десять. Ну, а тебе, Боб, три фунта.

Мистер Укус не мог больше слушать — так жутко ему стало. Его даже затрясло от страха, да так, что дверь тоже затряслась и свалилась прямо на головы воров. Те бросились наутек. А мистер Укус не смел и пошевелиться, пока совсем не рассвело. Но вот он, наконец, слез с дерева и поднял дверь. И что же он увидел под нею? Целую кучу золотых гиней!

— Скорей слезай, миссис Укус! — закричал он. — Скорей слезай! Мы разбогатели! Ах, да слезай же скорее!

Миссис Укус поспешила слезть с дерева и как увидела деньги, так и запрыгала от радости.

— Теперь, милый мой, — сказала она, — я научу тебя, что делать. Тут недалеко в городе ярмарка. Поди туда и купи корову. Сорока гиней с лихвой хватит, еще останется. Я умею делать сыр и сбивать масло. Ты станешь продавать их на базаре, и мы с тобой заживем на славу!

Мистер Укус с радостью согласился, взял деньги и отправился в город. Добрался до ярмарки и долго ходил взад-вперед, пока, наконец, не увидел, что продается отменная рыжая корова.

Судя по всему, корова эта давала много молока, да и вообще была очень хороша.

«Эх, вот бы мне эту корову! — подумал мистер Укус. — Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

И он сказал, что даст за корову все свои сорок гиней. Продавец ответил, что сорок гиней — это, конечно, невелики деньги, но он, так и быть, уступит ради старого знакомства. Стогровались. Мистер Укус получил корову и принялся водить ее туда-сюда, своей покупкой хвастаться.

Немного погодя повстречался ему волынщик. Он играл на волынке — «туидл-дам, туидл-дам», за ним толпой бежали ребятишки, а деньги так и сыпались в его карманы.

«Эх, — подумал мистер Укус, — вот бы мне такую волынку! Тогда счастливей меня никого бы на свете не было! Ну и разбогател бы я!»

И он подошел к волынщику.

— Что за волынка у тебя, дружище! — сказал мистер Укус. — Чудо! Должно быть, она тебе уйму денег приносит?

— Да уж что и говорить, — ответил волынщик, — кучу денег загребая. Волынка хоть куда!

— Вот бы мне такую! — воскликнул мистер Укус.

— Что ж, — сказал волынщик, — могу ее уступить ради старого знакомства. Получай волынку вот за эту рыжую корову!

— По рукам! — обрадовался мистер Укус.

Так отменную рыжую корову отдали за волынку. Мистер Укус опять стал прохаживаться взад-вперед со своей покупкой. Но как он ни старался сыграть на волынке хоть простенькую песенку, ничего у него не выходило. Не заработал ни пенса, а мальчишки бежали за ним, улюлюкая, хохоча и забрасывая его грязью.

Бедный мистер Укус решил, что пора домой, да и руки у него совсем заоченели. И вот, когда он уже выходил из города, повстречался ему человек в теплых перчатках.

«Ох, до чего у меня руки замерзли! — подумал мистер Укус. — Вот бы мне такие перчатки! Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

Он подошел к человеку и сказал:

— Ну и перчатки у тебя, дружище! Хороши!

— Еще бы! Ноябрь на дворе, а в них рукам так тепло, что теплей и быть не может.

— Эх, — вздохнул мистер Укус, — вот бы мне такие!

— А сколько ты за них дашь? — спросил человек. — Пожалуй, я не прочь обменять их вот на эту волынку ради старого знакомства.

— Ладно! — воскликнул мистер Укус.

Надел перчатки и поплелся домой рад-радешенек.

Шел-шел, совсем из сил выбился и вдруг встретил человека с толстой палкой в руках.

«Вот бы мне эту палку! — подумал мистер Укус. — Тогда счастливей меня никого бы на свете не было!»

И он сказал человеку:

— Что за палка у тебя, дружище! Редкостная!

— Палка хорошая, — отозвался человек. — Немало миль я с ней прошагал, и была она мне верным спутником. Но раз она тебе так приглянулась, я, пожалуй, готов отдать ее вот за эти перчатки. Ради старого знакомства, конечно.

Руки мистера Укуса согрелись, зато ноги его до того устали, что он с радостью согласился на обмен.

Вот дотащился мистер Укус до того леса, где оставил жену, и вдруг слышит:

— Мистер Укус, а мистер Укус! — Это попугай окликнул его с дерева. — Эх ты, дурачина, болван, про-

стак! Пошел на ярмарку, все свои денежки за одну корову выложил. Мало того — корову на волынку променял. А волынка и десятой части твоих денег не стоила, да к тому же играть на ней ты не умеешь. Ну и простофиля! Не успел заполучить волынку, как обменял ее на перчатки. А они вчетверо дешевле стоили. Получил перчатки, обменял их на какую-то дрянную палку. Было у тебя сорок гиней, а теперь ни коровы, ни волынки, ни перчаток, — нечем похвастать: только эта дрянная палка осталась! Да ты в любой живой изгороди мог бы срезать такую! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха!

Попугай все хохотал и хохотал, так что мистер Уксус наконец рассвирепел и запустил в него своей палкой. Палка застряла в ветвях, и вот вернулся мистер Уксус в лес к жене без денег, без коровы, без волынки, без перчаток и даже без палки. И жена тут же принялась его дубасить, да так, что чуть кости ему не переломала.

ДЖЕК И ЗОЛОТАЯ ТАБАКЕРКА

В доброе старое время, — а оно и правда было доброе время, хоть было оно не мое время и не ваше время, да и ничье время, — жили в дремучем лесу старик со старухой, и был у них один-единственный сын Джек. Жили они уединенно, и Джек никого не видел, кроме своих родителей, хоть и знал из книг, что на свете живут и другие люди. Книг у него было очень много, и он каждый день читал их, а когда читал про прекрасных принцесс, ему до смерти хотелось увидеть хоть одну. И вот раз, когда старик ушел рубить дрова, Джек сказал матери, что собирается покинуть родной дом — хочет пожить в чужих краях, чтобы себя показать и людей посмотреть: не все же ему с отцом-матерью сидеть!

— Что я здесь вижу? Только все деревья да деревья! — говорил Джек. — Будешь тут сиднем сидеть, того и гляди с ума сойдешь, так ничего и не повидав!

Отец его долго не возвращался, и бедная старуха сама принялась наставлять сына:

— Ну что ж, горемычный мой! Захотел свет повидать — значит лучше тебе уйти, и благослови тебя господь... — Старуха ведь сыну добра желала. — Но постойка, не спеши! Скажи, какую лепешку тебе испечь на дорогу, маленькую с моим благословением или большую с моим проклятьем?

— Ах, бог ты мой! — ответил сын. — Ну, конечно, большую — может, я в дороге проголодаюсь.

И мать испекла ему большую лепешку. А потом подня-

лась на чердак и, пока Джек не скрылся из виду, посылала ему вслед проклятия.

Вскоре юноша повстречался с отцом, и старик спросил его:

— Куда идешь, горемычный ты мой?

Джек сказал отцу то же, что и матери.

— Эх, — отозвался отец, — горько мне, что ты нас покидаешь, но раз уж ты решил уходить, значит лучше тебе уйти.

Однако не успел бедный малый отойти, как отец окликнул его. Вытащил старик из кармана золотую табакерку и сказал Джеку:

— На, возьми эту коробочку и положи в карман. Только смотри не открывай ее, пока не окажешься на волосок от смерти!

И вот пошел бедняга Джек своей дорогой и все шел и шел, пока из сил не выбился. Да и есть захотелось — лепешку-то он уже съел. К тому времени настала ночь, и он едва различал дорогу. Вдруг вдалеке затеплился огонек, и Джек зашагал в ту сторону. Подошел к какому-то дому, разыскал черный ход и постучался в дверь. Из дома вышла служанка и спросила, чего ему надо. Джек ответил, что на дворе ночь, а ему негде переночевать. Тогда служанка пригласила его в комнаты, усадила перед очагом и подала ему всякой еды: и жареного мяса, и хлеба, и пива.

А пока Джек сидел у огня и ужинал, в комнату вошла молодая леди, хозяйская дочь, чтобы посмотреть на него. Она тут же влюбилась в него, а он в нее. И вот молодая леди побежала к отцу и сказала, что в кухне у них сидит красивый юноша. Джентльмен тотчас вышел к Джеку, стал его расспрашивать и под конец спросил, что он умеет делать. А Джек по глупости возьми да и скажи:

— Все умею!

Он ведь думал, что речь идет о пустяковой работе по дому.

— Так! — сказал джентльмен. — Ну раз ты все умеешь, сделай вот что: завтра к восьми утра пусть разольется перед домом моим огромное озеро, а по озеру пусть поплывут военные корабли, самые большие, какие есть на свете; один корабль пусть даст королевский салют и последним выстрелом выбьет ножку у кровати, на которой спит моя младшая дочь. А если ты всего этого не сделаешь, прощайся с жизнью!

Джек спросил мышинного короля, не знает ли тот, куда девался замок.

— Нет, — ответил король, — но я владыка всех мышей на свете. Завтра утром я их созову. Может, они и видели твой замок.

Потом Джека хорошенько накормили и уложили спать, а утром он вместе с королем вышел в поле. Король созвал мышей со всего света и спросил, не случалось ли им видеть большой красивый замок на золотых столбах. Но мыши ответили «нет» — ни одна не видела замка. Тогда старый король сказал Джеку, что есть у него два брата:

— Один из них — король всех лягушек, а другой, самый старший, — король всех птиц. Ступай к ним! Может, они что-нибудь знают о пропавшем замке. Коня своего пока оставь у меня, а себе возьми любого из моих лучших скакунов. Да передай моему брату вот эту лепешку — тогда он узнает, от кого ты пришел. И не забудь сказать ему, что я здоров и очень хочу его видеть.

И мышинный король распрощался с Джеком.

Когда Джек выезжал из ворот, мышонок-страж сказал ему:

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Не стоит, — ответил Джек, — как бы король не рассердился!

Но малыш стоял на своем:

— Лучше возьми меня с собой! Может, я тебе пригожусь.

— Ну, прыгай! — согласился Джек.

Мышонок побежал вверх по ноге коня, а конь так и взвился, но Джек подхватил мышонка и сунул его в карман.

И вот Джек тронулся в путь. Длинный это был путь, но спустя некоторое время Джек добрался до замка лягушечьего короля. Тут на часах стоял лягушонок с ружьем на плече. Он сначала не хотел было впускать Джека, но когда тот сказал, что желает видеть самого короля, пропустил его.

Вот Джек подошел к крыльцу. Вышел лягушечий король и спросил, чего ему надо, и Джек рассказал королю все с начала до конца.

— Ну, ну, заходи! — пригласил его король.

Джека в тот вечер хорошо угостили, а утром лягушечий король квакнул как-то по-чуждому, и на его клич сбежа-

лись лягушки со всего света. Король спросил их, не случилось ли им видеть замок на двенадцати золотых столбах, но лягушки заквакали «Ква-ква, ква-ква» и ответили: «Нет!»

Пришлось Джеку взять другого коня и другую лепешку и отправиться к третьему брату — королю всех птиц на свете.

Когда Джек выезжал из ворот, лягушонок-часовой скавал ему:

— Возьми меня с собой!

Сначала Джек отказался, потом крикнул: «Прыгай!», подхватил лягушонка на лету и сунул его в другой карман. И вот он снова отправился в свой трудный и долгий путь.

На этот раз Джеку пришлось проехать втрое больше, но все-таки он добрался до замка птичьего короля. Тут на часах стояла прелестная птичка. Джек прошел мимо нее, и птичка ни слова ему не сказала. А потом он увидел птичьего короля и рассказал ему о пропавшем замке.

— Так, — молвил птичий король. — Завтра утром ты узнаешь, слышали мои птицы про твой замок или нет!

Отвел Джек своего коня на конюшню, закусил и улегся спать. А когда утром встал, вышли они с королем в поле. Птичий король крикнул как-то по-чуждому, и на его клич слетелись птицы со всего света.

Король спросил их:

— Видели вы красивый замок на золотых столбах?

И все птицы ответили:

— Нет!

— Так! — молвил король. — А где наша самая большая птица?

Долго пришлось им дожидаться орла. Наконец за ним послали двух птичек. Они поднялись высоко-высоко, засвистели, призывая орла, и вот он прилетел, совсем запыхавшись. Король спросил орла, не видал ли он замка на золотых столбах, и орел ответил:

— Видел! Я как раз оттуда.

— Слушай, — сказал ему король, — этот молодой джентльмен потерял свой замок, так ты отнеси его туда. Но сначала подкрепишься!

Зарезали теленка и лучшие куски подали орлу, чтобы он наелся досыта — путь-то предстоял долгий, через море, да еще с Джеком на спине.

Наконец Джек увидел свой замок. Увидеть-то увидел,

а вот как ему отыскать золотую табакерку, этого он не знал. Тогда мышонок сказал ему:

— Спусти меня на землю, и я принесу твою коробочку!

И вот мышонок прошмыгнул в замок и схватил табакерку. Но пока он бежал вниз по лестнице, табакерка упала, и мышонка чуть не поймали. Ему едва удалось удрать.

— Принес? — спросил его Джек.

— Принес! — ответил мышонок.

Тут они пустились в обратный путь, и замок остался далеко позади.

Случилось так, что когда все они — Джек, мышонок, лягушонок и орел — пролетали над широким морем, они вдруг заспорили: кто же все-таки раздобыл табакерку? Мышонок, что вынес ее из замка? Орел, что доставил туда путников, или сам Джек? Ведь это он отыскал птичьего короля и получил от него орла. Они разглядывали золотую коробочку и столько раз передавали ее из рук в руки, что наконец выронили. И табакерка упала на дно морское.

— Ну, Джек, — сказал лягушонок. — Так я и знал, что тоже пригожусь. Пусти меня — я спрыгну в море!

Джек выпустил его, и лягушонок пробыл под водой ровно три дня и три ночи. Но вот он высунул из воды голову, и все кинулись его спрашивать:

— Достал? Достал?

Но он ответил:

— Нет.

— Так зачем же ты всплыл?

— Хочу набрать побольше воздуха, — ответил лягушонок.

И он опять ушел под воду. В воде он пробыл еще один день и одну ночь и, наконец, достал табакерку.

Так прошло четыре дня и четыре ночи, и вот орел полетел дальше. Долго летел он над морями и горами, и наконец путники прибыли во дворец старого короля, владыки всех пернатых на свете. Птичий король очень обрадовался, ласково встретил гостей и долго беседовал с ними. Потом Джек открыл свою золотую табакерку и приказал человечкам вернуться обратно и принести ему замок.

— Летите во весь дух и возвращайтесь скорее! — сказал он.

Человечки умчались, но когда подлетели к замку, боялись войти и ждали, пока хозяин с хозяйкой и их слуги не уйдут на бал. Когда же в замке не осталось никого,

кроме поварихи да еще одной служанки, красные человечки спросили их, хотят они уехать или остаться. Обе ответили:

— Хотим ехать с вами!

Тогда человечки приказали им скорее бежать наверх, и только они поднялись в гостиную, как к воротам замка неожиданно подошли хозяева со слугами. Но они опоздали! Как ветер понесся замок. А повариха и служанка высунулись из окна и потешались над своими господами. Те знаками приказывали им остаться, но — куда там!

Всего они были в пути девять дней. И вот, когда настало воскресенье, решили отслужить обедню. Один человек принял за священника, другой за причетника, третий играл на органе, а женщины пели за певчих. В замке ведь была часовня — в ней они и служили. Но музыка звучала нестройно, и один человек вскарабкался на органную трубу — посмотреть, отчего она фальшивит. Видит — маленький органист изо всех сил колотит ручками и ножками по басовым клавишам, а на голове у него торчит красный ночной колпачок. Женщины глядят на него и покатываются со смеху — такого они в жизни не видывали! До того разошлись, что чуть не натворили беды: еще немножко, и замок потонул бы в море.

Но вот веселое путешествие кончилось, и они явились к Джеку и птичьему королю. Король прямо диву дался, когда увидел замок. Он поднялся по золотой лестнице, осмотрел все комнаты и долго еще любовался бы замком, да срок Джека — двенадцать месяцев и один день — подходил к концу. Бедному Джеку не терпелось вернуться домой к молодой жене, и он приказал своим трем человечкам трогаться в обратный путь завтра же в восемь утра.

Наутро Джек распрощался с птичьим королем, поблагодарил его за гостеприимство и снова тронулся в путь вместе со своим замком. Переночевал у лягушечьего короля и отправился к мышинному. Тут Джек оставил на его попечение замок, а сам сел на коня — того самого, что стоял на конюшне у мышинного короля, пока Джек странствовал по свету.

Так вот, оставил наш бедный Джек свой замок и поехал домой. Но он три ночи подряд веселился у трех братьев — королей, оттого и заснул в седле и наверняка заблудился бы, да человечки вывели его на дорогу.

Совсем измотался бедный Джек, из сил выбился, но все-таки приехал к тестю и теще. Они встретили его неласково, — ведь он вернулся без замка! А еще горше было Джеку оттого, что не увидел он своей молодой красавицы жены: не позволили ей родители выйти к нему навстречу. Тогда Джек недолго думая приказал человечкам перенести его к мышинному королю. Он поблагодарил короля за то, что тот сохранил его замок, и распрощался с ним, а человечкам приказал поднять замок и лететь во весь дух.

Вот они понеслись и быстро домчались обратно. И не успели спуститься на землю, глядь — навстречу Джеку бежит его молодая жена с премиленьким веселым сынком на руках! И с тех пор все они жили счастливо.

ТРОСТНИКОВАЯ ШАПКА

Ну, слушайте! Жил когда-то один богач, и было у него три дочери. Вот задумал он как-то узнать, крепко ли они его любят. И спрашивает он старшую дочь:

— Как ты меня любишь, дорогая?

— Ах, — отвечает она, — я люблю тебя, как жизнь!

— Это хорошо, — говорит он.

Вот спрашивает он среднюю:

— А ты как меня любишь, дорогая?

— Ах, — отвечает она, — больше всего на свете!

— Очень хорошо, — говорит он.

Наконец спрашивает младшую:

— А как же ты меня любишь, моя дорогая?

— Я люблю тебя, как свежее мясо любит соль, — отвечает она.

Ну и рассердился же отец!

— Значит, ты меня вовсе не любишь, — говорит. —

А раз так, — вон из моего дома!

И он тут же выгнал ее вон и захлопнул за нею дверь.

Так-то вот. Пошла она куда глаза глядят и все шла и шла, пока не подошла к болоту. Там нарвала она тростника и сплела себе из него накидку с капюшоном. Закуталась в нее с головы до ног, чтобы скрыть свое нарядное платье, и отправилась дальше. Долго ли, коротко ли — дошла она, наконец, до одного богатого дома.

— Не нужна вам служанка? — спрашивает.

— Нет, не нужна, — отвечают.

— Мне больше некуда идти, — говорит она. — Жалованья я не прошу, а делать буду что прикажут.

— Что ж, — отвечают ей, — если хочешь мыть горшки и чистить кастрюли, оставайся!

И она осталась, и мыла горшки, и чистила кастрюли, и делала всю грязную работу. А так как она никому не открыла своего имени, ее прозвали «Тростниковой Шапкой».

Вот как-то раз по соседству давали большой бал, и слугам разрешили пойти посмотреть на знатных господ. А Тростниковая Шапка сказала, что из сил выбилась и никуда не пойдет, и осталась дома.

Но как только все ушли, она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и отправилась на бал; и уж поверьте мне, нарядней ее на балу никого не было.

И надо же было так случиться, что сын ее хозяев тоже приехал на этот бал. Он с первого взгляда влюбился в Тростниковую Шапку и весь вечер танцевал только с ней. Но Тростниковая Шапка не дождалась, пока кончится бал, и потихоньку убежала домой. Когда остальные служанки вернулись, она уже лежала в своей тростниковой накидке и притворялась спящей.

Наутро служанки и говорят ей:

— Ой, Тростниковая Шапка, кого мы вчера видели на балу!

— Кого? — спрашивает она.

— Была там одна леди — красавица! А уж как разодета-разряжена! Наш молодой хозяин прямо глаз с нее не сводил.

— Вот бы мне взглянуть на нее! — говорит Тростниковая Шапка.

— За чем же дело стало? Нынче вечером опять будет бал, она наверное придет.

Когда же настал вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что из сил выбилась и никуда не пойдет. Но не успели слуги уйти, как она сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

А молодой хозяин уже дожидался ее. Весь вечер он танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. Но она опять не дождалась, пока бал кончится, и потихоньку ускользнула домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже лежала в своей тростниковой накидке и притворялась спящей.

На другой день служанки и говорят ей:

— Ах, Тростниковая Шапка, вот бы тебе посмотреть

на ту леди! Она опять была на балу, разодетая-разряженная. А наш молодой хозяин прямо глаз с нее не сводил.

— Да,— говорит Тростниковая Шапка,— я бы не прочь на нее поглядеть.

— Так слушай: нынче вечером опять бал. Идем с нами! Она обязательно придет.

Но когда настал и этот вечер, Тростниковая Шапка опять сказала, что из сил выбилась и никуда не пойдет. А как только все ушли, сбросила свою тростниковую накидку, умылась и поспешила на бал.

Молодой хозяин ей очень обрадовался. Он опять танцевал только с ней и глаз с нее не сводил. На этот раз он спросил, как ее зовут и откуда она родом, но она не ответила. Тогда он подарил ей кольцо и сказал, что умрет с тоски, если больше ее не увидит.

Тростниковая Шапка опять не дождалась, пока кончится бал, и потихоньку убежала домой. И когда остальные служанки вернулись, она уже лежала в своей тростниковой накидке и притворялась спящей.

На другой день служанки ей и говорят:

— Вот видишь, Тростниковая Шапка, не пошла ты с нами вчера, а теперь уж не видать тебе красавицы — балов больше не будет!

— Жаль! Мне так хотелось ее увидеть! — ответила Тростниковая Шапка.

А молодой хозяин всячески старался узнать, куда девалась красавица, но где он ни бывал, кого ни спрашивал, ничего не узнал. И так затосковал по ней, что занемог, слег в постель и даже есть перестал.

— Свари молодому хозяину жидкую кашу! Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице, — приказали поварихе.

Повариха принялась варить кашу, и тут в кухню вошла Тростниковая Шапка.

— Что ты варишь? — спросила она.

— Кашу молодому хозяину, — ответила повариха. — Может, отведаст. А то как бы не умер с тоски по красавице.

— Дай-ка я сварю! — попросила Тростниковая Шапка.

Повариха согласилась, хоть и не сразу, и Тростниковая Шапка принялась варить жидкую кашу. А когда сварила, бросила в нее свое кольцо.

Вот отнесла повариха кашу больному. Тот съел кашу и увидел на дне чашки свое кольцо.

— Позовите повариху! — приказал он.

Повариха явилась.

— Кто варил кашу? — спросил он.

— Я, — соврала она с перепугу.

А он посмотрел ей в глаза и говорит:

— Нет, не ты! Скажи правду, кто ее варил. Тебе за это ничего не будет.

— Коли так, — говорит она, — кашу варила Тростниковая Шапка.

— Пришли ко мне Тростниковую Шапку! — велит он.

Явилась Тростниковая Шапка.

— Это ты варила мне кашу? — спрашивает юноша.

— Я, — отвечает она.

— А у кого ты взяла это кольцо? — спрашивает он.

— У того, кто мне дал его! — отвечает Тростниковая Шапка.

— Но кто же ты такая?

— Сейчас увидишь!

И она сбросила с себя тростниковую накидку и предстала пред ним во всей своей красе.

Ну, молодой хозяин, конечно, скоро поправился, и они стали женихом и невестой. Свадьбу решили справить на славу и гостей создали со всей округи. Отца Тростниковой Шапки тоже пригласили. А она по-прежнему скрывала, кто она такая.

И вот перед самой свадьбой она пошла к поварихе и сказала:

— Будешь готовить мясные блюда, ни в одно соли не клади.

— Невкусно получится, — заметила повариха.

— Ничего, — сказала Тростниковая Шапка.

— Ладно, не буду солить, — согласилась повариха.

Настал день свадьбы, и Тростниковую Шапку обвенчали с молодым хозяином. После венчания все гости сели за стол. Но когда они попробовали мясо, оно оказалось таким безвкусным, что его невозможно было есть. А отец Тростниковой Шапки отведал одно кушанье, потом другое и вдруг как зальется слезами.

— Что с вами? — спросил его молодой хозяин.

— Ах! — ответил ему гость. — Была у меня дочь. Однажды я спросил ее, как она меня любит, и она ответила:

«Как свежее мясо любит соль». Ну, я решил, что она меня вовсе не любит, и выгнал ее из дома. А теперь вижу, что она любила меня крепче всех. Но, должно быть, ее уже нет в живых.

— Нет, отец, она здесь! — воскликнула Тростникова Шапка, бросилась к отцу и обняла его.

С тех пор все они зажили счастливо.

КАК ДЖЕК ХОДИЛ СЧАСТЬЯ ИСКАТЬ

Жил на свете мальчик. Звали его Джек. В одно прекрасное утро отправился Джек счастья искать.

Не успел далеко отойти — навстречу ему кот.

— Куда идешь, Джек? — спросил кот.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им собака.

— Куда идешь, Джек? — спросила собака.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им коза.

— Куда идешь, Джек? — спросила коза.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей!

И пошли они вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им бык.

— Куда идешь, Джек? — спросил бык.

-- Иду счастья искать.
-- Можно и мне с тобой?
-- Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Недалеко отошли — навстречу им петух.

— Куда идешь, Джек? — спросил петух.

— Иду счастья искать.

— Можно и мне с тобой?

— Конечно! — ответил Джек. — Чем больше компания, тем веселей.

И пошли они вместе, прыг-скок, прыг-скок.

Так и шли, пока не начало темнеть. Задумались они — где же им ночь провести? И тут видят — у дороги дом стоит. Джек велел друзьям не шуметь, подкрался к дому и заглянул в окошко. А в доме-то сидели разбойники — деньги пересчитывали.

Вот вернулся Джек к своим друзьям и наказал им ждать его знака, а тогда кричать что есть мочи. Приготовились все, Джек подал знак, и вот — кот замыкал, собака залаяла, коза заблеяла, бык замычал, петух закукарекал. Такой шум подняли, что разбойники перепугались и убежали.

Тогда Джек с друзьями вошел в дом и занял его.

Но все-таки Джек опасался, как бы разбойники не вернулись ночью.

Настало время спать ложиться. Джек уложил кота в качалку, собаку посадил под стол, козу отправил на чердак, быка спрятал в погребе; петух взлетел на крышу, а сам Джек улегся в постель.

Видят разбойники — свет в окнах погас, и послали в дом человека за деньгами. Но тот скоро прибежал назад и рассказал, какого страху натерпелся.

— Вхожу я в дом, — говорит, — сажусь в качалку, а там уж старуха какая-то сидит, вяжет, да как ткнет меня спицами!

А это был кот.

— Подхожу к столу, хочу взять наши денежки, а под столом сапожник сидит, да как вонзит в меня шило!

А это была собака.

— Поднимаюсь на чердак, а там кто-то зерно молотит, да как трахнет меня цепом!

А это была коза.

— Спустился я в погреб, а там кто-то дрова колет, да как запустит в меня топором!

А это был бык.

— Но все бы ничего, кабы не карлик на крыше. Как завопит он! «А подать-ка его сюда! А подать-ка его сюда!» Я наутёк!

А это петух кричал «Ку-ка-ре-ку-у!»

ТРИ МЕДВЕДЯ

Жили-были три медведя. Жили они все вместе в лесу, в своем собственном доме. Один из них был маленький-малюсенький крошка-медвежонок, другой — средний медведь, а третий — большой-здоровенный медведище. У каждого был свой горшок для овсяной каши: у маленького-малюсенького крошки-медвежонка маленький горшочек, у среднего медведя средний горшок, у большого-здоровенного медведища большущий горшочище. Каждый медведь сидел в своем кресле: маленький-малюсенький крошка-медвежонок в маленьком креслице, средний медведь в среднем кресле, а большой-здоровенный медведище в большущем креслице. И спали они каждый на своей кровати: маленький-малюсенький крошка-медвежонок на маленькой кроватке, средний медведь на средней кровати, большой-здоровенный медведище на большущей кровати.

Как-то раз сварили себе медведи на завтрак овсяную кашу, выложили ее в горшки, а сами пошли погулять по лесу: каше-то ведь простыть надо было; не то стали бы они ее есть горячую, она бы им весь рот обожгла.

А пока они гуляли по лесу, к дому подошла маленькая старушонка. Не очень-то она была хорошая, эта старушонка: сначала она заглянула в окошко, потом — в замочную скважину: увидела, что в доме никого нет, и подняла щеколду. Дверь была не закрыта. Да медведи ее никогда не запирали — они были добрые медведи: сами никого не обижали и себе не ждали обиды.

Вот маленькая старушонка открыла дверь и вошла. И как же она обрадовалась, когда увидела на столе кашу! Будь она хорошей старушонкой, она, конечно, дождалась бы медведей, а те наверное угостили бы ее завтраком. Ведь они были хорошие медведи, грубоватые правда, как и все медведи, зато добродушные и гостеприимные. Но старушка была нехорошая, бессовестная и без спроса принялась за еду.

Сперва она попробовала каши из горшочища большого-здоровенного медведища, но каша показалась ей слишком горячей, и старушонка сказала: «Дрянь!» Потом отведала каши из горшка среднего медведя, но его каша показалась ей совсем остывшей, и старушонка опять сказала: «Дрянь!» Тогда принялась она за кашу маленького-малюсенького крошки-медвежонка. Эта каша оказалась не горячей, не холодной, а в самый раз, и так понравилась маленькой старушонке, что она принялась уплетать ее за обе щеки и очистила весь горшочек до доньшка. Однако противная старушонка и эту кашу обозвала скверным словом: очень уж мал был горшочек, не хватило старушонке каши.

Потом старушонка села в креслице большого-здоровенного медведища, но оно показалось ей чересчур жестким. Она пересела в кресло среднего медведя, но оно показалось ей чересчур мягким. Наконец плюхнулась в креслице маленького-малюсенького крошки-медвежонка, и оно показалось ей не жестким, не мягким, а в самый раз. Вот уселась она в это креслице — сидела, сидела, пока не продавила сиденья и — шлеп! — прямо на пол. Поднялась противная старушонка и обозвала креслице бранным словом.

Тогда старушонка побежала вверх в спальню, где спали все три медведя. Сперва легла она на кроватицу большого-здоровенного медведища, но та показалась ей слишком высокой в головах. Потом легла на кровать среднего медведя, но эта показалась ей слишком высокой в ногах. Наконец легла на кроватку маленького-малюсенького крошки-медвежонка, и кроватка оказалась не слишком высокой ни в головах, ни в ногах, а — в самый раз. Вот укрылась старушонка потеплее и заснула крепким сном.

А к тому времени медведи решили, что каша уже поостыла, и вернулись домой завтракать. Глянул большой-здоровенный медведище на свой горшочище, видит, в каше

ложка: там ее старушонка оставила. И взревел медведище своим громким грубым страшным голосом:

КТО-ТО МОЮ КАШУ ЕЛ!

Средний медведь тоже глянул на свой горшок, видит, и в его каше ложка.

Ложки-то у медведей были деревянные, — а будь они серебряные, противная старушонка наверняка бы их прикарманила.

И сказал средний медведь своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО МОЮ КАШУ ЕЛ!

И маленький-малюсенький крошка-медвежонок глянул на свой горшочек, видит — в горшочке ложка, а каши и след простыл. И пропищал он тоненьким-тонюсеньким тихим голоском:

Кто-то мою кашу ел и всю ее съел!

Тут медведи догадались, что кто-то забрался к ним в дом и съел всю кашу маленького-малюсенького крошки-медвежонка. И принялись искать вора по всем углам. Вот большой-здоровенный медведище заметил, что твердая подушка криво лежит в его креслице — ее старушонка сдвинула, когда вскочила с места. И взревел большой-здоровенный медведище своим громким, грубым страшным голосом:

КТО-ТО В МОЕМ КРЕСЛИЩЕ СИДЕЛ!

Мягкую подушку среднего медведя старушонка прижала. И средний медведь сказал своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО В МОЕМ КРЕСЛЕ СИДЕЛ!

А что оделала старушонка с креслицем, вы уже знаете. И пропищал маленький-малюсенький крошка-медвежонок своим тоненьким-тонюсеньким тихим голоском:

Кто-то в моем креслице сидел и сиденье продавил!

Надо искать дальше, решили медведи и поднялись наверх в спальню. Увидел большой-здоровенный медведище, что подушка его не на месте — ее старушонка сдвину-

нула, — и взревел своим громким, грубым страшным голосом:

КТО-ТО НА МОЕЙ КРОВАТИЩЕ СПАЛ!

Увидел средний медведь, что валик его не на месте — это старушонка его передвинула, — и сказал своим не громким, не тихим, а средним голосом:

КТО-ТО НА МОЕЙ КРОВАТИ СПАЛ!

А маленький-малюсенький крошка-медвежонок подошел к своей кровати, видит: валик на месте, подушка тоже на месте, а на подушке — безобразная, чумазая голова маленькой старушонки, и она-то уж никак не на месте: не-зачем было противной старушонке забираться к медведям!

И пропищал маленький-малюсенький крошка-медвежонок своим тоненьким-тонюсеньким тихим голоском:

Кто-то на моей кровати спал и сейчас спит!

Маленькая старушонка слышала сквозь сон громкий, грубый страшный голос большого-здоровенного медведища, но спала так крепко, что ей почудилось, будто это ветер шумит или гром гремит. Слышала она и не громкий, не тихий, а средний голос среднего медведя, но ей почудилось, будто это кто-то во сне бормочет. А как услышала она тоненький-тонюсенький тихий голосок маленького-малюсенького крошки-медвежонка, до того звонкий, до того пронзительный, — сразу проснулась. Открыла глаза, видит — стоят у самой кровати три медведя. Она вскочила и бросилась к окну.

Окно было как раз открыто, — ведь наши три медведя, как и все хорошие, чистоплотные медведи, всегда проветривали спальню по утрам. Ну, маленькая старушонка и выпрыгнула вон; а уж свернула ли она себе шею, или заблудилась в лесу, или же выбралась из леса, но ее забрал констебль и отвел в исправительный дом за бродяжничество, — этого я не могу вам сказать. Только все три медведя никогда больше ее не видели.

ДЖЕК И БОБОВЫЙ СТЕБЕЛЬ

Жила когда-то на свете бедная вдова, и был у нее один-единственный сын Джек да корова Белянка. Корова каждое утро давала молоко, и мать с сыном продавали его на базаре,— этим и жили. Но вот как-то раз Белянка не дала молока, и они просто не знали, что делать.

— Как же нам быть? Как быть? — твердила мать, ломая руки.

— Не унывай, мама! — сказал Джек.— Я наймусь к кому-нибудь на работу.

— Да ты ведь уж пробовал наниматься, только никто тебя не берет, — отвечала мать. — Нет, видно, придется нам продать нашу Белянку и на вырученные деньги открыть лавку или каким-нибудь другим делом заняться.

— Что ж, хорошо, мама,— согласился Джек.— Сегодня как раз базарный день, и я живо продам Белянку. А там и решим, что делать.

И вот взял Джек в руки повод и повел корову на базар. Но не успел далеко отойти, как повстречался с каким-то чудным старичком.

— Доброе утро, Джек! — сказал старичок.

— И тебе доброго утра! — ответил Джек, а сам удивляется: откуда старичок знает, как его зовут?

— Ну, Джек, куда путь держишь? — спросил старичок.

— На базар, корову продавать.

— Так, так! Кому и торговать коровами, как не

тебе! — посмеялся старичок. — А скажи-ка, сколько нужно бобов, чтобы получилось пять?

— Ровно по два в каждой руке да один у тебя во рту! — ответил Джек: он был малый не промах.

— Верно! — сказал старичок. — Смотри-ка, вот они, эти самые бобы! — и старичок вытащил из кармана горстку каких-то диковинных бобов. — И раз уж ты такой смысленный, — продолжал старичок, — я не прочь с тобой поменяться — тебе бобы, мне корова!

— Иди-ка ты своей дорогой! — рассердился Джек. — Так-то лучше будет!

— Э-э, да ты не знаешь, что это за бобы, — сказал старичок. — Посади их вечером, и к утру они вырастут до самого неба.

— Да ну? Правда? — удивился Джек.

— Истинная правда! А если нет — заберешь свою корову обратно.

— Ладно! — согласился Джек: отдал старичку Белянку, а бобы положил в карман.

Повернул Джек назад и пришел домой рано — еще не стемнело.

— Как! Ты уже вернулся, Джек? — удивилась мать. — Я вижу, Белянки с тобой нет, значит ты ее продал? Сколько же тебе за нее дали?

— Ни за что не угадаешь, мама! — ответил Джек.

— Да ну? Ах ты мой хороший! Фунтов пять? Десять? Пятнадцать? Ну, уж двадцать-то не дали бы!

— Я говорил — не угадаешь! А что ты скажешь вот про эти бобы? Они волшебные. Посади их вечером и...

— Что?! — вскричала мать Джека. — Да неужто ты такой дурак, такой болван, такой осел, что отдал мою Белянку, самую молочную корову во всей округе, да к тому же гладкую, откормленную, за горсточку каких-то скверных бобов? Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! А твои драгоценные бобы — вон их, за окно!.. Ну, теперь живо спать! И есть не проси — все равно не получишь ни глотка, ни кусочка!

И вот поднялся Джек к себе на чердак, в свою комнатушку, грустный-прегрустный: и матери жалко было, и сам без ужина остался.

Наконец он все-таки заснул.

А когда проснулся, едва узнал свою комнату. Солнце освещало только один угол, а вокруг было темным-темно.

Джек вскочил с постели, оделся и подошел к окну. И что же он увидел? Да что-то вроде большого дерева. А это его бобы проросли. Мать Джека вечером выбросила их из окна в сад, они проросли, и огромный стебель все тянулся и тянулся вверх и вверх, пока не дорос до самого неба. Выходит, старичок-то правду говорил!

Бобовый стебель вырос возле самого Джекова окна. Вот Джек распахнул окно, прыгнул на стебель и полез вверх словно по лестнице. И все лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока, наконец, не добрался до самого неба. Там он увидел длинную и широкую дорогу, прямую как стрела. Пошел по этой дороге, и все шел, и шел, и шел, пока не пришел к огромному-преогромному высоченному дому. А у порога этого дома стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Джек очень вежливо. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь позавтракать!

Ведь Джек лег спать без ужина и был теперь голоден как волк.

— Позавтракать захотел? — сказала огромная-преогромная высоченная женщина. — Да ты сам попадешь другим на завтрак, если не уберешься отсюда! Мой муж людоед, и самое его любимое кушанье — это мальчики, изжаренные в сухарях. Уходи-ка лучше, пока цел, а то он скоро вернется.

— Ох, сударыня, очень вас прошу, дайте мне чего-нибудь поесть! — не унимался Джек. — У меня со вчерашнего утра ни крошки во рту не было. Истинную правду говорю. И не все ли равно: поджарят меня или я с голоду умру?

Надо сказать, что людоедша была неплохая женщина. Она отвела Джека на кухню и дала ему кусок хлеба с сыром да кувшин молока. Но не успел Джек съесть и половины завтрака, как вдруг — топ! топ! топ! — весь дом затрясся от чьих-то шагов.

— О господи! Да это мой старик! — ахнула людоедша. — Что делать? Скорей прыгай сюда!

И только она успела втолкнуть Джека в печь, как вошел сам великан-людоед.

Ну и велик же он был — гора-горой! На поясе у него болтались три теленка, привязанных за ноги. Людоед отвязал их, бросил на стол и сказал:

— А ну-ка, жена, поджарь мне парочку на завтрак! Ого! Чем это здесь пахнет?

Фи-фай-фо-фам,
Дух британца чую там.
Мертвый он или живой,—
Попадет на завтрак мой.

— Да что ты, муженек? — сказала ему жена. — Тебе померещилось. А может, это еще пахнет тем маленьким мальчиком, что был у нас вчера на обед — помнишь, он тебе по вкусу пришелся. Поди-ка лучше умойся да переоденься, а я тем временем приготовлю завтрак.

Людоед вышел, а Джек уже хотел было вылезти из печи и убежать, но людоедша не пустила его.

— Подожди, пока он не заснет, — сказала она. — После завтрака он всегда ложится подремать.

И вот людоед позавтракал, потом подошел к огромному сундуку, достал из него два мешка с золотом и уселся считать монеты. Считал-считал, наконец стал клевать носом и захрапел, да так, что опять весь дом затрясся.

Тут Джек потихоньку вылез из печи, прокрался на цыпочках мимо людоеда, схватил один мешок с золотом и давай бог ноги! — кинулся к бобовому стеблю. Сбросил мешок вниз, прямо в сад, а сам начал спускаться по стеблю все ниже и ниже, пока, наконец, не очутился у своего дома.

Рассказал Джек матери обо всем, что с ним приключилось, протянул ей мешок с золотом и говорит:

— Ну, что, мама, правду я сказал насчет своих бобов? Видишь, они и в самом деле волшебные!

И вот Джек с матерью стали жить на деньги, что были в мешке. Но в конце концов мешок опустел, и Джек решил еще разок попытать счастья на верхушке бобового стебля. В одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель и все лез, и лез, и лез, и лез, и лез, и лез, пока, наконец, не очутился на знакомой дороге и не добрался по ней до огромного-преогромного высоченного дома. Как и в прошлый раз, у порога стояла огромная-преогромная высоченная женщина.

— Доброе утро, сударыня, — сказал ей Джек как ни в чем не бывало. — Будьте так любезны, дайте мне, пожалуйста, чего-нибудь поесть!

— Уходи скорей отсюда, мальчуган! — ответила великанша. — Не то мой муж съест тебя за завтраком. Э, нет, постой-ка, — уж не тот ли ты мальчишка, что приходил сюда недавно? А знаешь, в тот самый день у мужа моего пропал мешок золота.

— Вот чудеса, сударыня! — говорит Джек. — Я, правда, мог бы кое-что рассказать насчет этого, но мне до того есть хочется, что пока я не съем хоть кусочка, ни слова не смогу вымолвить.

Тут великаншу разобрало такое любопытство, что она впустила Джека и дала ему поесть. А Джек нарочно стал жевать как можно медленней. Но вдруг — топ! топ! топ! — послышались шаги великана, и великанша опять упрятала Джека в печь.

Потом все было как в прошлый раз: людоед вошел, сказал: «Фи-фай-фо-фам...» и прочее, позавтракал тремя жареными быками, а затем приказал жене:

— Жена, принеси-ка мне курицу — ту, что несет золотые яйца!

Великанша принесла, а людоед сказал курице: «Несись!» — и та снесла золотое яйцо. Потом людоед начал клевать носом и захрапел так, что весь дом затрясся.

Тогда Джек потихоньку вылез из печи, схватил золотую курицу и вмиг улепетнул. Но тут курица закудаhtала и разбудила людоеда. И как раз когда Джек выбегал из дома, послышался голос великана:

— Жена, эй, жена, не трогай моей золотой курочки!

А жена ему в ответ:

— Что это тебе почудилось, муженек?

Только это Джек и успел расслышать. Он со всех ног бросился к бобовому стеблю и прямо-таки слетел по нему вниз.

Вернулся Джек домой, показал матери чудо-курицу и крикнул:

— Несись!

И курица снесла золотое яичко. С тех пор всякий раз, как Джек говорил ей «несись!», курица несла по золотому яичку.

Так-то вот. Но Джеку этого показалось мало, и вскоре он опять решил попытать счастья на верхушке бобового стебля. В одно прекрасное утро встал он пораньше и полез на бобовый стебель и все лез, и лез, и лез, и лез, пока не добрался до самой верхушки. Правда, на этот раз он

поостерегся сразу войти в людоедов дом, а подкрался к нему потихоньку и спрятался в кустах. Подождал, пока великанша пошла с ведром по воду, и — шмыг в дом! Залез в медный котел и ждет. Недолго он ждал; вдруг слышит знакомое «топ! топ! топ!» И вот входят в комнату людоед с женой.

— Фи-фай-фо-фам, дух британца чую там! — закричал людоед. — Чую, чую, жена!

— Да неужто чуешь, муженек? — говорит великанша. — Ну, если это тот сорванец, что украл твое золото и курицу с золотыми яйцами, он уж конечно в печке сидит!

И оба бросились к печи. Хорошо, что Джек не в ней спрятался!

— Вечно ты со своим «фи-фай-фо-фам!» — сказала людоедша. — Да это тем мальчишкой пахнет, какого ты вчера поймал. Я только что зажарила его тебе на завтрак. Ну и память у меня! Да и ты тоже хорош — за столько лет не научился отличать живой дух от мертвого!

Наконец людоед уселся за стол завтракать. Но он то и дело бормотал:

— Да-а, а все-таки могу поклясться, что... — и поднявшись из-за стола, обшаривал и кладовую, и сундуки, и поставцы... Все углы и закоулки обыскал, только в медный котел заглянуть не догадался.

Но вот позавтракал людоед и крикнул:

— Жена, жена, принеси-ка мне мою золотую арфу!

Жена принесла арфу и поставила ее перед ним на стол.

— Пой! — приказал великан арфе.

И золотая арфа запела, да так хорошо, что заслушаешься! И все пела, и пела, пока людоед не заснул и не захрапел; а храпел он так громко, что чудилось, будто гром гремит.

Тут Джек и приподнял легонько крышку котла. Вылез из него тихо-тихо, как мышка, и дополз на четвереньках до самого стола. Вскрабкался на стол, схватил золотую арфу и бросился к двери.

Но арфа громко-прегромко позвала:

— Хозяин! Хозяин!

Людоед проснулся и увидел, как Джек убегает с его арфой.

Джек бежал сломя голову, а людоед за ним и, конечно,

поймал бы его, да Джек первым кинулся к двери; к тому же ведь он хорошо знал дорогу. Вот прыгнул он на бобовый стебель, а людоед нагоняет. Но вдруг Джек куда-то пропал. Добежал людоед до конца дороги, видит Джек уже внизу — из последних силенок спешит. Побоялся великан ступить на шаткий стебель, остановился, стоит, а Джек еще пониже спустился. Но тут арфа опять звала:

— Хозяин! Хозяин!

Великан ступил на бобовый стебель, и стебель затрясся под его тяжестью.

Вот Джек спускается все ниже и ниже, а людоед за ним. А как добрался Джек до крыши своего дома, закричал:

— Мама! Мама! Неси топор, неси топор!

Мать выбежала с топором в руках, бросилась к бобовому стеблю, да так и застыла от ужаса: ведь наверху великан уже продырявил облака своими ножищами.

Наконец Джек спрыгнул на землю, схватил топор и так рубанул по бобовому стеблю, что чуть пополам его не перерубил.

Людоед почувствовал, что стебель сильно качается, и остановился. «Что случилось?» — думает. Тут Джек как ударит топором еще раз — совсем перерубил бобовый стебель. Стебель закачался и рухнул, а людоед грохнулся на землю и свернул себе шею.

Джек показал матери золотую арфу, а потом они стали ее за деньги показывать, а еще золотые яйца продавать. А когда разбогатели, Джек женился на принцессе и зажил припеваючи.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Когда-то давно, и даже давным-давно, жил в дремучем лесу бедный дровосек. Каждый божий день он ходил в лес валить деревья. Вот как-то раз собрался он в лес, и жена набила ему котомку едой, а через плечо повесила полную бутылку, чтобы он перекусил и выпил в лесу.

В этот день дровосек собирался свалить могучий старый дуб.

«Немало крепких досок получится», — думал он.

Вот подошел он к старому дубу, вытащил топор да так замахнулся, словно хотел повалить дерево одним ударом. Но ударить он не успел: вдруг послышался жалобный голосок и появилась фея. Она стала просить и умолять дровосека не рубить старого дуба. Подивился дровосек, даже рта не смог открыть, чтоб хоть словечко вымолвить. Наконец очнулся и говорит:

— Что ж, не буду рубить, коли просишь.

— Так-то оно и для тебя лучше будет, — сказала фея. — А я тебя за это отблагодарю, три любые твои желания исполню.

Тут фея исчезла, а дровосек отправился домой с котомкой за плечами и с бутылкой на боку.

До дому было далеко, и бедняга всю дорогу вспоминал о том, что с ним приключилось, — все дивился, никак опомниться не мог. Когда же он, наконец, пришел домой, на уме у него было только одно: посидеть да отдохнуть. Кто его знает — может, это опять фея голову ему заморочила. Так ли, этак ли, уселся он у огня и только уселся, как стал его голод терзать: а до ужина было еще далеко.

— Ну как, ужинать скоро будем, старуха? — спросил он жену.

— Часа через два, — ответила она.

— Эх! — вздохнул дровосек, — вот бы мне сейчас кольцо кровяной колбасы, да потолще!

И не успел он это вымолвить, как вдруг — хлоп! — в камин упало целое кольцо кровяной колбасы, да такой, что пальчики оближешь.

Подивился дровосек, а жена его втрое больше удивилась.

— Это что такое? — говорит.

Тут дровосек вспомнил все, что с ним приключилось утром, и рассказал об этом жене, с начала и до конца. Но пока он рассказывал, жена все хмурилась да супилась, а как дошел он до конца, так и взорвалась:

— Ах ты, дурак этакий! Дурак набитый! Чтоб твоя кровяная колбаса к носу твоему приросла!

И не успели они глазом моргнуть, как кровяная колбаса выскочила из камина и приросла к носу дровосека.

Дровосек дернул за колбасу, не отрывается; жена дернула, — не отрывается: дергали-дергали оба, чуть бедняге нос не выдернули, а колбаса все не отрывается — приросла крепко-накрепко.

— Что же теперь делать? — спрашивает дровосек.

— Да ничего! — отвечает жена, глядя на него со злобой. — Не так уж безобразно!

И тут дровосек смекнул, что у него ведь осталось всего одно желание — третье, и последнее. И он тут же пожелал, чтобы кровяная колбаса отскочила от его носа.

Хлоп! и колбаса плюхнулась на блюдо, что стояло на столе. И если дровосеку с женой так и не довелось кататься в золотой карете да одеваться в шелк и бархат, что ж, зато на ужин им досталась такая вкусная кровяная колбаса, что пальчики оближешь.

ДОЧЬ ГРАФА МАРА

В один прекрасный летний день дочь графа Мара убежала, приплясывая, из замка в сад. Там она бегала, резвилась, а порой останавливалась послушать пение птиц. Но вот она присела в тени зеленого дуба, подняла глаза и увидела высоко на ветке веселого голубка.

— Гуленька-голубок, — позвала она, — спустись ко мне, милый! Я унесу тебя домой, посажу в золотую клетку и буду любить и лелеять больше всех на свете!

Не успела она это сказать, как голубь слетел с ветки, сел ей на плечо и прильнул к ее шее. Она пригласила ему перышки и унесла его домой в свою комнату.

День угас, и настала ночь. Дочь графа Мара уже собиралась лечь спать, как вдруг обернулась и увидела перед собой прекрасного юношу. Она очень удивилась — ведь дверь свою она уже давно заперла. Но она была смелая девушка и спросила:

— Что тебе здесь надо, юноша? Зачем ты пришел и напугал меня? Вот уже несколько часов как дверь моя на засове; так как же ты сюда проник?

— Тише, тише! — зашептал юноша. — Я тот самый гуленька-голубок, которого ты сманила с дерева.

— Так кто же тогда? — спросила она совсем тихо. — И как случилось, что ты превратился в милую, маленькую птичку?

— Меня зовут Флорентин, — ответил юноша. — Мать у меня королева, и даже поважней, чем королева, — она умеет колдовать. Я не хотел ей подчиняться, вот она и превратила меня в голубя. Однако ночью чары ее рассеиваются, и тогда я опять обращаюсь в человека. Сегодня я перелетел через море, впервые увидел тебя и обрадовался, что я — птица, а потому могу к тебе приблизиться.

Но если ты меня не полюбишь, я никогда больше не узнаю счастья!

— А если я полюблю тебя, ты не улетишь, не оставишь меня? — спросила она.

— Никогда, никогда! — ответил принц. — Выходи за меня замуж, и я буду твоим навеки. Днем птицей, а ночью человеком — я всегда буду с тобой.

И вот они тайно обвенчались и счастливо зажили в замке. И никто не ведал, что гуля-голубок ночью превращается в принца Флорентина. Каждый год у них рождалось по сыну, да такому красивому, что и описать невозможно. Но как только мальчик появлялся на свет, принц Флорентин уносил его на спине за море — туда, где жила его мать, королева, — и оставлял сына у нее.

Так пролетело семь лет, и вдруг пришла к ним великая беда. Граф Мар решил выдать дочь замуж за знатного человека, который к ней посватался. Отец принуждал ее согласиться, но она сказала ему:

— Милый отец, я не хочу выходить замуж. Мне так хорошо здесь с моим гуленькой-голубком.

Тогда граф разгневался и в сердцах поклялся:

— Клянусь жизнью, я завтра же сверну шею твоей птице!

Топнул ногой и вышел из комнаты.

— О боже, придется мне улететь! — сказал голубь.

И вот он вспорхнул на подоконник и улетел. И все летел и летел — перелетел через глубокое-преглубокое море, полетел дальше и летел, пока не показался замок его матери. А в это самое время королева-мать вышла в сад и увидела голубя — он пролетел над ее головой и опустился на крепостную стену замка.

— Скорей сюда, плясуны! — позвала королева. — Пляшите джигу! А вы, волынщики, веселей играйте на волянках. Мой милый Флорентин вернулся! Вернулся ко мне навсегда, — ведь на сей раз он не принес с собой хо-рошенького мальчика.

— Ах, нет, матушка, — сказал Флорентин, — не надо мне плясунов, не надо волынщиков! Милую мою жену, мать моих семерых сыновей завтра выдадут замуж, и день этот будет для меня днем скорби.

— Чем я могу помочь тебе, сын мой? — спросила королева. — Скажи, и я все сделаю, что в моих волшебных силах.

— Так вот, дорогая матушка: тебе служат двадцать четыре плясуна и волынщика — обрати всех их в серых цапель. Семеро сыновей моих пусть станут семьей белыми лебедями, а сам я превращусь в ястреба и буду их вожаком.

— Увы, увы, сын мой! Это невозможно! — возразила королева. — Не под силу это моим чарам. Но, быть может, моя наставница, волшебница Остри, скажет, что надо делать.

И королева-мать поспешила к пещере Остри. Вскоре она вышла оттуда, бледная как смерть, с пучком пылающих трав в руках. Она прошептала над травами какие-то заклинания, и вдруг голубь обратился в ястреба, его окружили двадцать четыре серых цапли, а над ними взвилось семь молодых лебедей.

И все они не медля полетели через глубокое синее море. Море так и металось, так и стонало под ними. Но они все летели и летели и наконец подлетели к замку графа Мара, как раз когда свадебный поезд двинулся в церковь. Впереди ехали вооруженные всадники, за ними друзья жениха и вассалы графа Мара, потом жених, а позади всех бледная и прекрасная дочь графа Мара.

Медленно-медленно под звуки торжественной музыки двигались они, пока не приблизились к деревьям, на которых сидели птицы. И тут Флорентин-ястреб издал крик, и все птицы поднялись в воздух — цапли летели низко, молодые лебеди над ними, а ястреб кружил выше всех. Свадебные гости дивились на птиц, как вдруг — хлоп! — цапли ринулись вниз и рассеяли всадников. Молодые лебеди окружили невесту, а ястреб кинулся на жениха и привязал его к дереву. Тогда цапли опять слетелись в тесную стаю, и лебеди уложили им на спину свою мать, как на пуховую перину. Потом птицы взвились в небо и понесли невесту к замку принца Флорентина.

Вот как птицы расстроили свадьбу! Такого чуда еще никто не видывал. А свадебные гости? Им только и оставалось, что глядеть, как прекрасную невесту уносят все дальше и дальше, пока наконец и цапли, и лебеди, и ястреб не скрылись из виду.

Принц Флорентин в тот же самый день доставил дочь графа Мара в замок своей матери, королевы, а та сняла с сына заклятие, и все они зажили счастливо.

СТАРУШКА И ПОРОСЕНОК

Как-то раз одна старушка подметала свою комнату и нашла чуть погнутый шестипенсовик.

— Что бы мне такое купить на него? — подумала старушка. — Пойду-ка я на базар и куплю там поросеночка.

Сказано — сделано. Вот повела старушка поросенка домой, а по дороге им попалась ограда. Тут поросенок уперся — не полез через ограду, и пошла старушка одна.

Шла-шла, увидела собаку.

— Собака, собака, укуси поросенка! — попросила старушка. — Не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но собака не послушалась.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела палку.

— Палка, палка, прибей собаку! — попросила старушка. — Не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но палка не послушалась.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела огонь.

— Огонь, огонь, сожги палку! — попросила старушка. — Не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но огонь не послушался.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела воду.

— Вода, вода, залей огонь! — попросила старушка. — Не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поро-

сенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но вода не послушалась.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела быка.

— Бык, бык, выпей воду! — попросила старушка.— Не хочет вода залить огонь, не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но бык не послушался.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела мясника.

— Мясник, мясник, убей быка! — попросила старушка.— Не хочет бык выпить воду, не хочет вода залить огонь, не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но мясник не послушался.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела веревку.

— Веревка, веревка, повесь мясника! — попросила старушка.— Не хочет мясник убить быка, не хочет бык выпить воду, не хочет вода залить огонь, не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но веревка не послушалась.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела мышку.

— Мышка, мышка, перегрызи веревку! — попросила старушка.— Не хочет веревка повесить мясника, не хочет мясник убить быка, не хочет бык выпить воду, не хочет вода залить огонь, не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

Но мышка не послушалась.

Пошла старушка дальше. Шла-шла, увидела кошку.

— Кошка, кошка, съешь мышку! — попросила старушка.— Не хочет мышка перегрызть веревку, не хочет веревка повесить мясника, не хочет мясник убить быка, не хочет бык выпить воду, не хочет вода залить огонь, не хочет огонь сжечь палку, не хочет палка прибить собаку, не хочет собака укусить поросенка, не хочет поросенок лезть через ограду, не успею я засветло попасть домой.

А кошка ей на это:

— Поди вон к той корове и принеси мне блюдце молока, тогда я съем мышку.

Пошла старушка к корове.

Но корова сказала ей:

— Поди вон к тому стогу и принеси мне охапку сена, тогда я дам тебе молока.

Пошла старушка к стогу и принесла корове сена.

Съела корова сено и дала старушке молока. Старушка налила молока в блюдце и пошла к кошке.

Кошка вылакала молоко и стала ловить мышку, мышка стала грызть веревку, веревка стала вешать мясника, мясник стал убивать быка, бык стал пить воду, вода стала заливать огонь, огонь стал жечь палку, палка стала бить собаку, собака стала кусать поросенка, а поросенок с испугу перелез через ограду.

И старушка засветло попала домой.

НИЧТО-НИЧЕГО

Жили когда-то король с королевой; жили они, поживали, как и другие до них на свете живали. Давно уж они поженились, а детей у них все не было. И вот, наконец, родила королева мальчика. Короля в это время не было дома — он уехал в дальние страны, — и королева не стала крестить сына без отца.

— Пока король не вернется, — сказала она, — мы будем называть мальчика просто Ничто-Ничего.

А король не возвращался долго, и мальчик успел вырасти в статного, красивого юношу.

Наконец король тронулся в обратный путь. По дороге ему встретилась глубокая бурная река, и король никак не мог переправиться через нее. Тут подходит к нему великан и говорит:

— Хочешь, я тебя перенесу через реку?

— А сколько ты за это возьмешь? — спрашивает король.

— Ничто-Ничего, и хватит с меня. Ну, садись ко мне на спину, я тебя живо перенесу.

Король, конечно, не знал, что сына его прозвали Ничто-Ничего, вот он и ответил:

— Ничто так ничто, ничего так ничего! Возьми и мою благодарность впридачу.

Вернулся король домой и очень обрадовался и жене и сыну. Королева рассказала ему, что сыну их пока не дали никакого имени, а просто зовут его Ничто-Ничего.

Тут бедный король закручинился.

— Что я наделал! — говорит. — Ведь я обещал отдать Ничто-Ничего тому великану, что перенес меня на спине через реку.

Долго горевали король с королевой и наконец решили:

— Когда великан придет, мы отдадим ему сына нашей птичницы. Он и не заметит, что мальчика подменили.

На другой день великан явился к королю получать обещанное. Король велел позвать сына птичницы, великан взвалил его на спину и унес.

Долго шел великан, наконец увидел подходящую скалу. Сел на нее передохнуть и спрашивает:

— Эй, ты, там на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А бедный паренек отвечает:

— Тот самый, когда моя матушка-птичница собирает яйца королеве на завтрак.

Великан очень рассердился. Бросил мальчика на камень и убил его.

В бешенстве вернулся великан к королю. На этот раз король с королевой отдали ему сына садовника. Взвалил великан мальчика к себе на спину и отправился восвояси. Опять добрался до скалы, присел на нее отдохнуть и спрашивает:

— Эй, ты, там на спине, сморчок-батрачок, который теперь час?

А сын садовника отвечает:

— Да, наверное, тот самый, когда моя матушка собирает овощи для королевского обеда.

Тут великан совсем рассвирепел — убил и этого мальчика.

Потом, сам не свой от ярости, вернулся в королевский замок и пригрозил, что всех здесь уничтожит, если и на сей раз ему не отдадут Ничто-Ничего.

Пришлось отдать ему королевича. Вот дошел великан до скалы и спрашивает:

— Который теперь час?

А Ничто-Ничего отвечает:

— Тот самый, когда мой отец-король садится ужинать.

— Вот теперь я получил что хотел! — обрадовался великан. И отнес Ничто-Ничего к себе домой.

Так и остался Ничто-Ничего у великана и жил у него, пока не стал взрослым.

А у великана была красивая дочка. И вот полюбила

она Ничто-Ничего, а он полюбил ее. Как-то раз великан и говорит Ничто-Ничего:

— Вот тебе работа на завтра. Есть у меня конюшня в семь миль длиной и в семь миль шириной. Семь лет ее не чистили. Вычисти ее завтра к вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро великанова дочка принесла завтрак для Ничто-Ничего и застала его в горе и печали: как он ни старался, вычистить конюшню не мог. Выгребет грязь, а она сразу же опять нарастет. Тогда девушка сказала, что поможет ему. Кликнула клич всем тварям земным и всем птицам небесным, и тотчас к ней со всего света сбегались звери и слетелись птицы. Они вынесли из конюшни всю грязь, и великан еще не вернулся, а конюшня уже стала чистой. Увидел это великан, позвал Ничто-Ничего и говорит:

— Стыд и позор тому хитрецу, что тебе помогал! Ну да ничего, на завтра найдется у меня тебе работенка потруднее! Есть у меня озеро в семь миль длиной, семь миль глубиной, семь миль шириной. Осуши его к завтрашнему вечеру, а не то попадешь мне на ужин!

На другое утро Ничто-Ничего спозаранку принялся за работу — стал воду из озера ведром вычерпывать. Но озеро ни на каплю не убывало. Что делать? Тут дочка великана созвала всех рыб морских и приказала им выпить озерную воду. И рыбы быстро выпили всю воду и осушили озеро.

Увидел великан, что дело сделано, разозлился и сказал:

— Ну, погоди, на завтра я тебе задам работу так работу! Есть у меня дерево высотой в семь миль и без единого сучка. А на самой верхушке гнездо, и в нем семь яиц. Принеси все яйца целехонькими, а не то попадешь-таки мне на ужин!

Сперва дочка великана не знала, как помочь своему милему. Думала-думала, наконец придумала: отрезала себе пальцы на руках и на ногах и сделала из них ступеньки. Ничто-Ничего влез на дерево и вынул из гнезда яйца. Пока он спускался, все яйца были целехоньки, но как только ступил на землю, одно разбилось. Как быть? И вот решил он бежать вместе со своей милой. Великанова дочка захватила из своей комнаты волшебную склянку, и они пустились бежать без оглядки.

Но не успели они перебежать через три поля, как оглянулись и видят: мчится за ними во весь опор великан.

— Скорей, скорей! — вскричала дочка великана. — Вынь у меня из волос гребень и брось на землю!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос гребень и бросил на землю. И тотчас из зубцов выросли густые кусты шиповника. Нескоро удалось великану проложить себе дорогу через колючие заросли! Когда же он, наконец, пробрался сквозь них, Ничто-Ничего и его милая успели убежать далеко-далеко. Но великан опять стал нагонять — вот-вот схватит. Тут его дочка крикнула своему милему:

— Вынь у меня из волос кинжал и брось на землю, да скорее, скорей!

Ничто-Ничего выхватил у нее из волос кинжал и бросил на землю. И в тот же миг дорогу загородила изгородь из торчащих крест-накрест острейших ножей. Нелегко было великану между ними пройти. Пробирался он осторожно, а тем временем беглецы мчались все дальше и дальше и уже почти скрылись из виду.

Наконец великан пробрался через изгородь, опять догнал их и уже протянул руку, чтобы схватить Ничто-Ничего, но девушка достала свою волшебную склянку и бросила ее на землю. Склянка разбилась, и из нее выкатилась большая-пребольшая волна. Она все росла и росла; вот покрыла великана по пояс, потом по шею; добралась до темени, и великан захлебнулся.

А Ничто-Ничего с девушкой бежали все дальше, пока не добежали до того места, откуда уже был виден замок его родителей. Но великанова дочка так притомилась, что больше ни шагу не могла ступить. Тогда Ничто-Ничего отправился искать ночлега, а девушке велел ждать. Пошел он прямо на огни королевского замка да по дороге забрел в хижину птичницы, той самой, у которой великан сына убил. Она тотчас узнала Ничто-Ничего, и если раньше она его ненавидела — ведь это из-за него погиб ее сын! — то теперь ее лютая ненависть разгорелась еще пуще! И вот, когда Ничто-Ничего спросил у нее, как пройти в замок, она заколдовала его, и только он вошел, как упал на скамью и заснул мертвым сном.

В замке его не узнали. Как ни старались король с королевой разбудить незнакомого юношу, не смогли. Тогда

король обещал женить его на той, кто сумеет его разбудить.

А дочка великана все ждала и ждала своего милого, наконец влезла на дерево, чтобы увидеть, куда он поделся. Тем временем подошла дочка садовника. Под деревом был родник, и она уже хотела зачерпнуть воды, как вдруг увидела в нем отражение девушки. Увидела и решила, что это она сама в воде отражается.

— До чего я красива! — сказала она. — До чего хороша! Ну можно ли посылать по воду такую красоту!

Тут она бросила ведро и решила попытать счастья — разбудить незнакомца, чтобы выйти за него замуж. Вот пришла она к птичнице, и та научила ее как ненадолго расколдовать Ничто-Ничего, чтобы он бодрствовал ровно столько, сколько нужно ей, садовниковой дочке; потом отправилась в замок и пропела там заклинание. А когда ненадолго разбудила Ничто-Ничего, король с королевой обещали женить его на ней.

Между тем к роднику спустился сам садовник и тоже увидел в воде девичье лицо. Взглянул вверх — видит на дереве девушка сидит. Он помог дочке великана спуститься с дерева и привел ее к себе домой. Дома он похвастался, что дочка его замуж выходит, и повел девушку в замок — хотел ей дочкиного жениха показать. А это был Ничто-Ничего! Он спал, сидя в кресле.

Увидела его дочка великана и крикнула:

— Проснись, проснись! Скажи мне хоть слово!

Но он не просыпался. Тогда она сказала:

— Чего мне только не пришлось делать: и конюшню очищать, и озеро осушать, и на дерево влезать, и все это — чтоб тебя, милый, спасать. А ты спишь не просыпаешься, не хочешь слова мне сказать!

Король с королевой услышали ее речи и подошли. А она им и говорит:

— Как ни стараюсь его разбудить, не могу. Не хочет мне Ничто-Ничего хоть словечко молвить!

Они очень удивились: что она знает про Ничто-Ничего, думают? И спросили девушку: а где же он сейчас, этот Ничто-Ничего?

— Да вот он, в кресле сидит! — ответила она.

Тогда они бросились к спящему, принялись его целовать и называть своим родным, любимым сыном. Потом

вызвали дочь садовника и заставили ее пропеть заклинание. Ничто-Ничего проснулся и рассказал родителям, как великанова дочка спасла его и какая она добрая. Тут король с королевой обняли и расцеловали девушку, говоря, что отныне она будет им дочкой и что сын их на ней женится.

Птичницу казнили, а все остальные жили счастливо до конца дней своих.

ТОМ — МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Во времена великого короля Артура жил могущественный волшебник по имени Мерлин — самый искусный и ученый чародей, какого только видел свет.

Этот знаменитый волшебник умел оборачиваться во что и в кого хотел. И вот однажды он отправился путешествовать в обличье простого нищего, а когда очень устал, остановился у дома одного пахаря и попросил поесть.

Крестьянин радушно принял волшебника, а жена его, женщина добрая, принесла молока в деревянной миске и темный хлеб на тарелке.

Мерлина порадовало гостеприимство пахаря и его жены. Но он заметил, что хотя дом у них — полная чаша, а счастья в нем нет, и спросил, почему это так. Хозяйева ответили: горюют они о том, что нет у них детей.

— Не нашлось бы на свете женщины счастливей меня, — сказала хозяйка со слезами на глазах, — если бы только был у меня сын. Будь он даже с большой палец своего отца, я и то была бы довольна!

Мерлин представил себе мальчика ростом с пальчик, и это его так позабавило, что он решил исполнить желание бедной женщины. И в самом деле, вскоре у жены пахаря родился сынок. Но вот чудо! — ростом он был с большой палец своего отца!

Сама королева фей пожелала взглянуть на крошечного мальчика. Она влетела в окно, когда мать сидела на кровати и любовалась малюткой. Фея поцеловала его и дала

ему имя -- Том — мальчик с пальчик. Потом она позвала других фей и приказала им так нарядить ее крестного сына:

Ему штанишки сшили из перышек гусиных,
На курточку малютке пошел чертополох,
Рубашку смастерили из тонкой паутины,
Дубовый лист для шляпы, не правда ли, неплох?
Для башмачков изящных мышиной кожи взяли,
Пришили мех пушистый и яркие шнуры,
А красные чулочки ресницей подвязали,
Чулочки из блестящей вишневой кожуры.

Том так и не вырос — ростом остался с большой палец своего отца, а у того пальцы были самые обыкновенные. Зато с годами он превратился в хитрющего мальчишку и научился всяким проказам. Когда Том играл с другими детьми и, случалось, проигрывал им все свои вишневые косточки, он потихоньку забирался в сумки своих товарищей, набивал карманы косточками, а потом незаметно выскакивал оттуда и продолжал играть как ни в чем не бывало.

Но вот как-то раз вылезает он, как обычно, с краденными косточками из чужой сумки, а его — хват! — поймали с поличным.

— Ага, коротышка Томми! — закричал владелец сумки. — Теперь я знаю, кто таскает мои вишневые косточки. Погоди, поплатишься ты за свои воровские проделки!

Тут он накинул Тому на шею шнурок от сумки с вишневыми косточками и так встряхнул ее, что косточкам бедного Тома не поздоровилось! Он заревел от боли, стал проситься на свободу и обещал, что никогда больше не будет воровать.

Спустя несколько дней мать Тома готовила пудинг, и сыну захотелось посмотреть, как она это делает. Он вскарабкался на край деревянной миски, но поскользнулся и полетел кубарем прямо в тесто. Мать ничего не заметила и выложила Тома вместе с пудингом в салфетку, а потом опустила в чугунок с водой.

Тесто залепило Тому весь рот, так что он даже крикнуть не мог. Но вода была горячая, и он стал так брыкаться и вертеться, что мать подумала: наверное, в этом пудинге нечистая сила завелась! И она вытряхнула тесто из чугунка за дверь.

А в это время мимо дома проходил бедный лудильщик. Он подобрал пудинг, сунул его в сумку и зашагал

дальше. Но тут, наконец, Том выплюнул все тесто и закричал так громко, что лудильщик перепугался до смерти, бросил пудинг и убежал. Пудинг упал и рассыпался, а Том выкарабкался из него и, весь в тесте, побежал домой.

Мать очень огорчилась, увидев свое сокровище в столь плачевном виде. Она посадила сына в чайную чашку, смыла с него все тесто, потом поцеловала его и уложила в постельку.

Вскоре после этого мать Тома пошла как-то на луг корову доить и взяла мальчика с собой. Дул сильный ветер. Она побоялась, как бы Тома не унесло, и привязала его ниточкой к чертополоху. А корова увидела на голове у мальчика с пальчика шляпу из дубового листка, захотела полакомиться ею и отправила шляпу себе в рот вместе с Томом и чертополохом. Пока корова жевала чертополох, Том со страхом разглядывал ее страшные зубы, опасаясь как бы они не сжевали и его, и вдруг завопил во все горло:

— Мама, мама!

— Где ты, Томми, мой крошечка? — отозвалась мать.

— Здесь, мама! — ответил он. — Во рту у Краснушки.

Тут мать стала плакать и ломать руки. А корова никак не могла понять, кто это шумит у нее во рту? Открыла рот и выронила Тома. К счастью, мать на лету подхватила сына в передник, а не то он расшибся бы. Спрятала она мальчика у себя на груди и скорей побежала домой.

Вот раз отец сделал Тому бич из ячменной соломинки — скотину погонять, а Том пошел с этим бичом в поле, да на беду поскользнулся и свалился в борозду. Мимо пролетал ворон. Подхватил Тома и полетел с ним через море, да над морем выпустил его из клюва.

В тот же миг Тома проглотила большущая рыба. Но вскоре эту рыбу поймали и продали на кухню короля Артура. Когда же ее выпотрошили, перед тем как варить, то увидели в ней крошечного мальчика. Все прямо диву дались, а Том очень обрадовался, что опять вышел на свободу. Мальчика с пальчика преподнесли королю, и тот сделал его своим придворным карликом. Вскоре Том стал любимцем всего двора — он забавлял своими шалостями не только короля с королевой, но и всех рыцарей Круглого стола.

Говорят, что когда король выезжал куда-нибудь верхом, он часто брал с собой Тома. А если начинался ливень, мальчик с пальчик прятался в кармане его величества и спал там, покуда дождь не прекращался.

Однажды король Артур стал расспрашивать Тома о его родителях: хотелось ему знать, такие же ли они коротышки, как Том, и хорошо ли им живется. Том ответил, что отец и мать у него не ниже ростом, чем любой из королевских придворных, только живется им куда хуже. Тогда король отнес Тома в сокровищницу, где хранил свои деньги, и разрешил ему взять, сколько он сможет донести до отчего дома. Бедняжка Том даже запрыгал от радости. Притащил кошелек из мыльного пузыря, и король положил ему в этот кошелек серебряный трехпенсовик.

Нелегко было мальчику с пальчику поднять такую ношу! Но вот он, наконец, взвалил ее себе на спину и тронулся в путь. По дороге он падал от усталости, отдыхал раз сто, но все-таки спустя два дня и две ночи благополучно добрался до родного дома. Тут мать выбежала ему навстречу и унесла его в дом.

Но вскоре Том опять вернулся ко двору.

Надо сказать, что одежда Тома сильно пострадала и от теста — когда он упал в пудинг — и в животе у рыбы. И вот его величество приказал сшить Тому новый костюм, а вместо коня дать ему мышь, чтобы он ездил на ней верхом, как положено рыцарю.

И шесть королевских придворных портных
Ему смастерили наряд:
Рубашку из крыльев стрекоз голубых
И пару блестящих сапог верховых
Из кожицы желтых цыплят.
Булавка служила герою мечом,
А серый мышонок лихим скакуном,
Бесстрашно скакал на мышонке верхом
Отважный наездник Том.

Презабавное было зрелище, когда Том в таком наряде, да еще верхом на мыши, выезжал с королем и всей знатью на охоту. Все так и покатывались со смеху, как только он появлялся на своем лихом скакуне.

Король очень привязался к ловкому малютке и даже приказал смастерить ему креслице, чтобы тот сидел в нем на столе его величества. А еще король заказал для Тома золотой дворец высотой в пядь, с дверью шириной в дюйм

и подарил ему карету, запряженную шестеркой маленьких мышек.

Но королева злилась, видя какие почести оказывают сэру Томасу, и решила его погубить. И вот она сказала королю, что крошечный рыцарь надерзил ей.

Король сейчас же послал за Томом. Но мальчик с пальчик хорошо знал, чем грозит королевский гнев, и спрятался в пустой раковине улитки. Там он пролежал так долго, что чуть не умер с голоду, а когда, наконец, решился выглянуть наружу, увидел возле своего тайника большую красивую бабочку. Том подкрался к ней, вскочил на нее верхом, и бабочка подняла его на воздух. Она перелетала с ним с дерева на дерево, с поляны на поляну, но в конце концов вернулась к замку. Там король и вся знать бросились ловить ее, а Том не удержался и свалился прямо в лейку с водой. Чуть не утонул, бедняга!

Королева увидела Тома и рассвирепела. Она потребовала, чтобы мальчику с пальчику отрубили голову. И вот Тома посадили в мышеловку — ждать казни.

Но тут кошка заметила, что в мышеловке что-то шевелится и стала теребить ее лапкой; сломала задвижку и выпустила Тома на свободу.

Король вернул Тому свое расположение, но недолго пришлось мальчику с пальчику жить в свое удовольствие. Однажды на него напал огромный паук. И хотя Том выхватил меч и храбро сражался, паук умертвил его своим ядовитым дыханием.

Он выпустил меч из слабеющих рук,
И кровь его высосал жадный паук.

Король Артур и все его приближенные очень горевали о смерти своего маленького любимца. Весь двор облачился в траур, и на могиле Тома поставили великолепный памятник из белого мрамора с такой надписью:

Здесь погребен навек малютка Том,
Погибший в страшной битве с пауком.
Увы, он мертв! Прошла его пора!
Он был достойным рыцарем двора:
Он с блеском на турнирах выступал
И на мышонке лихо гарцевал.
Он смех и радость во дворец принес,
И смерть его — причина наших слез.
Рыдайте, не стыдитесь слез своих:
Малютки Тома больше нет в живых!

МИСТЕР ФОКС

Леди Мери была молода. Леди Мери была прекрасна. У нее было два брата, а поклонников — без счету. Но самым храбрым и самым красивым из них был мистер Фокс. Она встретила его, когда жила в охотничьем замке своего отца. Никто не знал, откуда явился мистер Фокс, но он был очень храбр и несомненно богат. Из всех своих поклонников леди Мери отличала его одного.

Наконец они решили сочетаться браком, и леди Мери спросила своего жениха, где они будут жить, когда поженятся. Мистер Фокс описал ей свой замок и сказал, где он находится, но — как ни странно — не пригласил ни невесты, ни ее братьев к себе в гости.

И вот однажды, незадолго до свадьбы, когда мистер Фоке отлучился на день-два, «по делам», как он сказал, леди Мери отправилась в его замок одна. Бродила-бродила она, наконец нашла его. Это и в самом деле был красивый замок, огражденный высокими стенами и глубоким рвом. Она подошла к воротам и увидела на них надпись:

ДЕРЗАЙ, ДЕРЗАЙ...

Ворота были открыты, и она вошла в них, но во дворе не было ни души. Она подошла к двери и на ней опять прочла надпись:

ДЕРЗАЙ, ДЕРЗАЙ, НО НЕ СЛИШКОМ ДЕРЗАЙ...

Леди Мери вошла в зал, потом поднялась по широкой лестнице и остановилась в галерее у двери, на которой было написано:

*ДЕРЗАЙ, ДЕРЗАЙ, НО НЕ СЛИШКОМ ДЕРЗАЙ,
А НЕ ТО УЗНАЕШЬ ГОРЯ НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ.*

Леди Мери была храбрая девушка. Она бесстрашно открыла дверь, и что же она увидела — скелеты и залитые кровью мертвые тела прекрасных девушек.

И леди Мери решила, что лучше ей поскорее уйти из этого страшного места. Она закрыла дверь, пробежала через галерею и уже собралась спуститься по лестнице, чтобы выйти из зала, как увидела в окно самого мистера Фокса. Он тащил через двор прекрасную девушку.

Леди Мери бросилась вниз и только успела спрятаться за бочкой, как в дом ввалился мистер Фокс с девушкой, видимо потерявшей сознание. Он дотащил свою ношу до того места, где притаилась леди Мери, и тут вдруг заметил на руке девушки сверкающий бриллиантовый перстень. Мистер Фокс попробовал было снять его, но не смог. Тогда он с проклятиями выхватил меч, занес его и отрубил бедной девушке руку. Рука отлетела в сторону и упала прямо на колени леди Мери. Мистер Фокс искал-искал ее, но не нашел, а заглянуть за бочку не догадался. Потом он опять подхватил девушку и потащил ее вверх по лестнице, в Кровавую комнату.

Как только леди Мери услышала, что он поднялся по галерее, она тихонько выбежала из замка, вышла за ворота и со всех ног кинулась домой.

А надо сказать, что брачный договор леди Мери и мистера Фокса должны были подписать на другой день. Вот собрались все домочадцы за праздничным столом. Мистера Фокса усадили против леди Мери. Он взглянул на нее и промолвил:

— Как вы сегодня бледны, дорогая моя!

— Я плохо спала эту ночь,— ответила она.— Меня мучили страшные сны.

— Плохие сны к добру,— сказал мистер Фокс.— Расскажите нам, что вам снилось. Мы будем слушать ваш дивный голос и не заметим, как пробьет час нашего счастья.

— Мне снилось,— начала леди Мери,— будто я вчера утром отправилась в ваш замок. Я нашла его в лесу, за высокими стенами и глубоким рвом. На воротах замка было написано:

ДЕРЗАЙ, ДЕРЗАЙ...

— Но ведь это не так, да и не было так,— перебил ее мистер Фокс.

— Я подошла к двери и прочла на ней:

ДЕРЗАЯ, ДЕРЗАЯ, НО НЕ СЛИШКОМ ДЕРЗАЯ...

— Но ведь это не так, да и не было так,— опять перебил ее мистер Фокс.

— Я поднялась по лестнице на галерею. В конце галереи была дверь, а на ней надпись:

*ДЕРЗАЯ, ДЕРЗАЯ, НО НЕ СЛИШКОМ ДЕРЗАЯ,
А НЕ ТО УЗНАЕШЬ ГОРЯ НЕПОЧАТЫЙ КРАЙ.*

— Но ведь это не так, да и не было так,— проговорил мистер Фокс.

— А потом... потом я открыла дверь и увидела комнату, где лежали скелеты и окровавленные тела каких-то несчастных женщин!

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — сказал мистер Фокс.

— И еще мне снилось, будто я бросилась бежать по галерее и только успела добежать до лестницы, как увидела вас, мистер Фокс! Вы тащили через двор какую-то бедную девушку, молодую, нарядную и прекрасную.

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — возразил мистер Фокс.

— Я бросилась вниз и только успела спрятаться за бочкой, как вы, мистер Фокс, вошли в зал, волоча девушку за руку. Вы прошли мимо меня, и мне показалось, будто вы старались снять с ее руки бриллиантовый перстень. А когда вам это не удалось, мистер Фокс, мне приснилось, будто вы подняли меч и отрубили бедной девушке руку, чтобы завладеть ее перстнем!

— Но ведь это не так, да и не было так. И не дай господь, чтобы было так! — закричал мистер Фокс и вскочил с места, кажется собираясь еще что-то добавить.

Тут леди Мери выхватила из-под плаща отрубленную руку, протянула ее мистеру Фоксу и сказала:

— Нет, это так, и было так! Вот рука, а вот перстень! Ну, что? Не так?

Тогда братья леди Мери и все гости обнажили свои мечи и изрубили мистера Фокса на куски.

Д Ж О Н Н И - П О Н Ч И К

Жили-были на свете старик со старухой, и был у них маленький сынок. Как-то утром замесила старуха тесто, скатала пончик и посадила его в печку, чтобы он испекся.

— Смотри за Джонни-пончиком, пока мы с отцом будем на огороде работать,— сказала она мальчику.

И родители ушли окучивать картошку, а сынишку оставили смотреть за печкой. Но ему это вскоре надоело. Вдруг слышит он какой-то шум, взглянул на печку и видит — дверца печки сама собой открывается и выскакивает оттуда Джонни-пончик.

Как покатится Джонни-пончик прямо к открытой двери! Мальчик бросился закрывать ее, но Джонни-пончик оказался проворнее — выкатился за дверь, перекатился через порог, скатился со ступенек и покатился по дороге. Со всех ног погнался за ним мальчик, клича родителей. Те услышали крик, бросили свои мотыги и тоже пустились в погоню. Но Джонни-пончик уже был далеко и вскоре скрылся из виду. А старик со старухой и мальчик так запыхались, что уселись на скамью дух перевести.

Вот покатился Джонни-пончик дальше и вскоре прикатился к двум рабочим, что рыли колодец. Они перестали работать и спрашивают:

— Куда спешишь, Джонни-пончик?

А Джонни-пончик им в ответ:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, и от вас я убегу!*

— От нас? Ну, это мы еще посмотрим! — сказали рабочие.

Бросили кирки и погнались за Джонни-пончиком.

Но куда там! Разве его догонишь? Пришлось рабочим сесть у дороги передохнуть.

А Джонни-пончик покатился дальше и вскоре прикатился к двум землекопам, что рыли канаву.

— Куда спешишь, Джонни-пончик? — спросили они.

А Джонни-пончик им:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от вас тоже убегу!*

— От нас? Ну, это мы еще посмотрим! — сказали землекопы.

Бросили заступы и тоже погнались за Джонни-пончиком. Но Джонни-пончик бежал быстрее. Увидели землекопы — не поймать им Джонни-пончика, перестали за ним гнаться и присели отдохнуть.

А Джонни-пончик покатился дальше и вскоре прикатился к медведю.

— Куда спешишь, Джонни-пончик? — спросил медведь.

А Джонни-пончик в ответ:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, и от тебя я убегу!*

— От меня? — проворчал медведь. — Ну, это мы еще посмотрим!

И медведь со всех ног пустился в погоню за Джонни-пончиком. А тот бежал без оглядки, и вскоре медведь так отстал, что и сам увидел — не угнаться ему за беглецом. Ну он и растянулся у дороги, передохнуть захотел.

А Джонни-пончик покатился дальше и вскоре прикатился к волку.

— Куда спешишь, Джонни-пончик? — спросил волк.

А Джонни ему свое:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал, и от тебя я убегу-у-у!*

— От меня! — огрызнулся волк. — Ну, это мы еще посмотрим!

И волк пустился вскачь за Джонни-пончиком. Но тот катился все быстрее и быстрее, так что волк тоже отчаялся догнать его и улегся отдохнуть.

А Джонни-пончик покатился дальше и вскоре прикатился к лисе, что тихонько лежала в углу ограды.

— Куда спешишь, Джонни-пончик? — спросила лиса ласковым голосом.

А Джонни-пончик опять:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!*

Тут лиса наклонила голову набок и говорит:

— Что-то я тебя плохо слышу, Джонни-пончик. Подойди-ка поближе!

Джонни-пончик подкатился к лисе и громко повторил:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!*

— Никак не расслышу. Подойди еще чуточку ближе! — попросила лиса слабым голосом. А сама вытянула в сторону Джонни-пончика шею и приложила лапу к уху.

Джонни-пончик подкатился еще ближе, наклонился к самому уху лисы и прокричал что было силы:

— *Я от деда убежал, я от бабки убежал, от мальчонки убежал, от двух рабочих убежал, от землекопов убежал, от медведя убежал и от волка убежал. От тебя, лиса, я тоже убегу-у-у!*

— От меня? Ну нет! — тявкнула лиса и мигом схватила Джонни-пончика своими острыми зубами.

РЫБА И ПЕРСТЕНЬ

Жил некогда на севере могущественный барон. Он был великий волшебник и умел предсказывать будущее. Когда сыну его минуло четыре года, барон однажды заглянул в Книгу судеб — он хотел узнать, что ждет его сына, — и с гневом прочел в ней, что сын его женится на простой девушке, которая только что родилась в одном доме близ Йоркского собора. Барон узнал, что отец ее очень-очень бедный человек, а детей у него уже пятеро. И вот велел он подать коня, поскакал в Йорк и подъехал к дому бедняка. Бедняк сидел на пороге, грустный и печальный.

Барон соскочил с коня, подошел к бедняку и спросил:

— Что с тобой, любезный?

— Ах, ваша честь, — ответил бедняк, — детей у меня уже пятеро, а сейчас шестой родился — девочка. Где мне взять хлеба, чтобы прокормить их всех — ума не приложу!

— Не падай духом, приятель! — сказал барон. — Я тебе помогу в беде. Возьму к себе твою младшую дочку, и тебе не придется больше о ней заботиться.

— Премного вам благодарен, сэр, — ответил бедняк. Пошел в дом, вынес девочку и отдал ее барону, а тот вскочил на коня и поскакал с нею прочь. Когда же он достиг берегов реки Уз, он бросил малютку в воду, а сам поскакал дальше к своему замку.

Но девочка не погибла — пеленки держали ее на воде — и она все плыла и плыла, и наконец ее прибило к

берегу перед хижинкой одного рыбака. Рыбак нашел бедную малютку, сжалился над ней и отнес ее к себе домой.

Так она и жила у него, пока не исполнилось ей пятнадцать лет и она не стала стройной, прекрасной девушкой.

И вот однажды барон ехал с друзьями по берегу реки Уз на охоту и остановился у хижины рыбака, чтобы утолить жажду. Девушка вынесла охотникам воды, и все сразу же увидели, как она прекрасна, а один из спутников барона сказал:

— Барон, вы умеете предсказывать судьбу. Как вы думаете, за кого выйдет замуж эта девушка?

— Нетрудно догадаться,— ответил барон,— за какого-нибудь мужлана. Но я все же составлю ее гороскоп. Подойди сюда, милая, и скажи мне, в какой день ты родилась?

— Не знаю, сэр,— ответила девушка.— Меня подобрали на этом месте лет пятнадцать назад. Река принесла меня сюда.

Тут барон понял, кто она такая. И когда все поехали дальше, он вернулся и сказал девушке:

— Послушай, милая, я решил тебя осчастливить. Отнеси это письмо моему брату в Скарборо и ты на всю жизнь будешь обеспечена.

Девушка взяла письмо и сказала, что отнесет его в Скарборо. А в письме было написано вот что:

«Дорогой брат! Схвати подательницу сего и немедленно предай ее смерти.

Любящий тебя

твой *Хэмфри*».

И вот девушка отправилась в Скарборо и заночевала на постоялом дворе. А в эту самую ночь туда ворвалась шайка разбойников. Они увидели девушку и обыскали ее, но денег при ней не нашли, а только записку. Эту записку они прочитали и решили, что стыд и позор убивать беззащитную девушку. Атаман разбойников взял перо и бумагу и написал так:

«Дорогой брат! Прими подательницу сего и немедленно выдай ее замуж за моего сына.

Любящий тебя

твой *Хэмфри*».

Потом он отдал это письмо девушке и пожелал ей счастливого пути. И вот она пошла в Скорборо к брату барона — благородному рыцарю, а у него в то время гостил сын барона. Девушка передала письмо рыцарю, а тот распорядился немедленно готовиться к свадьбе, и свадьбу сыграли в тот же день.

Вскоре и сам барон приехал в замок брата. Велико было его удивление, когда он узнал, что совершилось то, чего он старался не допустить. Но он решил не сдаваться.

Он пригласил невестку погулять с ним по скалистому морскому берегу, а как только они остались одни, схватил ее за руки и уже хотел было сбросить в море, но она стала молить его о пощаде.

— Сжальтесь! — молила она. — Я ни в чем не виновата. Отпустите меня, и я сделаю все, что вы пожелаете. Клянусь вам, я больше не увижусь ни с вами, ни с вашим сыном, пока вы сами этого не захотите.

Тогда барон снял с руки золотой перстень, бросил его в море и сказал:

— Без этого перстня не смей показываться мне на глаза!

И отпустил ее.

Бедняжка все шла и шла, пока не добралась, наконец, до замка одного знатного вельможи. Тут она попросила дать ей хоть какую-нибудь работу, и ее оставили в замке судомойкой — ведь домашней работе она научилась в хижине рыбака.

Но случилось так, что однажды в этот замок приехал сам барон, его брат и сын — муж судомойки! Она просто не знала, что ей делать, и только надеялась, что в кухне они ее не увидят.

Со вздохом принялась она за свою работу и стала потрошить огромную рыбу к обеду. И вдруг в желудке у рыбы что-то сверкнуло. Как вы думаете, что это было? Перстень! Тот самый перстень, который барон бросил в море со скалы в Скарборо. Бедняжка обрадовалась великой радостью, а рыбу постаралась приготовить повкуснее и передала ее слугам.

И вот, когда гости отведали рыбы, она так им понравилась, что они спросили хозяйина дома, кто ее готовил. Хозяин ответил, что не знает, и приказал слугам:

— Эй, вы, пришлите сюда повариху, что готовила эту отменную рыбу!

Слуги спустились в кухню и сказали судомойке, что ее зовут к гостям. Она принарядилась, надела на палец золотой перстень барона и поднялась в зал.

Гости так и ахнули, когда увидели, как она молода и прекрасна. Только барон рассвирепел не на шутку. Он вскочил с места и уж готов был броситься на невестку, но она подошла к нему с протянутой рукой, сняла с руки перстень и положила его на стол.

Тут барон, наконец, понял, что от судьбы не уйдешь. Он усадил невестку за стол и объявил всем собравшимся, что она — законная жена его сына. А потом увез ее и сына домой, в свой замок, и с тех пор все они жили так счастливо, что счастливей и быть не может.

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

В царствование доброго короля Артура в графстве Корнуэлл, на мысу Лэндс-энд жил крестьянин и был у этого крестьянина единственный сын по имени Джек. Джек был ловкий парень с таким быстрым и живым умом, что никто и ни в чем не мог с ним потягаться.

В те дни на островке, именуемом Корнуэллская гора, обитал страшный великан — Корморен. Ростом он был в восемнадцать футов, в обхват целых три ярда, а лицом — страшилище. Был он так свиреп и грозен, что все окрестные города и села дрожали перед ним. Жил Корморен в пещере, в самом сердце горы, а когда ему хотелось есть, он брел по воде на большую землю и хватал все, что ни попадалось под руку. Завидев его, люди покидали свои дома и разбегались кто куда. Великан ловил их скот, — ему было нипочем тащить на спине полдюжины быков зараз, а овец и свиней он просто нанизывал себе на пояс, как связку сальных свечей. Многие годы он был грозой всего Корнуэлла и довел жителей до полного отчаяния.

Но вот в городской ратуше созвали совет, чтобы решить, как бороться с великаном, и туда зашел Джек. И Джек спросил:

— Какую награду получит тот, кто убьет Корморена?

— Все сокровища великана! — ответили Джеку.

— Тогда поручите это дело мне! — сказал он.

Раздобыл себе рожок, кирку и заступ и, как только спустился темный зимний вечер, добрался до Корнуэллской горы и принялся за работу. Не успело настать утро, а он уже вырыл яму в двадцать два фута глубиной и фу-

тов двадцать в поперечнике, покрыл ее длинными ветками и соломой, а сверху присыпал землей, чтобы казалось, будто это просто ровное место. Уселся Джек на край ямы, подальше от жилища великана, и когда занялся день, приложил к губам свой рожок и заиграл веселый галоп. Великан проснулся и с криком выбежал из пещеры:

— Ах ты негодяй! Как посмел ты нарушить мой покой? Я этого не потерплю! Ну, ты мне дорого заплатишь! Поймаю тебя и целиком изжарю на завтрак!

Но не успел великан выкрикнуть эти угрозы, как рухнул в яму — тут даже Корнуэллская гора затряслась.

— Что, великан, попался? — крикнул ему Джек. — Теперь угодишь прямо в преисподнюю! Там достанется тебе за твои угрозы. А как насчет того, чтобы изжарить меня на завтрак? Может, лучше что другое скушаешь? Зачем тебе бедный Джек?

Поиздевавшись над великаном, Джек ударил его со всего размаху тяжелой киркой по макушке и убил наповал. Потом засыпал яму землей и отправился искать пещеру Корморена. Нашел пещеру, а в ней — груды сожженных костей!

Городской магистрат узнал о подвиге Джека и объявил всем, что отныне Джека следует величать:

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

И пожаловал Джеку меч и пояс, на котором были золотом вышиты слова:

*Сей корнуэллский отрок смел —
Он Корморена одолел.*

Весть о победе Джека вскоре разнеслась по всей Западной Англии, дошла до другого великана, Бландебора, и он поклялся отомстить Джеку при первой же встрече. Бландебор владел заколдованным замком, что стоял посреди дремучего леса.

И вот месяца четыре спустя Джек отправился в Уэльс и проходил по опушке этого леса. Он очень устал, присел отдохнуть возле веселого родника, да и заснул крепким сном. А пока он спал, к роднику пришел за водой сам Бландебор; увидел Джека, прочитал надпись на его поясе и сразу узнал, что это Джек — Победитель Великанов. Недолго думая великан взвалил Джека на плечи и потащил в свой замок.

Дорогой пришлось ему пробираться через чашу, и шум ветвей разбудил Джека. С ужасом и удивлением Джек понял, что попал в лапы великана; но самое страшное было впереди!

Когда Бландебор вошел в свой замок, Джек увидел, что все вокруг усеяно человеческими костями. А великан к тому же сказал, что немного погодя тут будут валяться и Джековы косточки. Потом Бландебор запер бедного Джека в огромной комнате, а сам пошел за другим великаном — своим братом, который жил в том же лесу, — чтобы вместе с ним полакомиться юношей.

Джек подождал-подождал, потом подошел к окну и увидел вдали двух великанов: они шли к замку.

«Ну, — подумал Джек, — сейчас я либо умру, либо спасусь!» Тут он заметил, что в углу комнаты лежат крепкие веревки. Вот Джек взял две веревки, завязал на конце каждой надежную петлю, и пока великаны отпирали железную дверь, накинуд им петли на шею, а концы веревок перебросил через балку и что было силы потянул вниз. Великаны задохнулись. Джек отпустил веревки, выхватил свой меч и пронзил обоих братьев. Потом взял ключи Бландебора и отпер ими все комнаты. В комнатах он нашел трех прекрасных девушек; они были привязаны друг к другу за волосы и умирали с голоду.

— Прекрасные леди! — сказал им Джек. — Я умертвил чудовище и его жестокого брата. Вы свободны!

Тут Джек вручил девушкам все ключи и пошел своей дорогой в Уэльс.

Джек спешил и шагал очень быстро, но заблудился. Ночь застала его в дороге, а жилья поблизости не было. Наконец Джек забрел в какую-то ложбину и увидел большой дом. Собрался с духом и постучал в ворота. И тут, к его изумлению, из дома вышел громадный великан о двух головах.

Однако он казался не таким свирепым, как другие великаны. Ведь это был уэльский великан, и людям он причинял зло исподтишка, прикидываясь их другом. Джек попросился переночевать, и великан отвел его в спальню. А посреди ночи Джек услышал, как его хозяин бормочет в соседней комнате:

Хоть лег ты на мою кровать,
С кровати той тебе не встать —
По ней дубье пойдет плясать!

— Так вот что ты задумал! — прошептал Джек. — Узнаю твои уэльские штучки! Но я тебя перехитрю!

Тут Джек вскочил с кровати, положил на нее бревно, а сам спрятался в углу. Поздно ночью уэльский великан вошел в комнату и принялся молотить тяжелой дубиной по кровати. Он был уверен, что перемолол Джеку все кости, но Джек наутро вышел из своего угла и, усмехаясь, поблагодарил хозяина за ночлег.

— Хорошо ли отдохнул? — спросил его великан. — Может, тебя что-нибудь беспокоило ночью?

— Да нет! — ответил Джек. — Вот только крыса какая-то раза два задела меня хвостом.

Подивился великан. Потом повел Джека завтракать и поставил перед ним пудовую миску мучного пудинга. Джеку не хотелось признаться, что ему столько не съесть. Вот он сунул себе под куртку большой кожаный мешок и, пока ел, незаметно перекладывал туда пудинг, а после завтрака сказал великану, что сейчас покажет ему чудо. Взял нож и распорол мешок — пудинг-то весь и вывалился!

— Черт побери! — вскричал великан. — Такое чудо и мы можем тебе показать!

Схватил нож, вспорол себе брюхо и тут же упал мертвым.

В это самое время единственный сын короля Артура попросил у отца кучу денег — хотел он попытать счастья в Уэльсе, где жила красавица, одержимая семью злыми духами. Король всячески отговаривал сына, но тщетно. Наконец пришлось ему уступить, и принц тронулся в путь с двумя конями — на одном сам ехал, а на другом выюк с деньгами вез.

Через несколько дней принц въехал в один уэльский город и увидел на площади большую толпу. Он спросил людей, зачем они собрались, и те ответили, что стерегут покойника, — не дают его хоронить, потому что он при жизни большие деньги им задолжал. Подивился принц жестокосердию заимодавцев и сказал:

— Ступайте похороните его, а заимодавцы пусть придут ко мне — я им все выплачу сполна.

Тут принца осадил столько людей, что к вечеру у него осталось всего два пенса.

В это время через город проходил Джек — Победитель Великанов. Щедрость принца пришлась ему по душе, и юноша попросился к нему на службу. Принц согласился

взять Джека, и наутро они тронулись в путь вместе. Когда они выезжали из города, принца окликнула какая-то старуха. Она сказала:

— Вот уже семь лет, как покойник взял у меня в долг два пенса. Прошу вас, заплатите мне, как платили другим!

Принц сунул руку в карман, вытащил последние свои деньги и отдал их женщине. У Джека еще оставалось несколько монет, но путники в тот же день истратили их на обед и оба оказались без гроша.

Перед самым заходом солнца королевский сын сказал:

— Где же нам ночевать, Джек? Ведь денег-то у нас нет.

На это Джек ответил:

— Ночлег найдется, господин мой! В двух милях отсюда живет мой дядя — огромный, страшный великан о трех головах. Ему нипочем сразиться с пятьюстами воинами в доспехах и разогнать их, как мух!

— Ну,— сказал принц,— тогда нам у него делать нечего! Великан проглотит нас одним махом. Да что там! Ведь мы с тобой в дупле его гнилого зуба уместимся!

— Пустяки! — возразил Джек. — Я пойду вперед и подготовлю тебе встречу. Оставайся здесь и жди, пока я не вернусь!

И Джек во весь опор поскакал дальше. Подъехал к воротам замка и застучал так громко, что стук его отдался эхом от всех окрестных холмов. А великан загремел в ответ громовым голосом:

— Кто там?

Джек молвил:

— Это я, твой бедный племянник Джек.

Великан спросил:

— Какие вести принес мой бедный племянник Джек?

— Видит бог, плохие, дорогой дядюшка! — ответил Джек.

— Но-но! — сказал великан. — Разве можно приносить мне плохие вести? Ведь я — Трехголовый великан. Я, как ты знаешь, выхожу сражаться против пятисот воинов в доспехах, и они разлетаются от меня во все стороны, как солома по ветру.

— Да, но сюда идет королевский сын с целой тысящей вооруженных воинов! — сказал Джек. — Они хотят убить тебя и уничтожить все твоё имущество!

— Вот как, племянник Джек! — молвил великан. — Ну, это и впрямь плохие вести! Я побегу спрячусь, а ты запри меня на замок, на засов и на задвижку да держи ключи при себе, пока принц не уберется отсюда.

Джек запер великана и поехал за принцем. В замке путники веселились всласть, а бедняга великан лежал и трясся в подземелье.

Наутро Джек спозаранку запасся золотом и серебром для своего господина и посоветовал ему уехать на три мили вперед — ведь за три мили великан не мог чують принца. Потом Джек вернулся и выпустил дядюшку из подземелья.

— Чем тебя наградить за то, что ты спас мой замок от разгрома? — спросил великан.

— Да что там! — ответил Джек. — Ничего мне не надо. Вот разве отдай мне свою поношенную куртку, шапку да еще старый ржавый меч и ночные туфли, что валяются у тебя под кроватью.

— Ты не знаешь чего просишь! — сказал великан. — Ведь это мои самые драгоценные сокровища. Стоит тебе надеть куртку, и ты станешь невидимкой. Шапка расскажет тебе обо всем, что ты захочешь узнать. Меч изрубит на куски все, что ты им ударишь. А туфли во мгновение ока унесут тебя куда пожелаешь. Но уж так и быть! Ты мне хорошо послужил. Дарю тебе от чистого сердца все, что просишь!

Джек поблагодарил дядюшку, забрал подарки и ушел.

Он быстро нагнал своего господина, и вскоре они подъехали к дому красавицы, которую искал принц. А она узнала, что принц явился просить ее руки, и угостила его на славу. После пиршества прекрасная леди объявила принцу, что хочет задать ему задачу. Она вытерла платком губы и сказала:

— Завтра утром вы должны показать мне этот самый платок. Иначе не сносить вам головы!

И она спрятала платок у себя на груди. Принц лег спать в большой тревоге. Но всеведущая шапка Джека рассказала им, как достать платок.

В полночь красавица вызвала своего приятеля-духа и велела ему отнести ее к Люциферу. А Джек надел куртку-невидимку и туфли-сороходы и примчался к сатане вслед за красавицей. Она вошла в сатанинскую обитель и сразу же отдала свой платок Люциферу, а тот положил его на

полку. Джек немедленно схватил платок и принес его своему господину. А утром принц показал платок прекрасной леди и тем спас свою жизнь.

В тот день леди поцеловала принца и сказала, что наутро он должен показать ей губы, которые она целовала прошлой ночью. Иначе не сносить ему головы!

— Хорошо, покажу! — ответил принц. — Только обещайте никого больше не целовать, кроме меня!

— Как бы там ни было, — молвила красавица, — если вы не выполните моего приказа, вас ждет смерть.

В полночь она снова отправилась к Люциферу и побранила его за то, что он не уберег ее платка.

— Ну, на этот раз, — сказала красавица, — я не дам пощады принцу! Вот поцелую тебя, а он пусть-ка покажет мне твои губы!

И поцеловала сатану. Но только она отошла, как Джек отрубил Люциферу голову, спрятал ее под курткой-невидимкой и отнес своему господину.

Утром принц поднял голову сатаны за рога и показал ее красавице. И сразу наваждение рассеялось; злой дух покинул прекрасную леди, и она предстала перед юношей во всей своей красе.

На другой день они обвенчались и вскоре уехали ко двору короля Артура. Там Джек за все свои великие подвиги был посвящен в рыцари Круглого стола.

Спустя некоторое время Джек снова отправился на поиски великанов. Не успел он далеко отъехать, как увидел пещеру. У входа в нее на деревянном чурбане сидел великан с узловатой чугунной палицей на боку. Вытаращенные глаза великана горели огнем, уродливое лицо его было свирепо, щеки походили на свиные окорока, а борода топорщилась словно железные прутья. Волосы падали на его могучие плечи как извивающиеся змеи, как шипящие гадюки.

Джек соскочил с коня, накинул куртку-невидимку и пошел к великану, бормоча про себя:

— Ага, вот ты где! Ну, ты и глазом не моргнешь, как я схвачу тебя за бороду!

Великан не видел Джека, — ведь тот был в куртке-невидимке. И вот Джек подкрался к чудовищу и ударил его мечом по голове, но промахнулся и вместо головы отрубил ему нос. Великан взревел, будто гром загремел, и в бешенстве принялся размахивать чугунной палицей. Но Джек

забежал сзади и вогнал ему свой меч в спину по самую рукоятку. Великан мертвый повалился на землю. Тут Джек отрубил ему голову и отослал ее вместе с головой другого великана — его брата — королю Артуру. Пришлось ему нанять возчика и взвалить головы на повозку.

Потом Джек решил зайти в пещеру великана, поискать там его сокровища. Долго он шагал по длинным ходам и переходам и, наконец, добрался до большой комнаты, мощеной нетесанным камнем. В глубине этой комнаты стоял кипящий котел, а справа от него громадный стол, — за этим столом великан всегда обедал. В соседнюю комнату выходило окно с железной решеткой. Джек заглянул в него и увидел огромную толпу несчастных пленников. Они заметили Джека и закричали:

— Ох, юноша, неужто и тебе придется погибать вместе с нами в этой страшной берлоге?

— Да, — ответил Джек. — Но скажите, почему вы под замком?

— Нас держат тут, пока великанам не захочется есть, — ответил один пленник, — а тогда самого толстого из нас режут. Кроме нас, великаны едят других убитых ими людей!

— Хорошо, нечего сказать! — отозвался Джек.

Он тут же отпер ворота и выпустил всех пленников на свободу. Они обрадовались, как радуются смертники, когда получают помилование.

Потом Джек обыскал сундуки великанов, поровну разделил золото и серебро между пленниками и, наконец, проводил их в соседний замок, где они пировали и веселились, празднуя свое освобождение.

Но вдруг, в самый разгар веселья, гонец принес весть, что двухголовый великан Тандерделл услышал о смерти своих родичей и прибыл из северных долин, чтобы отомстить Джеку; он сейчас уже всего в одной миле от замка, и все окрестные жители бегут от него кто куда. Но Джек ничуть не испугался.

— Попробуй он сюда сунуться, я ему все зубы пересчитаю! А вас, господа, прошу выйти в сад и посмотреть, как будет убит великан Тандерделл!

Замок стоял на островке, окруженном рвом глубиной в тридцать футов и шириной в двадцать. Ров был залит водой, и переходили через него по разводному мосту.

И вот Джек нанял людей, чтобы те обрубили мост с боков почти до самой середины. Потом надел куртку-невидимку и выступил против великана с острым мечом в руках. Великан не видел Джека, но учуял его по запаху и закричал:

Фи-фай-фо-фам!
Дух британца чую там!
Мертвый он или живой,—
Попадет на завтрак мой!

— Ах, вот как! — молвил Джек. — Ну и обжора же ты!

А великан снова закричал:

— Так это ты, негодяй, погубил моих родичей?! Вот я сейчас растерзаю тебя зубами, высосу из тебя кровь, а кости твои сотру в порошок!

— Сначала поймай меня! — ответил Джек и сбросил свою куртку-невидимку, чтобы великан его увидел.

Потом надел туфли-скороходы и побежал прочь. А великан погнался за ним, и чудилось, будто это какой-то замок сдвинулся с места и сама земля трясется под каждым его шагом.

Джек долго заставлял великана гоняться за ним — хотелось ему позабавить дам и кавалеров. Потом решил, что пора кончать игру, и легко взбежал на мост. Великан во весь дух мчался за ним с дубиной в руках. Но не успел он добраться до середины, как мост провалился под тяжелым грузом, и великан рухнул вниз головой прямо в воду и стал ворочаться и барахтаться в ней, словно кит. А Джек стоял возле рва и потешался над ним. Но как ни злился великан, слыша насмешки Джека, как ни метался в воде, не удалось ему выбраться из рва, чтобы рассчитаться с врагом.

Наконец Джек схватил вожжи, накинуд их великану на головы и с помощью упряжки лошадей вытащил его на берег, потом отрубил своим острым мечом обе головы и отослал их королю Артуру.

Некоторое время Джек провел в празднествах и развлечениях, а потом опять покинул прекрасных дам и рыцарей и отправился на поиски приключений. Через многие леса пробирался Джек, пока, наконец, не подошел к подножию высокой горы. И там, уже поздней ночью, увидел одинокий дом. Он постучал в дверь, и ему открыл старик, с волосами белыми как снег.

— Отец, — сказал ему Джек, — пусти переночевать! Я заблудился, и ночь застала меня в дороге.

— Входи, входи! — ответил старик. — Добро пожаловать в мою убогую хижину.

Джек вошел, они уселись рядом, и старик повел такую речь:

— Сын мой, я вижу по надписи на твоём поясе, что ты великий Победитель Великанов. Так слушай же, сын мой! На вершине этой горы стоит заколдованный замок. Им владеет великан Галлигантюа. С помощью одного старого колдуна великан заманивает к себе рыцарей и дам и волшебными чарами превращает их в разных тварей. Но особенно меня печалит судьба дочери герцога. Они схватили ее в отцовском саду и унесли по воздуху в горящей колеснице, запряженной огнедышащими драконами. В замке ее заперли и превратили в белую лань. Многие рыцари пытались рассеять волшебные чары и освободить девушку, да никому это не удалось — у ворот замка сидят два страшных грифона, и они уничтожают каждого, кто подойдет близко. Но ты, сын мой, пройдешь мимо них невидимо. А на воротах замка ты увидишь высеченную крупными буквами надпись. Она подскажет тебе, как рассеять колдовство.

Джек поблагодарил старика и обещал, что утром попытается освободить дочь герцога, хотя бы ему это стоило жизни.

Наутро Джек поднялся, надел куртку-невидимку, волшебную шапку, туфли-сорокоходы и приготовился к битве.

Едва он поднялся на вершину горы, как тотчас увидел огнедышащих грифонов. Но он без страха прошел мимо них — ведь он был в куртке-невидимке. На воротах замка на серебряной цепи висела золотая труба, а под ней были высечены слова:

Кто в золоту трубу подует,
Тот страшный замок расколдует;
Свирепый великан умрет,
И к людям счастье вновь придет.

Как только Джек прочел эти строки, он задул в трубу, и огромный замок затрясся до самого основания, а великана и колдуна охватило великое смятение. Они принялись кусать локти и рвать на себе волосы, чуя, что скоро придет конец их злой власти!

Вдруг великан нагнулся за своей палицей, но тут Джек одним ударом снес ему голову, а колдун поднялся в воздух, и вихрь унес его прочь.

Злые чары рассеялись. Все, что были превращены в птиц и зверей, снова стали людьми, а замок исчез в клубах дыма.

Джек, как всегда, отправил голову великана Галлигантюа ко двору короля Артура, а на другой день и сам отправился туда вместе с рыцарями и дамами, которых освободил.

В награду за верную службу король уговорил герцога отдать дочь за честного Джека.

Они обвенчались, и все королевство веселилось на их свадьбе. А потом король подарил Джеку великолепный замок с богатыми угодьями, и Джек прожил там с женой остаток дней своих в любви и согласии.

ОСЕЛ, СТОЛИК И ДУБИНКА

Плохо жилось бедному Джеку. Родной отец и тот его обижал. И вот решил Джек убежать из дому и пойти искать счастья по белу свету.

Бежал он, бежал, совсем из сил выбился, как вдруг наскочил на маленькую старушку, что собирала хворост. Джек так запыхался, что даже не попросил у старушки извинения. Но старушка была добрая; она сказала, что Джек, по всему видно, славный малый, и если он пойдет к ней в работники, она ему хорошо заплатит. Джек согласился, потому что уже порядком проголодался.

Старушка привела Джека в свой домик, что стоял в лесу, и Джек прослужил ей двенадцать месяцев и один день. Когда год прошел, старушка позвала Джека к себе и сказала, что приготовила ему хорошую награду. Потом вывела из стойла осла и приказала Джеку потянуть его за уши. Осел заревел: «И-а-и-а-и-а!», и тут изо рта у него посыпались серебряные шестипенсовики, полукроны и даже золотые гинеи.

Парню пришла по душе такая плата. Сел он на осла и поехал. Добрался до постоянного двора и заказал себе все самое лучшее, но хозяин потребовал деньги вперед. Тогда Джек отправился на конюшню, потаскал своего осла за уши и набил карманы деньгами. Да на беду в двери была щель, и хозяин все увидел, а когда настала ночь, подменил Джекова драгоценного осла своим обыкновенным ослом. Джек ничего не заметил и утром отправился домой.

Теперь нужно вам сказать, что по соседству с домом Джека жила бедная вдова, у которой была одна-един-

ственная дочка. Девушка дружила с Джеком, и они даже влюбились друг в друга. Вот Джек и попросил отца позволить ему жениться на ней, но тот ответил:

— Не позволю, пока у тебя не будет денег, чтобы прокормить жену!

— Деньги у меня есть, отец! — сказал Джек.

Пошел к ослу и принялся тянуть его за длинные уши. Тянул-тянул, чуть уши ему не оторвал, но ни гинеи, ни даже полукроны не получил. Осел только ревел: «И-а-и-а-и-а!», а денег не выплевывал. Тут отец схватил деревянные вилы и вытолкал сына из дома. Джек бросился бежать со всех ног и все бежал и бежал, пока не влетел в какой-то дом. А была это столярная мастерская.

— Ты, как видно, славный малый! — сказал Джеку столяр. — Послужи-ка мне двенадцать месяцев и один день, и я хорошо тебе заплачу.

Джек согласился и прослужил у столяра год и один день.

— Ну, вот тебе твоё жалованье, — сказал хозяин и подал Джеку столик. — Крикни: «Столик, накройся» — и на нем тотчас появятся всевозможные кушанья и напитки.

Джек взвалил столик себе на спину и пошел куда глаза глядят. Шел-шел, пока не добрался до того постоянного двора, где ночевал раньше.

— Эй, хозяин! — закричал он. — Обед мне! Да поживей и повкусней!

— Простите, но у нас нет ничего, кроме ветчины и яиц!

— Это мне-то ветчину и яйца?! — воскликнул Джек. — Коли так, я и без вас обойдусь. А ну-ка, столик, накройся!

И в тот же миг на столике появились разные колбасы, индейка, жареная баранина, картофель, зелень. Хозяин постоянного двора только глаза выпучил от удивления, но ни словечка не проронил. Когда же настала ночь, он притащил с чердака свой столик, а столик Джека взял себе. Столики с виду были почти одинаковые, и наутро Джек опять ничего не заметил. Взвалил никудышный столик на спину и понес домой.

— Ну, отец, теперь можно мне жениться на своей милой? — спросил он отца.

— И не думай, если не сможешь ее прокормить! — ответил отец.

— Послушай, отец! — воскликнул Джек. — У меня

есть волшебный столик. Крикну ему: «Столик накройся!» — и на нем мигом появится все, чего я хочу.

— Так покажи мне его! — сказал старик.

Джек поставил свой столик посреди комнаты и приказал ему «накрыться», но ничего на нем не появилось. Отец рассердился, схватил с полки жаровню и так огрел ею сына по спине, что тот взвыл от боли и бросился вон из дому.

Бедный Джек бежал сломя голову, пока не добежал до речки и не свалился в воду. Но какой-то человек вытащил его и попросил помочь ему построить мост через эту речку. А как вы думаете, он строил мост? Да просто-напросто перекинул дерево с берега на берег.

Вот Джек забрался на верхушку дерева и всей своей тяжестью навалился на него, а когда человек подрыл корни, Джек вместе с деревом повалился на другой берег.

— Спасибо! — сказал человек. — Сейчас тебе заплачу за услугу.

Он отломил от дерева ветку и обстругал ее ножом.

— Вот, получай эту дубинку! — воскликнул он. — Скажи ей только: «Бей его, дубинка» — и она свалит с ног любого, кто тебе досадит.

Джек очень обрадовался такой дубинке и пошел прямо на постоялый двор, а как только появился хозяин, закричал:

— Бей его, дубинка!

Не успел он это крикнуть, как дубинка вырвалась у него из рук и принялась колотить хозяина и по спине, и по голове, и по рукам, и по бокам, пока тот со стоном не рухнул на пол. А дубинка все не унималась — Джек остановил ее только тогда, когда хозяин вернул осла и столик.

И вот поехал Джек домой на осле, со столиком на плечах и с дубинкой в руке. А когда приехал, оказалось, что отец его умер. Отвел Джек ослика в стойло и таскал его за уши, пока ослиная кормушка не наполнилась деньгами.

Вскоре разнеслась по городу весть, что Джек вернулся домой, а денег у него куры не клюют. Тут все местные девицы принялись за ним охотиться.

— Вот что, — объявил им Джек, — я женюсь на самой

богатой девушке в округе. Приходите завтра все к моему дому да прихватите в передниках свои деньги.

Наутро вся улица была полным-полна девушек и каждая с трудом поддерживала свой передник с золотыми да серебряными деньгами. Джекова красотка тоже пришла, но у нее не было ни золота, ни серебра, только два медных пенса — все ее богатство.

— Отойди-ка в сторонку, милая! — строго сказал ей Джек. — У тебя ведь нет ни золота, ни серебра, тебе здесь не место.

Девушка отошла. И тут из глаз ее градом покатились слезы, упали в передник и превратились в алмазы.

— Ну,— промолвил Джек,— ты, выходит, богаче прочих, так на тебе я и женюсь!

А остальным девицам пришлось уйти ни с чем.

ИСТОЧНИК НА КРАЮ СВЕТА

В доброе старое время, — а оно и в самом деле было доброе время, хотя было то не мое время и не ваше время, да и ничье время — жила на свете девушка. Мать у нее умерла, и отец женился на другой. Мачеха возненавидела падчерицу за то, что девушка была красивей, чем она, держала ее в черном теле, заставляла выполнять всю черную работу по дому и ни на миг не оставляла в покое. Наконец она решила и совсем от нее избавиться. Подала девушке решето и сказала:

— Ступай, набери в это решето воды из источника, что на краю света. Да принеси решето полнехоньким, а не то плохо тебе придется!

Мачеха думала, что девушке ни за что не найти источника на краю света, а если и найдет, так разве донесет она воду в решете?

И вот девушка отправилась в путь и каждого встречного спрашивала, где тот источник, что на краю света? Но никто этого не знал, и она все думала да гадала, как ей быть.

Наконец какая-то диковинная старушка, что плелась согнувшись в три погибели, показала ей дорогу на край света и объяснила, как туда добраться.

Девушка послушалась старушки и дошла-таки до источника на краю света. Но только она зачерпнула решето студеной-престуденой воды, как вся вода вытекла. Девушка опять набрала воды в решето, и еще много раз набирала, но вода всякий раз выливалась, так что под

конец бедняжка села на землю и залилась горячими слезами.

И вдруг она услышала кваканье. Подняла голову и увидела большую лягушку. Лягушка уставилась на девушку, выпучив глаза, и спросила:

— Что случилось, милая?

— Ах, я бедная, бедная! — сказала девушка. — Мачеха заслала меня в этукую даль и велела набрать в решето воды из источника на краю света, а я не могу.

— Вот что, — сказала лягушка, — обещай исполнять все мои приказания целую ночь — с вечера и до утра, и я научу тебя, как набрать воды в решето.

Девушка согласилась, и лягушка сказала:

Глиной обмажь его, выложи мхом,
И принесешь в нем воду в свой дом.

А потом — прыг-скок — ускакала и плюхнулась прямо в источник на краю света.

Девушка нарвала мха, выстлала им дно решета, обмазала все решето глиной и опустила его в источник на краю света. На этот раз вода не убежала из решета, и девушка хотела уж идти домой, как вдруг лягушка высунула голову из источника на краю света и проквакала:

— Так помни что обещала!

— Хорошо, — ответила девушка.

А сама подумала: «Что плохого может мне сделать какая-то лягушка!»

Вот вернулась она к мачехе с решетом полным воды из источника на краю света. Мачеха чуть не лопнула от злости, но ни слова не сказала.

В тот же вечер девушка услышала тихий стук в дверь у самого пола — тук-тук-тук и чей-то голос:

Дверь мне открой, о прелесть моя,
Дверь мне открой, дорогая!
Вспомни, дружок, что говорили мы
На краю света, возле источника!

— Что это значит?! — вскричала мачеха, и девушке пришлось рассказать ей обо всем, что с ней было, и о том, какое обещание она дала лягушке.

— Девушки должны выполнять свои обещания! — сказала мачеха. — Ступай сейчас же открой дверь!

Она была рада-радешенька, что падчерице придется повиноваться какой-то мерзкой лягушке.

Девушка встала, открыла дверь, видит — за дверью лягушка из источника на краю света. Прыг-прыг, скок-скок — и вот лягушка подскочила к девушке и проговорила:

Возьми на колени, прелесть моя,
Возьми меня, дорогая!
Вспомни, скорее, что говорили мы
На краю света, возле источника!

Не хотелось девушке сажать к себе на колени лягушку, но мачеха приказала:

— Сейчас же возьми ее, дерзкая девчонка! Девушки должны выполнять свои обещания!

Пришлось девушке посадить лягушку к себе на колени. А та посидела-посидела, да и попросила:

Дай мне поесть, о прелесть моя,
Дай мне поесть, дорогая!
Вспомни скорее, что говорили мы
На краю света, возле источника!

Эту просьбу девушка выполнила охотно — принесла хлеба, кувшин молока и досыта накормила лягушку. А лягушка наелась и говорит:

Ляг со мной спать, о прелесть моя,
Ляг со мной спать, дорогая!
Вспомни, дружок, что говорила ты,
Когда устала так возле источника!

Тут уж девушка возмутилась. Но мачеха сказала сердито:

— Давши слово — держись! Девушки должны выполнять свои обещания! Делай что велят или убирайся отсюда вместе со своей лягушонкой!

И вот девушка взяла лягушку с собой в постель, но положила ее как можно дальше от себя. А когда занялся день, лягушка сказала ей:

Руби мне голову, прелесть моя!
Руби скорей, дорогая!
Вспомни, дружок, что обещала ты
Там, на лужайке возле источника!

Девушка сначала отказалась — ведь она помнила, как помогла ей лягушка у источника на краю света. Но лягушка повторила свою просьбу. Тогда девушка пошла за топором и отрубила ей голову. И вдруг — о чудо! — перед ней предстал молодой прекрасный принц. Он поведал девушке о том, как злой волшебник заколдовал его, и добавил:

— Расколдовать меня могла только та девушка, что согласилась бы исполнять все мои приказания целую ночь — с вечера и до утра, а утром отрубила бы мне голову.

Ну и удивилась мачеха, увидев вместо мерзкой лягушки молодого принца! И уж поверьте мне, не по душе ей пришлось, когда принц сказал, что хочет жениться на ее падчерице за то, что она освободила его от злых чар.

Но они все равно обвенчались и поселились в замке.

А мачехе осталось утешаться тем, что, не будь ее, падчерица никогда бы не вышла замуж за принца.

ДОВОЙ ИЗ ХИЛТОНА

Давным-давно жил в Хилтон-Холле один бра́уни, то есть довой, — самый проказливый из всех довых на свете. По ночам, когда слуги расходились спать, он все переворачивал вверх дном. Сахар насыпал в солонки, в пиво бросал перец, опрокидывал стулья, столы ставил ножками вверх, выгребал горячие угли из каминов — словом, пакостил, как мог. Но порой он приходил в хорошее расположение духа, и вот тут-то!..

— Пойдите, а кто это — довой? — спросите вы.

Довой, он вроде нечистого духа, только не такой коварный, как черт... Да неужто вы не знаете, что такое «нечистый дух» и «черт»? О господи! Чего только не творится на белом свете! Так знайте же, довой — это смешное крохотное существо, получеловек, полуэльф, весь волосатый и с острыми ушками.

На чем же я остановился? Ах да, я начал рассказывать, как довой из Хилтон-Холла вытворял бог знает что. Но если служанки оставляли ему миску сливок или медовую лепешку, довой в благодарность убирал за них со стола и приводил в порядок всю кухню.

Вот как-то поздно ночью служанки долго не ложились спать и вдруг услышали шум в кухне. Заглянули туда, видят — довой раскачивается на цепочке вертела и приговаривает:

О, горе мне! горе!
Не упал с ветки желудь,
Что станет дубочком,
Что пойдет на люльку,

Где заснет ребенок,
Что станет мужчиной,
Что меня уволит!
О, горе мне! горе!

Служанки сжалились над беднягой и спросили птичницу, как им «уволить» брауни, то есть сделать так, чтобы он смог уйти из этого дома.

— Проще простого, — ответила птичница. — Подарите домовому за труды что-нибудь добротное, прочное, и он тут же исчезнет.

Вот сшили служанки из лучшего зеленого сукна плащ с капюшоном и положили его у камина, а сами стали ждать, что будет. И вдруг смотрят: подошел домовый к камину, увидел плащ с капюшоном, надел его на себя да как примется скакать по комнате на одной ножке. Сам скачет, сам приговаривает:

Плащ с капюшоном я беру,
И он отныне будет мой.
Теперь не станет помогать вам
Хилтонский домовый!

Сказал это домовый и пропал. И больше его никогда не видели.

ВОЛШЕБНЫЙ РОГ

В давние времена жил в Англии один рыцарь. На щите у него был изображен страшный крылатый дракон, но, как вы сейчас сами увидите, это ему не помогло.

Однажды рыцарь охотился вдали от Глостера и заехал в лес, где водилось много кабанов, оленей и других диких зверей. В лесу посреди поляны стоял холмик, очень невысокий, в рост человека. На нем всегда отдыхали рыцари и охотники, когда их, бывало, измучает жара или жажда.

Но место это было не простое, а волшебное. Подняться на холм можно было только в одиночку, без спутников.

Когда рыцарь ехал по лесу и был уже недалеко от чудесного холма, ему повстречался дровосек. И рыцарь принялся его расспрашивать про этот холм.

— Поднимись на холм в одиночку, — посоветовал рыцарю дровосек, — и скажи, будто говоришь кому-то: «Хочу пить!» И тотчас пред тобой предстанет виночерпий со светлым ликом и в богатой темно-красной одежде. Он протянет тебе большой рог, украшенный золотом и самоцветами, — как в древности украшали рога наши предки. Рог будет до краев полон неведомым душистым напитком. Пригубь его, и сразу же покинут тебя жажда и усталость и, если ты выбился из сил, силы вернутся к тебе. А когда ты осушишь рог до дна, виночерпий протянет тебе полотенце отереть рот и, не дожидаясь ни вопросов, ни благодарности, исчезнет.

Рыцарь с крылатым драконом на щите только посмеялся рассказу дровосека.

«Неужто найдется такой глупец, — подумал он, — что, однажды увидев столь прекрасный рог, не попытается им завладеть!»

В тот же день рыцарь возвращался с охоты усталый; его мучили жара и жажда, и он вспомнил про чудесный холм и волшебный рог. Он отослал своих спутников и, как научил его дровосек, один поднялся на холм и громко сказал:

— Хочу пить!

И тотчас — как и предсказывал дровосек — появился виночерпий в темно-красной одежде и протянул ему большой рог, усыпанный драгоценными камнями.

Алчность обуяла рыцаря, когда он увидел это сокровище. Он схватил рог и только пригубил, как в жилах его запылала кровь и он решил похитить рог.

И вот он выпил весь напиток до капли, но вместо того чтобы вернуть рог виночерпию, как подобало благородному рыцарю, ринулся вниз с холма и бросился бежать.

Теперь послушайте, какая судьба постигла этого рыцаря, что носил на своем щите крылатого дракона, но потерял свою рыцарскую честь и украл волшебный рог!

В те времена сам граф Глостерский не раз поднимался на чудесный холм, чтобы утолить жажду из волшебного рога и отдохнуть. И вот он узнал, что бесчестный рыцарь нарушил этот добрый обычай. Граф напал на похитителя в его же замке и убил его в честном бою, а волшебный рог забрал. Но — увы! — граф не вернул сокровища волшебнику-виночерпию, а отдал его своему гусударю и повелителю королю Генриху Старшему.

И с тех пор, хоть весь день стойте на волшебном холме и повторяйте: «Хочу пить!», — вам уж не посчастливится пить из волшебного рога.

СОРОЧЬЕ ГНЕЗДО

Давным-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки кричали: «Кряк-кряк-кряк!», —

со всего света слетелись к сороке птицы и попросили ее научить их вить гнезда. Ведь сорока — лучшая мастерица этого дела! Вот собрала она всех птиц вокруг себя и начала показывать им, как и что делать. Сначала взяла немножко грязи и слепила из нее что-то вроде круглой лепешки.

— Ах, вот как это делается!.. — сказал серый дрозд и полетел прочь.

С тех пор серые дрозды так и вяют себе гнезда.

Потом сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепешки.

— Теперь я все понял, — сказал черный дрозд и полетел прочь.

Так черные дрозды и поныне вяют себе гнезда.

Потом сорока положила на веточки слой грязи.

— Все ясно, — сказала мудрая сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить гнездо как следует.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Потому воробьи и до нынешнего дня вьют себе гнезда как попало.

Ну, а сорока-белобока раздобыла перышек и тряпочек и выложила ими все гнездышко, так что оно стало уютным-преуютным.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле у скворцов очень уютные гнезда.

И так каждая птица — послушает немножко, не дослушает до конца и улетит.

А тем временем сорока-белобока все работала и работала, ни на кого не глядя. И вот осталась при ней одна-единственная птичка — горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и внимания не обращала на работу сороки, только без толку твердила:

— Мало двух, белобока, мало дву-у-ух...

Сорока, наконец, услышала ее слова — как раз когда укладывала веточку поперек гнезда — и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица все твердила:

— Мало двух, белобока, мало дву-у-ух...

Тут сорока рассердилась и воскликнула:

— Хватит и одной, говорю тебе!

А горлица опять свое:

— Мало двух, белобока, мало дву-у-ух!

Тут сорока огляделась по сторонам, видит — все птицы разлетелись кто куда, одна только глупая горлица осталась. Рассердилась сорока и улетела, и с тех пор закаялась показывать птицам, как вить гнезда.

Потому-то разные птицы и вьют себе гнезда по-разному.

ПИТЕР-ПРОСТАЧОК

Жил в одной деревне парень. Жил он вместе с матерью, старухой вдовой, а звали его Питер. Был он малый добрый, статный, сильный, но слишком уж простоватый. Материнских кур и то едва умел пересчитать, а их и всего-то было два десятка. Если он что-нибудь покупал, хоть на три пенса, то никак не мог сообразить, сколько ему полагается сдачи с шиллинга. А когда ходил на базар, ни разу не обошлось без того, чтобы его не надули. Нельзя сказать, что он был лентяй, просто бедняге Питеру ума не хватало.

— Эх, мама,— говаривал Питер,— будь я хоть чуточку поумней, я бы не был для тебя такой обузой!

— Да, Питер,— отвечала мать со вздохом,— что и говорить, умом тебя бог обидел, но малый ты хороший, да и силенок у тебя на двоих хватит, так что не печалься. Лучше сбегай наверх и принеси мне три пуговицы — надо мне их к твоей куртке пришить. Да помни хорошенько — три принеси. Не две и не четыре, а три!

Но все равно Питер мучился, что он такой глупый, и то и дело приставал к матери, сетуя на свою глупость, пока, наконец, мать не сказала ему:

— Ну, если тебе так уж хочется поумнеть, ступай к мудрой старухе вещунье, что живет на холме. У нее, говорят, ума палата и всякие волшебные книги есть, и порошки, и снадобья. Может, она и тебе ума прибавит.

Вот Питер кончил свою работу и тронулся в путь. Взобрался на вершину холма и увидел хижину вещуньи. Из трубы валил дым, а на пороге спал черный кот.

«Хорошая примета», — подумал Питер и постучал в дверь.

Никто не ответил. Тогда он осторожно приподнял щекотку и заглянул в комнату. Спиной к нему у огня сидела старуха и что-то помешивала в черном чугушке. Она не обернулась и ни слова не вымолвила, но Питер все-таки вошел и сказал:

— Добрый день, бабушка! Хороша погодка нынче, а?

Старуха не ответила; только все что-то помешивала в чугушке.

— Завтра, может, дождичек пойдет, — продолжал Питер.

Старуха опять ничего не ответила.

— А может, не пойдет, — добавил он, не зная, что еще сказать.

Но старуха, ни слова не говоря, все мешала и мешала в чугушке.

— Ну, насчет погоды я все сказал, — проговорил Питер. — Теперь можно и о деле. Я, видите ли, малость простоват, вот и пришел к вам. Может, вы мне чуточку прибавите ума, потому что...

— Ума? — переспросила старуха. Она отложила ложку и в первый раз взглянула на Питера. — Что ж, изволь! Только вот какой ум тебе надобен? Если королевский ум, или солдатский, или учительский, тут я помочь не могу. Ну, говори, какой тебе ум нужен?

— Обыкновенный, — ответил Питер. — Не маленький, не большой, а как у всех соседей.

— Хорошо, — сказала вещунья. — Будет у тебя такой ум, только сначала принеси мне сердце того, кого ты любишь больше всего на свете. Понял? А когда принесешь, я загадаю тебе загадку, чтоб узнать, то ли ты принес, что я велела. Ну, теперь ступай!

И, не дожидаясь ответа, она сняла с огня чугунок и унесла его в каморку за кухней, так что Питеру только и оставалось, что уйти.

Стал он спускаться с холма и все думал да раздумывал о словах мудрой вещуньи.

«Сердце того, кого я люблю больше всех на свете... — повторял он про себя. — Об чем это она?»

Не часто приходилось Питеру так ломать себе голову.

Вот вернулся он домой и повторил матери слова старухи. Мать подумала-подумала и говорит:

— По-моему, ты больше всего на свете любишь жирную ветчину. Давай зарежем старую свинью, а сердце ее ты отнесешь вещунье.

Зарезали старую свинью, вынули у нее сердце, и на другой вечер Питер понес его в хижину на холме.

Вещунья сидела в кресле у огня и читала огромную книгу. Она не подняла головы, а Питер положил свиное сердце на стол и сказал:

— Вот, я принес сердце того, кого люблю больше всего на свете. Годится?

Старуха оторвалась от книги.

— Без ног, а бежит — что такое? — спросила она. — Ну-ка ответь!

— Без ног, а бежит? — переспросил Питер, почесал затылок и стал думать.

Думал-думал, даже голова заболела. А старуха опять принялась за книгу. Наконец Питер вымолвил:

— Вот что я скажу. Не знаю я, и все тут!

— Ну, выходит, ты принес не то, что я велела, — сказала старуха. — Забирай, что принес, и уходи.

Бедный Питер взял свиное сердце и повернул домой.

Вот подошел он к своему домику, видит — у дверей толпа собралась, женщины плачут. Питеру сказали, что мать его занемогла и сейчас лежит при смерти. Он вошел в дом и закрыл за собой дверь.

Старуха уже совсем ослабела, и Питер понял, что теперь ей ничем не поможешь. Стал на колени у кровати и взял руку матери.

— Простись со мной, сыночек, — зашептала мать. — Скоро я тебя покину. Но ты ведь уже побывал у вещуньи и, должно быть, поумнел немножко, так что теперь сможешь сам о себе заботиться.

У Питера не хватило духу сказать матери, что ничуть он не поумнел — даже загадку вещуньи разгадать не смог. Он только поцеловал мать и сказал ей:

— Все равно, мама, я буду горько тосковать по тебе. Прощай, мама, милая! Прощай.

— Прощай, сынок, — сказала старуха. Улыбнулась Питеру, закрыла глаза и умерла.

Долго стоял Питер на коленях у ее постели и все плакал и плакал, никак успокоиться не мог. И тут он вспомнил, как мать о нем заботилась, как ухаживала за ним, когда он был маленьким, как лечила его ссадины и

ушибы, как чинила ему одежду, кормила его и разговаривала с ним по вечерам.

«Как же мне теперё жить без нее? — думал он. — Ведь я любил ее больше всего на свете».

И тут он вспомнил слова вещуньи. «Принеси мне, — сказала она, — сердце того, кого ты любишь больше всего на свете».

— Нет, ни за что, ни за какой ум! — воскликнул Питер.

Но на другое утро он сообразил, что можно и не вынимать сердце у матери, а просто отнести ее на холм к вещунье. Ведь как раз теперь ему особенно недоставало умной головы на плечах.

И вот положил Питер свою мать в мешок и отнес ее на холм. Не тяжелая оказалась ноша — покойница была маленькая, щупленькая, а у Питера силы хватало на двоих. Внес он мать в хижину к вещунье и сказал:

— Ну, теперь я вам принес то, что мне дороже всего на свете. Вот моя покойная родная мать. Так что прибавьте мне ума, как обещали.

— А ты вот что скажи мне, — промолвила мудрая вещунья. — Что такое — желтое, сияет, а не золотое?

— Желтое, сияет, а не золотое?.. — повторил Питер опешив. — Это... это...

Но, хоть убей, не мог придумать ответа и, наконец, сказал:

— Не знаю.

— Ну так и нынче не поумнеешь! Да ты, я вижу, и вгрянь простачок. Должно быть, так никогда и не наберешься ума.

Питер взвалил на спину мешок с матерью и вышел. Но домой ему возвращаться не хотелось — очень уж тяжело было у него на душе. Сел он у дороги и горько заплакал.

Вдруг кто-то окликнул его нежным голосом. Он посмотрел, видит — стоит хорошенькая девушка и с ласковой улыбкой глядит на него.

— Что с тобой? — спросила она. — Такой здоровый детина, а плачешь!

— Я простачок, — ответил Питер, — ума в голове не хватает. А тут еще горе навалилось — мать моя умерла, оставила меня одного-одинешенька. Как же мне теперь жить-то — ума не приложу! Кто будет меня кормить, и одежду мне шить, и на базар ходить? А горше всего, что

некому теперь поговорить со мной да утешить меня в беде.

— Я тебе помогу, — сказала Дженни — так звали девушку. — За таким простачком, как ты, присматривать нужно. Хочешь, я пойду с тобой и буду о тебе заботиться?

— Ну что ж, пожалуй, если тебе так хочется, — ответил Питер. — Только ты сама скоро увидишь, что я дуралей, каких мало, да таким и останусь, если не удастся как-нибудь ума себе нажить.

— Это ничего! — сказала Дженни. — Как говорится: чем глупее жених, тем покладистей муженек. Хочешь взять меня в жены?

— А стряпать ты умеешь? — спросил Питер.

— Конечно! — ответила Дженни.

— А шить и штопать?

— Ну еще бы!

— А считать яйца? А складывать фунты, шиллинги и пенсы?

— Умею, все умею!

— Что ж, если ты согласна выйти за меня, — сказал Питер, — я на тебе женюсь.

И они пошли в деревню вместе.

Вот схоронили мать Питера; поплакала по ней деревня, а потом Питер и Дженни обвенчались и зажили вместе в его домике.

Как ни прост был Питер, а вскоре уразумел, что жена ему досталась на славу. Она стряпала и шила, чинила и мыла, да все так весело и охотно, а главное — умела позабавить Питера и шуткой и лаской.

Правда, и Питер оказался неплохим мужем. Он тоже работал весело и хорошо. Лишь бы думать не приходилось, а то все ему было нипочем — и тяжелые ноши и длинные дороги. Короче говоря, молодые чувствовали себя самыми счастливыми и довольными во всей деревне.

— Знаешь что, Дженни! — сказал как-то вечером Питер. — Я понял, что тебя я люблю больше всего на свете. И тут его словно осенило.

— Слушай, — продолжал он, — неужто вещунья хотела, чтобы я тебя убил и твое сердце ей принес? Как ты думаешь, Дженни, неужто она это самое и думала?

— Вряд ли, — ответила ему жена. — Конечно, нет! Да она и не говорила, чтобы ты кого-нибудь убивал... А что

если тебе отвести меня к ней живую, как я есть, с сердцем и всем прочим?

— Здорово придумала! — обрадовался Питер. — И как это я сам не сообразил? Ладно, пойдем вместе. Но, постой, сначала посмотрим, умеешь ты разгадывать загадки или нет. Ну-ка скажи, что такое — без ног, а бежит?

— Река, — ответила Дженни. — Нетрудно догадаться!

— Река? — повторил простачок. — Так оно и есть! И как это я сам не догадался? Ну, теперь вот что ты скажи: что такое — желтое, сияет, а не золотое?

— Солнце! — ответила Дженни, недолго думая. — Да я и пятилетней девчонкой разгадала бы эту загадку!

— Солнце? — переспросил Питер удивленно. — А ведь правда — и сияет, и желтое, но не золотое. Что за голова у тебя, Дженни! Во всей Англии не найдется жены умнее тебя. Идем скорей, может, старуха немножко прибавит мне ума, чтобы я твоим ровней стал.

И вот поднялись они вместе на холм и застали вещунью дома.

— Бабушка, — сказал Питер, — наконец-то я привел вам ту, кого люблю больше всего на свете. Вот она сама, и сердце ее, и все прочее. И уж если вы и теперь мне ума не прибавите, значит вы не мудрая вещунья, а просто плутовка и обманщица!

— Садитесь оба! — приказала старуха.

Молодые сели, а вещунья повернулась к Питеру и сказала:

— Слушай мою загадку и попробуй ее разгадать. Кто родился без ног, отрастил две, а потом четыре?

Бедняга Питер думал-думал, ничего не придумал. Тут Дженни шепнула ему на ухо:

— Головастик! Ответь — головастик.

— Головастик! — выпалил Питер.

— Верно, — сказала старуха. — Ну, я вижу, что теперь ума у тебя хватает, и ум тот весь у твоей жены в голове. Когда жена умная, мужу много ума не надобно. Иди себе с богом и больше ко мне не приставай.

Питер и Дженни встали, поблагодарили старуху и отправились восвояси.

Когда они спускались с холма, Дженни тихонько напевала, а Питер молчал и только затылок почесывал.

— О чем ты думаешь? — ласково спросила Дженни.

Питер перестал скрести затылок, но ничего не ответил. Наконец повернулся к жене и сказал:

— Думаю я о том, как я горжусь, что у меня такая на редкость умная женушка. Ведь ты сумела ответить вещунье как надо. А я все-таки никак не могу понять, почему тот, кто родился без ног, потом отрастил две, потом четыре, называется головастиком? Все думаю да гадаю, а понять никак не могу. Не могу, и все тут!

ЧЕРНЫЙ БЫК НОРРОУЭЙСКИЙ

Жил некогда король, и было у него три дочери. Старшие дочки были очень некрасивые и к тому же гордячки, а младшая — такая красавица, такая кроткая, что не только родители, но и все люди в стране не могли на нее нарадоваться.

И вот раз вечером сидели все три принцессы вместе и говорили о том, за кого им хотелось бы выйти замуж.

— Я бы пошла только за короля, — молвила старшая принцесса.

Средняя принцесса сказала, что выйдет замуж только за принца или герцога.

— Ишь какие вы гордячки! — рассмеялась младшая. — А я бы согласилась пойти хоть за Черного Быка Норроуэйского!

И больше принцессы об этом не говорили. А на другое утро, только они сели завтракать, как за дверью раздался страшный рев — это Черный Бык Норроуэйский явился за своей невестой. Ну и перепугались все во дворце! Ведь Черный Бык был страшилище из страшилищ.

Король с королевой не знали, как спасти дочь. Наконец они решили подменить невесту и вывели к чудовищу старуху птичницу. Посадили ее быку на спину, и тот умчался с ней прочь.

Вот бык прибежал в дремучий лес, сбросил свою ношу на землю и увидел, что невесту подменили. Тогда он помчался обратно и ворвался во дворец с громким и свирепым ревом. На этот раз король с королевой вывели к нему служанку, но им опять не удалось его обмануть.

Одну за другой отдали они быку всех служанок, а потом и двух старших дочерей, но и с ними бык обошелся не лучше, чем со старухой птичницей. Волей-неволей пришлось королю и королеве отдать ему свою младшую, любимую дочь.

Далеко унес ее Черный Бык. Мчался он дремучими лесами и безлюдными пустошами, пока не прибежал, наконец, к богатому замку, где в это время собралось много гостей. Владелец замка удивился, когда увидел на спине у страшного быка прелестную принцессу, однако пустил их в замок. Немного погодя принцесса заметила в шкуре Черного Быка булавку и вытащила ее. И вдруг дикий зверь превратился в прекрасного принца!

Велика была радость принцессы, когда принц упал к ее ногам и стал благодарить ее за то, что она рассеяла злые чары и расколдовала его; да и все в замке ликовали и веселились. Но — увы! — в самый разгар веселья принц исчез. Обыскивали все углы и закоулки, но так его и не нашли.

Только что принцесса себя не помнила от счастья, а теперь сердце у нее разрывалось от горя. И вот она решила обойти хоть весь свет, но найти принца.

Много путей и дорог исходила она, но долго, очень долго ничего не слышала о своем любимом.

И вот как-то брела она темным лесом и заблудилась. Спустилась ночь, и принцесса решила, что пришла ее смерть: или в лесу замерзнет, или с голоду умрет. Но вдруг она заметила между деревьями огонек. Пошла на этот огонек и увидела маленькую хижину. В хижине жила старенькая старушка. Старушка пригласила ее зайти, покормила и оставила ночевать.

Наутро старушка дала девушке три ореха и молвила:

— Не разбивай их, пока тебе самой горе чуть не разобьет сердце!

Потом показала принцессе дорогу и пожелала ей удачи.

И вот опять принцесса отправилась в путь. Вскоре мимо нее проехало несколько кавалеров и дам, и все они весело болтали о том, как будут праздновать свадьбу герцога Норроуэйского. Потом девушка нагнала множество других людей. Они тоже торопились на свадьбу герцога и чего только не несли с собой!

Наконец принцесса добралась до замка, где толпы поваров и пекарей озабоченно сновали взад-вперед, не зная, за что взяться сначала.

Пока принцесса стояла и смотрела на них, за ее спиной раздался шум. Это вернулись с охоты господа, и один из них крикнул:

— Дорогу герцогу Норроуэйскому!

И мимо принцессы промчались ее возлюбленный и красивая-то прекрасная леди.

Тут принцесса почувствовала, что горе вот-вот разобьет ей сердце, но она вспомнила наказ старушки и разбила один орех. И тотчас из ореха вышла крошечная женщина. Это была фея; она держала в руках шерсть и принялась ее расчесывать.

Тогда принцесса вошла в замок вместе с феей и сказала, что просит прекрасную леди принять ее. Крошечная женщина все чесала и чесала шерсть не покладая рук и так понравилась прекрасной леди, что та сказала:

— Ничего не пожалею за такую усердную работницу!

— Я подарю ее вам, — молвила принцесса, — только отложите на день свою свадьбу с герцогом Норроуэйским, а мне позвольте войти ночью в его комнату и побыть с ним наедине.

Прекрасной леди так хотелось получить чудесный орех с маленькой женщиной, что она согласилась. И когда настала темная ночь и герцог крепко заснул, принцессу впустили к нему в опочивальню. Она села у его постели и запела:

Долго я искала тебя,
И теперь я возле тебя,
Герцог Норроуэйский!
Проснись и взгляни на меня!

Она все пела и пела свою песню, но герцог не просыпался. А утром принцессе пришлось уйти, и он так и не узнал, что она была в его спальне.

Тогда принцесса расколола второй орех. Из него вышла крошечная женщина с прялкой. Она пряла шерсть не покладая рук и так понравилась прекрасной леди, что та охотно согласилась отложить свадьбу еще на день, лишь бы получить орех с такой усердной работницей.

А принцессе и в эту ночь не удалось разбудить принца. В отчаянье расколола она последний орех. Из него опять вышла крошечная женщина и стала быстро-быстро наматывать шерсть на катушки.

Прекрасная леди получила и этот орех с усердной ра-

ботницей, согласилась отложить свадьбу еще на день и позволила девушке провести ночь в спальне герцога.

Но в это утро, когда герцог одевался, слуга спросил, что за странная песня и плач доносились из его спальни в последние две ночи.

— Я ничего не слышал, — сказал герцог. — Тебе, наверное, померещилось.

— А вы примите на ночь какое-нибудь снадобье, чтобы не заснуть, — посоветовал слуга. — Тогда тоже услышите песню и плач. Мне они вот уже две ночи как не дают спать.

Герцог послушался совета слуги. А принцесса ночью опять вошла к нему и села у его постели. Она тяжело вздыхала и думала, что видит его в последний раз. Но только услышал герцог голос своей возлюбленной, как вскочил и обнял ее с великой радостью. Он рассказал принцессе, что его заколдовала волшебница и злыми чарами заставила его обручиться с ней.

— Но теперь ее чары рассеялись, — молвил он, — потому что мы с тобой опять вместе.

Принцесса обрадовалась, что ей еще раз удалось расколдовать герцога, и согласилась выйти за него замуж. А волшебница, испугавшись герцогского гнева, бежала из его страны, и больше о ней никто ничего не слышал.

В замке стали спешно готовиться к свадьбе, сыграли ее и тем счастливо закончились приключения Черного Быка Норроуэйского и странствия младшей дочери короля.

ТРИ ГОЛОВЫ В КОЛОДЦЕ

Задолго до времен короля Артура и рыцарей Круглого стола правил Восточной Англией король, который жил вместе со своим двором в Колчестере.

Когда он был в самом расцвете своей славы, умерла его жена — королева. Она оставила ему единственную дочку, лет пятнадцати от роду, такую красивую и добрую, что все ей дивились. Но вот король прослышал об одной очень богатой леди — вдове с единственной дочерью — и решил на ней жениться, хотя леди эта была уродливая, горбатая старуха с крючковатым носом. Да и дочка ее оказалась желтолицей дурнушкой, злой и завистливой — словом, из того же теста, что и мать.

Но все равно через несколько недель король в сопровождении всей знати привез свою уродливую невесту во дворец, где их и обвенчали.

И не успела новая королева поселиться во дворце, как восстановила короля против его красавицы дочери своими лживыми наветами. Молодая принцесса увидела, что отец разлюбил ее, и не захотела больше оставаться при дворе. Как-то раз встретила она отца в саду и со слезами на глазах упростила его отпустить ее — сказала, что хочет счастья искать.

Король согласился и приказал жене дать принцессе в дорогу все, что она пожелает. Принцесса пошла к королеве, и та дала ей ломоть черного хлеба и кусок черствого сыра в холщовом мешке да бутылку пива. Жалкое это было приданое для королевской дочери, но принцесса взяла все, что ей дали, поблагодарила и отправилась в путь.

Она шла через рощи, леса и долины и, наконец, увидела старика, что сидел на камне у входа в пещеру. Старик сказал ей:

— Добрый день, красавица! Куда так спешишь?

— Иду счастья искать, отец мой, — ответила принцесса.

— А что у тебя в мешке и в бутылке?

— В мешке у меня хлеб и сыр, а в бутылке вкусное некрепкое вино. Не хочешь ли отведать?

— С превеликим удовольствием! — ответил старик.

Девушка выложила всю еду и пригласила старика откусать. Старик позавтракал, поблагодарил ее и сказал:

— Тебе встретится густая изгородь из колючего кустарника. Через нее трудно пробраться. Но ты возьми в руки вот этот прутик, трижды взмахни им и скажи: «Изгородь, изгородь, дай мне пройти», и она тотчас расступится. Ты пойдешь дальше и увидишь колодец. Сядь на его край. Тут наверх всплывут три золотые головы и заговорят с тобой, а ты сделай все, о чем они тебя попросят.

Принцесса пообещала, что так и сделает, и распрощалась со стариком. Вот подошла она к изгороди, трижды взмахнула прутиком, и живая изгородь расступилась и пропустила ее. Потом принцесса подошла к колодцу, но не успела она присесть на его край, как всплыла золотая голова и запела:

Умой меня, причеши меня
Да на берег положи меня,
Чтоб я обсохла на диво,
И тому, кто проходит мимо,
Чтоб я показалась красивой.

— Хорошо, — ответила принцесса.

Взяла голову к себе на колени, расчесала ей волосы серебряным гребнем, потом положила ее на желтый песок.

Тут всплыла вторая голова, а за ней третья, и обе они попросили о том же, что и первая. Принцесса выполнила все их просьбы, потом достала свои припасы и принялась за еду.

А головы тем временем совещались:

— Чем одарить нам эту девушку за ее доброту?

И первая голова сказала:

— Я сделаю ее такой красавицей, что ее полюбит самый могущественный принц на земле.

Вторая сказала:

— А я одарю ее таким нежным голосом, с каким не сравнится и пение соловья.

А третья сказала:

— Мой дар будет не хуже. Она дочь короля, и я сделаю так, что она станет женой величайшего из властителей мира. Вот как я ее осчастливорю.

Наконец, принцесса опустила головы обратно в колодец и пошла дальше. Вскоре она встретила молодого короля, что охотился в парке со своей свитой. Принцесса хотела было спрятаться, но король заметил ее, подошел и когда увидел, как она прекрасна, и услышал ее нежный голос, страстно влюбился в нее и тут же упросил ее стать его женой.

Жених узнал, что она дочь колчестерского короля, и как только они поженились, решил съездить к тестю. Молодые приехали в колеснице, разукрашенной золотом и самоцветами.

Подивился старый король, когда узнал, как повезло его дочке, а молодой король рассказал ему обо всем, что с ней приключилось. Весь двор радовался счастью принцессы, только злая королева и ее колченогая дочка чуть не лопнули со злости.

Пир, веселье и танцы длились много дней. Наконец, молодые уехали домой, захватив с собой приданое, которое отец дал своей родной дочери.

Тут безобразной принцессе взбрело на ум, что раз уж ее сестре так посчастливилось, когда она пошла по свету счастья искать, значит и ей тоже повезет. Вот объявила она матери, что пойдет счастья своего искать, и ее собрали в дальний путь. Сшили ей богатые наряды, давали на дорогу и сахару, и миндаля, и сластей; а еще прихватила она с собой громадную бутыл малаги и пошла со своими припасами по той же дороге, что и ее сестра.

Подошла она к пещере, и старик спросил ее:

— Куда спешишь, девушка?

— Тебе какое дело? — ответила она.

— Ну, а что у тебя в мешке и в бутылке? — спросил он.

— Кое-что есть, да не про вашу честь, — ответила она.

— А ты не дашь мне немножко, — попросил старик.

— Ни кусочка, ни глоточка, чтоб тебе подавиться!

Старик нахмурился и сказал:

— Ждет тебя горькая доля.

А принцесса побрела дальше и вскоре подошла к живой изгороди. Заметила в изгороди просвет и решила, что проберется на ту сторону. Да не тут-то было: кусты сомкнулись, и колючки впились в тело путницы. Еле пробралась она через чашу. Колючки искололи ее до крови, и она принялась искать воды, чтобы умыться. Огляделась, видит — колодец. Только села на край колодца, как всплыла наверх золотая голова и стала просить:

Умой меня, причеши меня
Да на берег положи меня...

Но не успела умолкнуть, как злая принцесса ударила ее бутылью и сказала:

— Вот тебе вместо умыванья!

Тут всплыла вторая голова, а за ней и третья, но принцесса встретила их не лучше. И тогда головы стали держать совет, какими несчастьями наказать злую принцессу.

Первая голова сказала:

— Пусть лицо ее поразит проказа!

Вторая сказала:

— Пусть голос ее станет таким же скрипучим, как у коростеля!

Третья сказала:

— Пусть она выйдет замуж за бедного деревенского сапожника!

Так-то вот.

А принцесса пошла дальше и пришла наконец в какой-то городок. День был базарный, и на улицах толпилось много народу. Но как только люди увидели безобразное лицо принцессы и услышали ее скрипучий голос, все разбежались; только бедный деревенский сапожник остался.

Незадолго перед тем пришлось ему чинить обувь одному старому отшельнику. А у того денег не было, вот он и дал сапожнику вместо платы баночку с мазью от проказы и склянку с настойкой от скрипучего голоса. Сапожник пожалел девушку, подошел к ней и спросил, кто она такая.

— Я падчерица колчестерского короля, — ответила принцесса.

— Ах, вот как, — сказал сапожник. — Ну, а если я тебя вылечу — сделаю так, чтоб и лицо твое и голос стали прежними, — ты за это возьмешь меня в мужья?

— Конечно! — ответила она. — С радостью.

И сапожник в несколько недель вылечил принцессу

своими снадобьями. Потом они обвенчались и поехали в колчестерский замок.

Как узнала королева, что дочь ее вышла замуж за какого-то нищего сапожника, до того разозлилась, что повесилась со злости. А старый король обрадовался, что так быстро избавился от нее, и на радостях подарил сапожнику сто фунтов, с тем, правда, чтобы супруги тут же покинули его двор и уехали куда-нибудь подальше, в глушь.

Так они и жили много лет: сапожник чинил сапоги, а жена сучила ему нитки.

РЫЖИЙ ЭТТИН

Жила-была на свете вдова, возделывала клочок земли, да и тот не свой, а чужой, и растила двух сыновей. И вот настало время отправить сыновей счастья искать.

Как-то раз мать велела старшему сыну взять кувшин и принести воды из колодца — она хотела замесить тесто, чтобы испечь юноше лепешку. Лепешка могла получиться или большой, или маленькой — смотря по тому, сколько воды притащил бы сын, — а кроме этой лепешки ей нечего было дать ему в дорогу.

Сын пошел с кувшином к колодцу и набрал воды. Но кувшин оказался с трещиной, и почти вся вода из него вытекла, прежде чем юноша вернулся домой. Вот лепешка и получилась совсем маленькая.

На прощанье мать спросила сына:

— Может, возьмешь только половину лепешки? Тогда получишь мое благословение впридачу. А если возьмешь целую, я тебя прокляну.

Юноша подумал, что идти ему придется далеко, а где и как доставать еду — неизвестно, и ответил, что хочет получить целую лепешку, хотя бы и с материнским проклятьем впридачу — будь что будет. И мать дала ему целую лепешку и прокляла его.

Тогда он отозвал в сторону младшего брата, отдал ему свой нож и попросил хранить его.

— Каждое утро смотри на него, — наказал он брату. — Если клинок будет чистый, значит я жив-здоров. А если он потускнеет и заржавеет, знай, что я попал в беду.

И вот отправился старший брат счастья искать. Шел он весь день и еще день, а к концу третьего дня увидел пастуха, который пас стадо овец. Юноша подошел к пастуху и спросил, чьи это овцы. Пастух ответил:

Свирепый Эттин, рыжий Эттин,
Эттин из Ирландии,
Похитил как-то дочь Малколма,
Короля Шотландии.

Он бил ее, терзал ее,
Завязывал узлом,
И каждый день порол ее
Серебряным жгутом.

И не страшится он людей,
Безжалостный злодей.

А тот герой, от чьей руки
Злодея гибель ждет,
Еще на свет не родился
И долго не придет.

А еще пастух сказал юноше, что скоро ему повстречаются такие звери, каких он в жизни не видывал, — так пусть остерегается их!

Пошел юноша дальше и вскоре увидел стадо страшных двухголовых зверей с четырьмя рогами на каждой голове, перепугался до смерти и со всех ног кинулся прочь. И как же он обрадовался, когда добежал, наконец, до замка на невысоком холме!

Ворота замка были открыты. Юноша бросился во двор, потом в комнаты и увидел старую женщину у очага. Он спросил ее, нельзя ли ему здесь переночевать, — ведь он долго шел пешком и очень устал.

Старуха ответила, что переночевать он может, но лучше ему здесь не оставаться — ведь это замок Рыжего Эттина, страшного трехголового чудовища, и оно не щадит тех, кто попадает ему в лапы.

Юноша хотел было уйти, да побоялся зверей, что паслись перед замком, и упросил старуху спрятать его хорошенько и не выдавать Рыжему Эттину. «Только бы как-нибудь переночевать, — думал он, — а утром, может, удастся ускользнуть от зверей». Но едва он успел спрятаться в укромном местечке, как вернулся домой страшный Эттин и только вошел, сразу заревел:

Я не спял, я не глух,
Чую человеческий дух!
Выходи-ка, молодец,—
Тут придет тебе конец!

Эттин сразу нашел бедного юношу и вытащил его из тайника. А когда вытащил, сказал, что пощадит его, если тот разгадает три загадки. И вот первая голова чудовища спросила:

— Что не имеет конца?

Юноша не сумел ответить.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

Но юноша и тут не сумел ответить.

Наконец третья голова спросила:

— Мертвый живого несет. Отгадай, что это?

Но юноша опять не отгадал. Рыжий Эттин схватил деревянный молоток, ударил им юношу по голове, и тот превратился в каменный столб.

Наутро его младший брат достал нож, взглянул на него и опечалился, — весь клинок побурел от ржавчины. Тогда он сказал матери, что пора и ему отправиться в путь. Мать попросила его взять кувшин и сходить к колодезю за водой — надо, мол, тесто замесить да лепешку ему испечь. И вот, когда сын нес воду домой, над его головой пролетел ворон и каркнул:

— Погляди на кувшин! Вода вытекает.

Юноша был сметлив; увидел, что вода и впрямь вытекает, поднял кусочек глины и замазал трещины. Домой он принес столько воды, что хватило на большую лепешку.

На прощанье мать сказала сыну, что если он хочет получить ее благословение впридачу, то пусть берет только половину лепешки. И сын решил, что лучше взять половину, но с материнским благословением, чем целую, но с проклятьем.

Вот отправился младший брат в путь-дорогу и уже забрел далеко, как вдруг повстречалась ему старушка. Она попросила у него кусочек лепешки, и он ответил:

— На, ешь на здоровье! — и отломил ей кусок.

Старушка дала ему за это волшебную палочку и сказала, что палочка ему пригодится, если он сумеет правильно с ней обращаться. Старушка эта была фея. Она предсказала юноше почти все, что с ним случится, и научила его, что надо делать, а потом сразу исчезла.

Юноша все шел и шел, пока не увидел старика, который пас овец, а когда спросил его, чьи это овцы, услышал в ответ:

Свирепый Эттин, Рыжий Эттин,
Эттин из Ирландии,
Похитил как-то дочь Малколма,
Короля Шотландии.

Он бил ее, терзал ее,
Завязывал узлом,
И каждый день порол ее
Серебряным жгутом.

И не страшится он людей,
Безжалостный злодей.

Но пробил час на этот раз,
И смерть его близка,—
Ты здесь, герой, передо мной,
Тверда твоя рука!

И вот юноша подошел к тому месту, где паслись рогатые чудовища. Но он не остановился, не побежал прочь, а смело прошел среди них. Один зверь с ревом кинулся было на юношу, **разинув пасть, чтобы** его сожрать. Но юноша ударил зверя волшебной палочкой, и в тот же миг чудовище мертвым упало к его ногам.

Наконец юноша дошел до замка Рыжего Эттина, постучал в дверь, и его впустили. У огня сидела старуха. Она рассказала юноше о том, что случилось с его старшим братом. Рассказала и про страшного Эттина, но юноша не испугался.

Вскоре вернулся Эттин и заревел:

Я не слеп, я не глух,
Чую человеческий дух!
Выходи-ка, молодец,—
Тут придет тебе конец!

Эттин быстро нашел юношу, велел ему подойти поближе и сказал, что загадает ему три загадки. Но добрая фея заранее научила юношу, как отвечать.

Вот первая голова Рыжего Эттина спросила:

— Что не имеет конца?

— Круг, — ответил юноша.

Тогда вторая голова спросила:

— Чем уже, тем опаснее. Что это?

— Мост, — сразу ответил он.

Наконец, третья голова спросила:

— Мертвый несет живого. Отгадай, что это?

И юноша, не задумываясь, сказал:

— Корабль в море, а на корабле люди.

Услышал Эттин его ответы и понял, что пришел конец его власти. А юноша поднял топор и снес чудовищу все его три головы. Потом попросил старуху показать ему, где спрятана королевская дочь, и старуха повела его в верхние покои.

Она открывала перед ним одну дверь за другой, и из каждой комнаты выходили красавицы. Все они были пленницы Рыжего Эттина, и среди них оказалась королевская дочь.

Наконец, старуха отвела юношу в подземелье, где стоял каменный столб. Юноша прикоснулся к нему своей палочкой, и брат его ожил.

Пленницы радовались и благодарили своего освободителя. На другой день все они, радуясь и веселясь, отправились к самому королю, и он выдал свою дочь за младшего брата, подыскал старшему знатную невесту, и братья жили счастливо до конца своих дней.

ГОСПОДИН ВСЕХ ГОСПОД

Как-то раз одна девушка отправилась на ярмарку: она хотела наняться к кому-нибудь в услужение. И вот наконец какой-то чудаковатый на вид пожилой джентльмен нанял ее и повел к себе домой. Когда они пришли, он сказал, что прежде всего должен ее кой-чему научить, потому что все вещи в его доме называются не так, как у всех, а по-особому.

И он спросил девушку:

— Как ты будешь называть меня?

— Хозяином или мистером, как вам будет угодно, сэр, — ответила девушка.

Но он сказал:

— Нет, ты должна называть меня «господином всех господ». А как, по-твоему, называется это? — и он показал на кровать.

— Постель или кровать, как вам будет угодно, сэр.

— Нет, это моя «белая лебедь». А как ты это назывешь? — спросил он, указывая на свои панталоны.

— Штанами или брюками, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть их «хлопушками и шутихами».

А это кто? — показал он на кошку.

— Кошка или киска, как вам будет угодно, сэр.

— Отныне ты должна называть ее «усатой обезьянкой». Ну, а это, — показал он на огонь, — что это такое?

— Огонь или пламя, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть его «красным петушком».

А это? — продолжал он, указывая на воду.

— Вода или влага, как вам будет угодно, сэр.

— Нет, это — «чистый прудок». А как называется все это? — спросил он, показывая на свой дом.

— Дом или коттедж, как вам будет угодно, сэр.

— Ты должна называть это «всем горам гора».

Ночью перепуганная служанка разбудила хозяина криком:

— О господин всех господ! Слезай со своей белой лебеди и натяни живей хлопушки и шутихи! Усатой обезьянке попала на хвост искра от красного петушка! Хватай скорей чистый прудок, а не то красный петушок охватит твою всем горам гору!

Но пока хозяин понял, что случилось, дом его успел сгореть.

МОЛЛИ ВАППИ

Жили на свете муж с женой, и было у них так много детей, что прокормить их всех они не могли. И пришлось им отвести трех дочерей в лес и оставить там. Девушки бродили-бродили по лесу, проголодались, а уж стало смеркаться. Наконец, видят — впереди огонек затеплился, и пошли на него. Добрались до какого-то дома и постучали в дверь. Из дома вышла женщина и спросила:

— Что вам надо?

Девушки ответили:

— Позвольте нам переночевать у вас и дайте нам поесть!

— Не могу, — сказала женщина. — Муж у меня великан. Вернется домой и убьет вас.

Девушки стали ее упрашивать:

— Впустите нас! Мы хоть немножко посидим. А уйдем раньше, чем он вернется!

Ну, женщина впустила девушек, усадила их перед огнем и дала им хлеба и молока. Но только они начали есть, как раздался громкий стук в дверь, и кто-то сказал страшным голосом:

Фи-фай-фо-фам,
Дух человека чую там!

Кто это у тебя, жена?

— Да это три бедных девушки, — ответила та. — Проглодали, проголодались. Они скоро уйдут. Уж ты их не трогай, муженек!

Великан ничего не ответил, сел за стол, наелся до отвала, а девушкам приказал остаться ночевать. Спать их уложили на одной кровати с тремя дочерьми великана.

Младшую гостью звали Молли Ваппи, и была она очень умная девушка. Когда они уходили спать, великан надел на шею ей и ее сестрам соломенные шнурки, а своим дочерям — золотые цепочки. Молли Ваппи заметила это, смекнула, что дело нечисто, и решила держаться на чеку. Подождала, пока все не заснуло крепким сном, а тогда выскользнула из постели, сняла с себя и сестер соломенные шнурки, а с дочерей великана золотые цепочки. Потом надела соломенные шнурки на дочерей великана, а золотые цепочки на себя и на сестер и опять улеглась.

Посреди ночи великан поднялся, взял в одну руку тяжелую дубину, а другой нащупал в темноте соломенные шнурки. Потом ударил дубиной своих собственных дочерей и убил их, а сам опять улегся и заснул довольный — ведь он был уверен, что убил чужих девушек.

Тут Молли Ваппи подумала, что пора бежать, да дальше. Разбудила сестер, велела им не шуметь, и все три выскользнули из дома и — наутек. Бежали-бежали до самого утра, пока не увидели перед собой дворец. А был это дворец самого короля, и Молли вошла туда и рассказала королю обо всем, что случилось. На это король ей и говорит:

— Ну, Молли, ты девушка умная, — самого великана перехитрила. А попробуй-ка схитрить получше! Стащи у великана меч, что висит на спинке его кровати, и я выдам твою старшую сестру за моего старшего сына!

Молли сказала, что постарается. Вот вернулась она обратно, прокралась в дом великана и спряталась под его кроватью.

Ввалился домой великан, наелся до отвала и улегся спать. Молли подождала, пока он не захрапел, и выбралась из-под кровати. Перелезла через великана и сняла его меч. Но когда она перетаскивала меч через кровать, он зазвенел и великан тут же вскочил. Молли с мечом в руках бросилась бежать вон из дома.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до «Моста-тонкого-как-волосок». Она-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах, всего два разочка мне по мосту надо пройти! — ответила Молли и убежала.

Так Молли достала королю меч великана. И старший сын короля женился на ее старшей сестре.

Тут король и говорит Молли Ваппи:

— Молодец, Молли! Ловко ты все это проделала! Но попробуй схитрить еще ловчей. Стащи кошелек, что лежит у великана под подушкой, и я выдам твою вторую сестру за моего второго сына.

И Молли опять сказала королю, что постарается. Вот отправилась она к великану, прокралась в его комнату и спряталась под кроватью. А когда великан поужинал и захрапел, вылезла, засунула руку под подушку и вытащила кошелек. Но не успела она выбежать из дому, как великан проснулся и бросился за ней.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до «Моста-тонкого-как-волосок». Молли-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах, лишь один разочек мне по мосту надо пройти! — ответила Молли и убежала.

Так Молли достала королю кошелек великана. И второй сын короля женился на ее второй сестре.

Тут король и говорит Молли Ваппи:

— Умная ты девушка, Молли! А если окажешься еще умней и стащишь у великана кольцо, я выдам тебя за своего младшего сына!

Молли сказала королю, что постарается. И вот она опять пошла к великану и спряталась у него под кроватью. Великан вскоре вернулся домой, наелся до отвала, завалился спать и захрапел на весь дом.

А Молли вылезла, взобралась на кровать, взяла великана за руку и стала снимать кольцо. Вертела, вертела его, наконец сняла, но тут великан как вскочит да как схватит ее.

— Наконец-то я тебя поймал, Молли Ваппи! — вскричал он. — Ну, говори: если б я тебе так досадил, как ты мне, что бы ты со мной сделала?

— Я бы посадила тебя в мешок, вместе с кошкой и со-

бакой, — ответила Молли, — а еще сунула бы туда нитки, иголку и ножницы. Потом повесила бы мешок на стену, а сама пошла бы в лес за палкой потолще. Выбрала бы самую толстую дубинку, а дома положила бы мешок на пол и принялась бы тебя молотить, пока бы ты дух не испустил.

— Ну, что ж, Молли, — сказал великан, — так я и сделаю!

Достал великан мешок, посадил в него Молли, сунул туда кошку с собакой, да еще нитки, иголку и ножницы, повесил мешок на стену, а сам пошел в лес за дубинкой.

Вот сидит Молли в мешке и напевает:

Ах, если б вы только видели то, что вижу я!

— А что ты там видишь, Молли? — спрашивает ее жена великана.

Молли ей ни слова в ответ — все только поет-распевает:

Ах, если б вы только видели то, что вижу я!

— Дай мне посидеть в мешке вместо тебя, Молли! — попросила великанова жена. — Я хочу посмотреть, что ты там видишь.

Молли прорезала ножницами дырку в мешке, взяла иголку с нитками и выпрыгнула вон. Потом помогла жене великана залезть в мешок и тут же накрепко зашила его.

Жена великана посидела-посидела в мешке, ничего не увидела и стала проситься на свободу. Но Молли ее и не слушала — спряталась за дверь и стала ждать.

Вот вернулся домой великан с целым деревом в руках, снял со стены мешок и давай молотить по нему изо всех сил. Жена кричит ему:

— Да ведь это я, муженек!

Но тут собака залаяла, кошка замыкала, и великан не узнал жениного голоса. Тем временем Молли выскользнула из-за двери, а великан заметил ее и пустился вдогонку.

Молли все бежала и бежала, пока не добежала до «Моста-тонкого-как-волосок». Молли-то перебежала по мосту, а великан побоялся на него ступить — остановился и крикнул:

— Ну, берегись, Молли Ваппи! Посмей еще раз прийти!

— Ах да на что, разиня, теперь мне сюда идти? — ответила Молли и убежала.

Вот принесла Молли королю волшебное кольцо и вышла замуж за младшего принца. А великана они больше в жизни не встречали.

СТРАШНЫЙ ДРАКОН СКАЛЫ СПИНДЛСТОН

Жил когда-то в замке Бамборо король. У него была красавица жена и двое детей. Сына звали Чайлд-Уинд, а дочь Маргарет. И вот Чайлд-Уинд отправился искать счастья, а вскоре после его ухода умерла королева-мать. Король долго и горько плакал по ней, но однажды во время охоты встретил прекрасную леди и так полюбил ее, что решил на ней жениться. И он послал домой известие, что скоро привезет в замок Бамборо новую королеву.

Принцесса Маргарет не рада была узнать, что кто-то займет место ее матери. Но она не роптала и по приказу отца вышла в день его приезда к воротам замка, чтобы встретить мачеху и отдать ей все ключи. Вскоре показался свадебный поезд. Новая королева подошла к принцессе Маргарет, а та низко поклонилась ей и протянула ключи от замка. Зардевшись и опустив глаза долу, принцесса сказала:

— Добро пожаловать, дорогой отец, в ваши чертоги и покой! Добро пожаловать, моя новая мать! Все, что здесь есть, — все ваше! — И она опять протянула ключи королеве.

Один рыцарь из свиты новой королевы воскликнул в восхищение:

— Право же, краше этой северной принцессы нет никого на свете!

Тут новая королева вспыхнула и громко проговорила:

— Не худо бы вам добавить: «кроме новой королевы!»

Потом пробормотала вполголоса:

— Скоро исчезнет ее красота...

В ту же ночь королева — а она была знаменитая колдунья — прокралась в подземелье и принялась колдовать.

Трижды три раза произнесла она заклинание, девятью девять раз сотворила волшебный знак и заколдовала принцессу Маргарет. Вот ее заклинание:

Ты станешь отныне ужасным драконом
И не спасешься,— так повелю я!
И если твой брат, королевский сын,
Тебе не подарит три поцелуя,
Навеки останешься страшным драконом
И не спасешься,— так повелю я!

Так леди Маргарет легла спать прекрасной девушкой, а проснулась страшным драконом. Утром служанки вошли, чтобы одеть ее, и увидели на кровати отвратительное чудовище, свернувшееся кольцом. Дракон вытянулся и пополз к ним навстречу, но они с криком убежали прочь.

А чудовище извивалось и ползло, ползло и извивалось, пока не добралось до скалы Спиндлстон. Оно обвилось вокруг скалы и лежало там, грея на солнце свою ужасную морду.

Вскоре все окрестные жители поневоле узнали о страшном драконе скалы Спиндлстон,— ведь голод заставлял дракона выползать из пещеры и пожирать все, что попадалось ему на пути.

И вот люди отправились, наконец, к могущественному волшебнику и спросили его, что им делать. Волшебник посоветовался со своим помощником, заглянул в волшебные книги и объявил:

— Страшный дракон — это принцесса Маргарет! Дракона терзает голод — вот он и пожирает все на своем пути. Отберите для него семь коров и каждый день на закате носите к скале Спиндлстон все молоко от них, — все до капли! — и он вас больше не будет трогать. Если же вы хотите, чтобы страшный дракон снова превратился в принцессу Маргарет, а королева, что заколдовала ее, понесла наказание по заслугам, вызовите из-за моря брата принцессы — Чайлд-Уинда.

Так и сделали. Дракону носили молоко от семи коров, и он больше никого не трогал.

Когда до Чайлд-Уинда дошли вести о горькой доле сестры, он торжественно поклялся освободить ее, а жестокой мачехе отомстить, и тридцать три рыцаря Чайлд-Уинда поклялись вместе с ним. И вот они принялись за работу и построили длинный корабль, а киль его сделали из ря-

бинового дерева. Когда же все было готово, они взялись за весла и поплыли прямо к замку Бамборо.

Не успели они завидеть угловую башню замка, как королева-мачеха узнала с помощью колдовства, что против нее что-то замышляют. Созвала всех своих приближенных бесов и сказала:

— Чайлд-Уинд плывет по морю. Так пусть не доберется до суши! Поднимите бурю или разбейте его корабль! Делайте что хотите, только помешайте ему высадиться на берег!

И бесы поспешили навстречу Чайлд-Уинду. Но как увидели они, что киль у корабля рябиновый, — отступили, бессильные. Вот вернулись они к королеве-колдунье, и та сначала ничего не могла придумать. Потом приказала своим воинам сразиться с Чайлд-Уиндом, если он высадится близ замка, а страшного дракона заставила стеречь вход в гавань.

Когда корабль Чайлд-Уинда показался вдалеке, дракон кинулся в море, обвился вокруг корабля и отбросил его от берега.

Трижды приказывал Чайлд-Уинд своим людям грести сильнее и не падать духом, но каждый раз страшный дракон отгонял корабль от берега.

Тогда Чайлд-Уинд приказал плыть в обход, а королева-колдунья решила, что он отчаялся и уплыл прочь. Но Чайлд-Уинд обогнул мыс и спокойно причалил к берегу в заливе Балд. Оттуда он и его рыцари с обнаженными мечами и натянутыми луками бросились разить страшного дракона, что мешал им высадиться на берег.

Но в тот миг, когда Чайлд-Уинд ступил на землю, власть королевы-колдуньи над страшным драконом кончилась. И королева вернулась в свои покои одна — ни бесы, ни воины уже не могли ей помочь, и она знала, что час ее пробил.

Когда же Чайлд-Уинд приблизился к страшному дракону, тот и не попытался его сожрать.

Чайлд-Уинд уже занес было над драконом свой меч, как вдруг из страшной пасти чудовища послышался голос его сестры Маргарет:

Оставь свой меч и лук тугой,
Дракона не страшись!
И трижды к чешуе моей
Губами прикоснись.

Чайлд-Уинд так и застыл с мечом в руке. Он не знал, что и думать. А страшный дракон опять дрюговорил:

Оставь свой меч, склонись ко мне
И трижды поцелуй!
Спешь, пока не умер день,
И чары расколдуй!

И вот Чайлд-Уинд подошел к страшному дракону и поцеловал его. Но дракон как был, так и остался драконом. Чайлд-Уинд поцеловал его еще раз, но с драконом опять ничего не случилось. Тогда Чайлд-Уинд поцеловал чудовище в третий раз. И тут страшный дракон с шипеньем и ревом отпрянул назад, и перед Чайлд-Уиндом предстала его сестра Маргарет.

Чайлд-Уинд закутал сестру в свой плащ и поспешил с нею в замок. Подошел к угловой башне, поднялся в покои королевы-колдуньи и дотронулся до нее веточкой рябины. Не успел он это сделать, как колдунья съежилась, сморщилась и превратилась в огромную, уродливую жабу с дико выпученными глазами. Жаба заквакала, зашипела и запрыгала со ступеньки на ступеньку вниз по лестнице.

С этого дня Чайлд-Уинд стал править королевством вместо своего отца, и все они зажили счастливо.

А возле угловой башни замка Бамборо и сейчас еще появляется мерзкая жаба. Это все она, злая королева-колдунья.

ДЖЕК-ЛЕНТЯИ

Жил-был на свете парень. Звали его Джек, и жил он со старухой матерью на пустыре. Старуха пряла пряжу на людей, но от этого ведь не разбогатеешь, а Джек был лентяй, каких мало. Ничего-то он не делал, ровнешенько ничего, только грелся на солнышке — это в летнюю жару, а зимой отсиживался в углу у очага.

Потому все и прозвали его Джек-лентяй.

Мать никак не могла заставить Джека хоть немножко помогать ей, и как-то раз, в понедельник, сказала ему:

— Не будешь сам зарабатывать себе на пропитание, выгоню тебя из дому — живи как знаешь!

Эти слова проняли Джека. Наутро, во вторник, пошел он и нанялся за пенни в день к фермеру, что жил по соседству. Проработал день, получил пенни и пошел домой, но когда переходил через ручей, потерял монету. Ведь он ни разу в жизни денег в руках не держал.

— Ах ты дурачина! — сказала ему мать. — Да ты бы монету в карман положил!

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В среду Джек опять ушел и нанялся к пастуху. Проработал день, и за это пастух дал ему кувшин молока. Засунул Джек кувшин в глубокий карман своей куртки, но не прошел и половины дороги, как молоко все расплескалось.

— О господи! — ахнула мать. — Что бы тебе кувшин на голове нести.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

И вот в четверг Джек опять нанялся к фермеру — за кусок сливочного сыра в день. Вечером Джек положил сыр себе на голову и отправился домой. Но до дому он опять ничего не донес: мягкий сыр весь расплзся и прилип к его волосам.

— Ну и дурень! — сказала мать. — Надо было осторожно нести его в руках.

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В пятницу Джек нанялся к булочнику, и тот дал ему за работу большого кота. Джек взял кота и осторожно понес его в руках, но кот все руки ему исцарапал, так что пришлось его выпустить. И Джек опять вернулся домой ни с чем.

— Что ты за олух! — сказала мать. — Надо было коту веревку вокруг шеи завязать да на поводке его вести!

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

И вот в субботу Джек нанялся к мяснику, и тот щедро наградил его — целую баранью ногу отвалил. Обвязал Джек баранью ногу веревкой и поволок ее за собой по грязи. Можете себе представить, какое кушанье получилось бы из такой баранины!

На этот раз Джекова мать из себя вышла. Ведь на воскресный обед у нее, кроме капусты, ничего не было.

— Ах ты дубина! — сказала она Джеку. — Надо было ее на плече нести!

— В другой раз я так и сделаю, — ответил Джек.

В понедельник Джек-лентяй опять вышел из дома и нанялся к торговцу скотом. Тот дал ему за работу осла. Трудненько было взвалить осла на плечи, но Джек понатужился и взвалил.

И вот побрел он со своей наградой к дому, — плелся, еле ноги передвигал. Вскоре пришлось ему идти мимо дома одного богача. У богача этого была единственная дочка, прехорошенькая, но глухая и немая, да к тому же несмеяна — ни разу в жизни не рассмеялась. А лекари сказали ее отцу, что она до тех пор не заговорит, пока ее кто-нибудь не рассмешит. И вот в то самое время, когда Джек с ослом на плечах проходил мимо, девушка выглянула в окошко. Видит, тащится детина с ослом на плечах, и пока-

тилась со смеху. А как рассмеялась — сразу заговорила и стала слышать.

Богач до того обрадовался, что на радостях выдал дочку за Джека. Вот Джек-лентяй и разбогател. Поселился с женой в большом доме и взял к себе мать. И жила с ними старуха до конца дней своих, не зная ни нужды, ни горя.

КЭТ-ЩЕЛКУНЧИК

Жили-были когда-то, как это бывает на свете, король, королева и королевские дети. Дочку короля звали Энн, а дочку королевы — Кэт. И хотя Энн была куда краше Кэт, девушки любили друг друга, как родные сестры. Но королева никак не могла примириться с тем, что дочь короля красивее ее дочери, и она задумала превратить Энн в дурнушку. Вот пошла она за советом к птичнице, и та велела на другое же утро прислать к ней девушку, но обязательно натошак.

На другое утро, раным-рано, королева и говорит принцессе Энн:

— Сходи-ка, милочка, в ложбину к птичнице и попроси у нее яиц!

Энн вышла из дому через кухню; увидела там горбушку хлеба, взяла ее и съела по дороге.

Пришла к птичнице и попросила у нее яиц, как было велено. А птичница ей и говорит:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Девушка так и сделала, но ничего с ней не случилось.

— Ну, ступай домой к мачехе, — молвила птичница, — да скажи ей, чтобы покрепче запирала кладовую!

Вот вернулась девушка домой и передала королеве слова птичницы. Тут королева поняла, что девушка перед уходом что-то съела.

На другое утро королева стала сама следить за принцессой и отправила ее из дому натошак. Но принцесса по дороге увидела крестьян, которые собирали горох, и лас-

ково заговорила с ними. Крестьяне дали ей горсточку гороха, и она съела его на ходу.

Когда же она пришла к птичнице, та сказала:

— Подними-ка крышку вон с того горшка и загляни в него!

Энн подняла крышку, но опять ничего с ней не случилось. Тогда птичница очень рассердилась и сказала:

— Передай мачехе, что горшок без огня не закипит!

Энн вернулась домой и передала эти слова королеве.

На третий день королева сама пошла с девушкой к птичнице. И на этот раз, как только Энн подняла крышку с горшка, — ее хорошенькая головка слетела с плеч, а вместо нее выросла голова овечки.

Королеве только того и надо было! Но дочка ее, Кэт, совсем не обрадовалась несчастью сестры. Вот достала она кусок тонкого полотна, обмотала им голову сестре, и обе они, взявшись за руки, вместе пошли по свету счастья искать. Шли-шли, пока не добрались до одного замка. Кэт постучала в дверь и говорит:

— Я иду с больной сестрой. Пустите нас переночевать!

Их пустили. Оказалось, что замок этот королевский, а у короля два сына, и один сын чахнет, чуть не при смерти лежит, но никто не может сказать, что его терзает. И странное дело: всякий, кто сидел с ним ночью, пропадал навсегда. Поэтому король обещал мешок серебра тому, кто согласится пробыть в спальне его сына хоть одну ночь. Ну, Кэт была девушка смелая и взялась посидеть у больного.

До полуночи все шло хорошо. Но только пробило двенадцать, больной принц поднялся, оделся и крадучись спустился по лестнице вниз. Кэт пошла за ним следом, но принц ее как будто не заметил. Он прошел на конюшню, оседлал коня, тихонько подозвал свою собаку и вскочил в седло, а Кэт незаметно примостилась позади него. И вот принц и Кэт поскакали по зеленому лесу.

Кэт на скаку рвала с деревьев орехи и складывала их в свой передник.

Скакали-скакали, пока не достигли зеленого холма. Тут принц остановил коня и сказал:

— Распахнись, зеленый холм, распахнись, откройся! Впусти принца молодого, и собаку, и коня!

— И меня! — добавила Кэт.

Зеленый холм тотчас открылся и впустил их. Принц

спешился и прошел в роскошный, ярко освещенный зал. Тут его окружила толпа прекрасных фей и увела танцевать. Кэт никто не заметил: она спряталась за дверью и наблюдала за принцем; а тот все танцевал, танцевал, танцевал, пока не выбился из сил и не упал на мягкое ложе. Феи принялись обмахивать его своими веерами, и вот он снова поднялся и пошел танцевать.

Наконец пропел петух, и принц бросился к своему коню. Кэт вскочила в седло позади него, и они поехали домой.

Наутро, когда встало солнце, в комнату принца вошли придворные; видят — Кэт сидит у огня да орешки щелкает. Она сказала им, что принц провел ночь хорошо, но что она больше с ним не останется, если ей не дадут мешок золота.

Вторая ночь прошла, как первая. В полночь принц поднялся и поскакал к зеленому холму на бал к феям. Кэт поехала с ним и опять рвала по дороге орехи.

На этот раз Кэт и не смотрела на принца, — она уже знала, что он будет танцевать до упаду. Зато она увидела малютку эльфа с палочкой в руках и услышала, как одна фея сказала:

— Если трижды дотронуться этой палочкой до уродливой сестры Кэт, она станет такой же красивой, как была.

Тут Кэт бросила один орешек, и он покатился прямо к маленькому эльфу. Так она кидала орех за орехом, а малютка гонялся за ними и наконец выронил палочку. Кэт подхватила ее и спрятала к себе в передник. Но вот, как и в прошлый раз, прокричал петух, и они поехали домой.

Не успела Кэт вернуться, как побежала к Энн и три раза дотронулась до нее палочкой. И — о, чудо! — овечья голова упала, и Энн опять стала такой же красавицей, как была.

На третью ночь Кэт сказала, что согласится стеречь больного принца, только если ее потом обвенчают с ним. Все было как и в прошлые две ночи. Но на этот раз маленький эльф держал в руках птичку, и Кэт услышала, как одна фея сказала:

— Если больной принц съест три кусочка этой птицы, он станет таким же здоровым, как был.

Кэт подкатила все свои орешки к маленькому эльфу, и тот позабыл про птичку, а Кэт взяла ее и завернула в

передник. Когда же запел петух, они отправились домой. На этот раз Кэт не стала щелкать орешки — она ощипала птичку и принялась ее варить. Вскоре из кастрюльки пошел очень вкусный запах.

— Ах, — сказал больной принц, — как бы мне хотелось отведать хоть кусочек этой птицы!

Кэт дала ему кусочек, а он слегка приподнялся, опершись на локоть, и опять сказал:

— Ах, как бы мне хотелось съесть еще кусочек!

Кэт дала ему второй кусок. Тогда принц сел на постели и снова попросил:

— Ах, вот бы мне съесть третий кусочек!

Кэт дала ему третий кусочек, и он встал — здоровый и сильный, — сам оделся и сел у огня. И когда наутро к принцу вошли люди, что же они увидели? Принц и Кэт сидят рядышком и щелкают орешки.

А тем временем второй принц познакомился с Энн и влюбился в нее, как и каждый, кто видел ее милое, хорошенькое личико.

И вот один принц женился на Кэт, а другой — на Энн. И с тех пор они жили, не тужили и никогда не пили из пустой бутылки.

ВОЛШЕБНАЯ МАЗЬ

Тетка Гуди была няней. Она ухаживала за больными и нянчила маленьких детей. Как-то раз ее разбудили в полночь. Она спустилась из спальни в прихожую и увидела какого-то диковинного старичка, да к тому же косоглазого. Он попросил тетку Гуди поехать к нему, говоря, что жена его больна и не может нянчить своего грудного ребенка.

Посетитель не понравился тетке Гуди, но разве могла она отказаться от заработка? И вот она поспешно оделась и вышла с ним из дома. Старичок усадил ее на черного как уголь высокого скакуна с огненными глазами, что стоял у дверей, и они понеслись куда-то с невиданной быстротой. Тетка Гуди, боясь упасть, изо всех сил вцепилась в старичка.

Они мчались и мчались и наконец остановились у небольшого домика. Слезли с коня и вошли. Хозяйка лежала в постели, младенец — чудесный, здоровый малыш — лежал рядом с ней, а вокруг играли дети.

Тетка Гуди взяла ребенка на руки, а мать протянула ей баночку с мазью и велела намазать ребенку глазки, как только он их откроет.

Немного погодя ребенок приоткрыл глазки, и тетка Гуди заметила, что он так же косит, как и отец. Она взяла баночку с мазью и намазала ребенку веки, а сама все удивлялась: «Для чего бы это?» В жизни она не видывала,

чтобы младенцам мазали веки. И вот она улучила минутку, когда никто на нее не смотрел, и тихонько помазала мазью свое правое веко.

Не успела она это сделать, как все вокруг изменилось словно по волшебству. Убранство в комнате стало роскошным; женщина в постели превратилась в прекрасную леди в белых шелковых одеждах; младенец похорошел еще больше, а пеленки его сделались блестящими и прозрачными, словно серебряная кисея. Зато его братишки и сестренки, что играли у постели, превратились в бесенят с приплюснутыми носами, острыми ушками и длинными волосатыми лапками. Они строили друг другу рожи, царапались, таскали за уши больную мать — словом, чего только не вытворяли. Тут тетка Гуди поняла, что попала к бесам.

Но она ни слова об этом не проронила. А как только женщина поправилась и смогла сама нянчить ребенка, тетка Гуди попросила хозяина отвезти ее домой. Он подвел к дверям черного как уголь коня с огненными глазами, и они поскакали так же быстро, как в первый раз, а может, еще быстрее, и, наконец, доскакали до дома тетки Гуди. Косоглазый старик снял ее с коня, вежливо поблагодарил, а заплатил ей столько, сколько ей никогда еще не платили за подобные услуги.

На другой день тетка Гуди отправилась на базар за покупками — ведь она долго не жила дома, и все ее припасы кончились. Вот стала она приценяться к товарам, и вдруг увидела того самого косоглазого старичка, что возил ее на черном как уголь коне! А как вы думаете, что он делал на базаре? Ходил от прилавка к прилавку и с каждого брал что-нибудь: с этого фрукты, с того яйца... Но никто, видимо, не замечал этого.

Тетка Гуди не собиралась мешать ему, но считала, что не следует упускать такого щедрого нанимателя, не перемолвившись с ним словечком-другим. Вот подходит она к нему, приседает и говорит:

— Добрый день, сэръ! Надеюсь, ваша супруга и младенчик чувствуют себя так же хорошо, как...

Но договорить она не успела: диковинный старичок отшатнулся от нее, словно опешив от удивления, и воскликнул:

— Неужто вы меня сейчас видите?!

— Как же не видеть? — ответила она. — Конечно,

вижу, и так же ясно, как солнце в небе. А еще я вижу, — добавила она, — что вы очень заняты покупками...

— Вот как? Ну, значит вы слишком много видите, — сказал он. — А скажите, каким глазом вы все это видите?

— Правым, конечно, — ответила она, довольная, что уличила его.

— Мазы! Мазы! — вскричал старый бес-ворюга. — Получай же за то, что суешься не в свои дела! Больше ты меня не увидишь!

Тут он ударил ее по правому глазу, и она сразу перестала его видеть.

Но что хуже всего — с этого часа она окривела на правый глаз, да так и осталась кривой до самой своей смерти.

ТРИ УМНЫЕ ГОЛОВЫ

Жили когда-то на свете фермер с женой, и была у них одна-единственная дочь. За ней ухаживал некий джентльмен. Каждый вечер он приходил к ним в гости и оставался ужинать, а дочку посылали в погреб за пивом. Вот как-то раз спустилась она в погреб и принялась цедить пиво в кувшин, а сама возьми да и взгляни на потолок. И что же она увидела — в балку топор воткнут. Он там, наверное, давным-давно торчал, да она его раньше почему-то не замечала. И вот принялась она думать да раздумывать:

«Не к добру здесь топор торчит! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, как я сейчас, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Горе-то какое будет!»

Поставила девушка на пол свечу и кувшин, села на скамью и принялась плакать.

А наверху уже думают: что случилось, почему она так долго цедит пиво? Вот мать спустилась в погреб, поглядеть, что с дочкой случилось; видит — сидит дочка на скамье и плачет, а пиво уж потекло по полу.

— О чем ты? — спрашивает мать.

— Ах матушка! — говорит дочка. — Только посмотри на этот страшный топор! Вот поженимся мы, и будет у нас сынок, и вырастет он большой и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Горе-то какое будет!

— Ах господи, и правда, горе великое! — говорит мать; уселась рядом с дочкой и тоже в слезы ударилась.

Немного погодя и отец встревожился: чего это, думает, они не возвращаются? Отправился в погреб посмотреть, куда его жена с дочкой девались, спустился и видит — сидят обе и плачут в три ручья, а пиво по полу течет.

— С чего это вы? — спрашивает.

— Да ты только посмотри на этот страшный топор, — говорит мать. — Ну как наша дочка выйдет замуж, и родится у нее сынок, и вырастет он большой и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его. Вот горе-то будет!

— Боже ты мой! И правда, горе, — говорит отец; усялся рядом с женщинами и тоже слезами залился.

Но вот и джентльмену надоело сидеть одному в кухне, и он тоже спустился в погреб посмотреть, что случилось. Видит: сидят все трое рядышком, плачут-разливаются, а пиво из крана течет, по всему полу растекается. Бросился он к крану, закрыл его и спрашивает:

— Что случилось? Почему вы тут сидите все трое и плачете? Или не видите, — пиво у вас по всему полу растеклось?

— Ох! — говорит отец. — Да вы только посмотрите на этот страшный топор! Что, если вы с нашей дочкой поженитесь, и будет у вас сынок, и вырастет он большой, и спустится в погреб за пивом, а топор вдруг свалится ему на голову и убьет его!

И все трое принялись плакать пуще прежнего. А джентльмен расхохотался, подошел, выдернул топор и говорит:

— Немало я ездил по свету, но таких умных голов ни разу не встречал! Теперь я опять отправлюсь путешествовать, и если встречу трех таких, что еще глупее вас, вернусь и женюсь на вашей дочери.

И он пожелал им всего хорошего и отправился бродить по свету, а все трое заплакали еще горше — ведь дочка-то жениха потеряла.

Ну, тронулся он в путь и бродил долго. Вот как-то раз подходит к одному домику и видит: приставлена к стене лестница, а хозяйка заставляет корову лезть по ней на крышу — крыша-то вся травой заросла, вот хозяйка и надумала там корову свою пасти. А бедная скотина упирается, не хочет на крышу лезть.

— Ты что делаешь? — спрашивает джентльмен хозяйку.

Она ему отвечает:

— Глядите, какая на крыше трава-то густая! Вот и гоню туда корову — пускай пасется. А упасть она не упадет — я ей петлю на шею накину, веревку в трубу спущу да конец себе на руку намотаю. Будет корова с крыши валиться, я сразу почувствую.

— Дура ты, дура! — сказал джентльмен. — Да ты скосила бы траву и бросила б ее корове!

Но хозяйка думала, что легче корову наверх загнать, чем траву вниз сбросить. Чего она только не делала — и толкала корову, и уговаривала; наконец втащила-таки ее на крышу. Накинула ей на шею петлю, спустила веревку в трубу, а конец ее на руку себе намотала.

Джентльмен поглядел-поглядел, да и пошел своей дорогой. Но не успел он отойти, как оглянулся и видит — корова с крыши свалилась и повисла на веревке, а хозяйку в трубу втянула. Корова в петле задохнулась, а хозяйка в трубе застряла и вся в саже вымазалась.

Выходит, одну дуру набитую он уже встретил!

Пошел он дальше и все шел и шел, пока не дошел до придорожной гостиницы, где и надумал переночевать. Но в гостинице было полным-полно, и ему дали комнату на двоих. На вторую кровать лег другой путник: он был славный малый, и они быстро подружились. А утром стали они одеваться, и вот джентльмен видит: подошел его сосед к комоду, повесил на ручки ящика свои штаны, а сам как разбежится и — прыг! — да мимо, не попал ногами в штаны. Опять разбежался, опять мимо прыгнул. И так раз за разом. А джентльмен глядит на него, дивится и гадает: что это он затеял? Наконец, парень остановился и стал лицо платком вытирать.

— О господи! — говорит. — Беда мне с этими штанами — до чего неудобная одежда! Ума не приложу, и кто их только выдумал! Каждое утро добрый час проходит, пока в них попадешь. Прямо упарился! Ну, а как вы со своими управляетесь?

Джентльмен покатился со смеху. Посмеялся вволю, потом показал парню, как надо штаны надевать. Тот долго благодарил его и уверял, что сам он никогда бы до этого не додумался.

Тоже был дурак набитый!

А джентльмен снова отправился в путь. Подошел к деревне, а за деревней был пруд, и у пруда собралась толпа

народу. Все шарили в воде,— кто метлами, кто граблями, а кто вилами. Джентльмен спросил: что случилось?

— Ужасное несчастье! — ответили ему.— Луна в пруд упала! Ловим ее, ловим — никак не выловим!

Рассмеялся джентльмен и посоветовал дуракам искать луну не в пруду, а на небе — в воде-то ведь только ее отражение. Но они и слушать его не захотели: так обругали, что он поспешил убраться подобру-поздорову.

Вот он и узнал, что на свете дураков немало и многие еще глупее, чем его невеста и ее родители. И джентльмен вернулся домой и женился на фермерской дочке.

И если они после этого не зажили счастливо, то кто-кто, а уж мы с вами тут ни при чем.

ТОМ-ТИТ-ТОТ

Жила на свете женщина. Испекла она как-то пять паштетов, а когда вынула их из духовки, корочка оказалась такой перепеченной, такой твердой, что не разгрызешь ее. Вот она и говорит своей дочке:

— Поставь-ка, доченька, паштеты вон на ту полку! Пусть полежат себе там немножко, может еще подойдут.

Она хотела сказать, что корочка у паштетов станет помягче.

А девушка подумала: «Что ж, если еще подойдут, так эти я сейчас съем»,— и принялась уплетать паштеты за обе щеки. Все дочиста съела, ни одного не оставила.

Вот пришло время ужинать, мать и говорит дочке:

— Пойди-ка, принеси один паштет! Я думаю, они уже подошли.

Девушка пошла на кухню, но не увидела там никаких паштетов, а только пустую посуду.

Вернулась она назад и говорит:

— Не подошли еще.

— Ни один? — спрашивает мать.

— Ни один, — отвечает дочка.

— Ну, подошли ли, нет ли, — говорит мать, — все равно один съедим за ужином.

— Как так съедим? — удивилась девушка. — Да ведь они еще не подошли!

— Какие ни есть, все равно съедим, — говорит женщина. — Поди принеси самый лучший.

— Ни лучших, ни худших нету,— говорит девушка.— Какие были, я все съела. Значит, и взять их неоткуда, пока еще не подойдут.

Ну, мать видит — делать нечего. Придвинула к двери прялку и стала прясть. Сама прядет, сама подпевает:

Наша дочка съела пять, целых пять паштетов за день.
Наша дочка съела пять, целых пять паштетов за день.

А в это время шел по улице король. Услыхал он, что она поет, да не разобрал, про кого. Остановился и спрашивает:

— Про кого это ты поешь?

Матери стыдно было признаться, что ее дочь натворила, и она стала петь так:

Наша дочка пять мотков, целых пять спряла лишь за день.
Наша дочка пять мотков, целых пять спряла лишь за день.

— Бог мой!— воскликнул король.— Я отроду не слышивал, чтобы кто-нибудь прят так быстро! — Потом он сказал женщине: — Послушай, я давно ищу себе невесту, а сейчас решил жениться на твоей дочери. Но запомни: одиннадцать месяцев в году твоя дочь будет есть все кушанья, какие захочет, будет носить все платья, какие выберет, будет веселиться, с кем пожелает. Но последний месяц в году она должна будет прясть по пяти мотков в день, а не то я ее казню.

— Хорошо,— согласилась мать; очень уж ей захотелось выдать дочку за самого короля.

«Ну, а насчет того, чтобы прясть по пяти мотков в день,— решила она,— придет время, как-нибудь вывернемся; да скорей всего он и вовсе про них позабудет».

Сыграли свадьбу. Одиннадцать месяцев молодая королева ела все кушанья, какие хотела, носила все платья, какие выбирала, да и веселилась, с кем желала.

Когда же одиннадцатый месяц подходил к концу, она стала подумывать о том, что скоро придется ей прясть по пяти мотков в день. «Помнит или не помнит об этом король?»— гадала она.

Но король об этом ни словом не обмолвился, и она решила, что он позабыл о своей угрозе.

Однако в самый последний день одиннадцатого месяца король отвел жену в какую-то комнату, которой она

еще не видела. В комнате было совсем пусто; только прялка стояла да скамеечка.

— Ну, милая,— сказал король,— завтра я запроу тебя в этой комнате. Тебе оставят еду и льняную кудель, и если к вечеру ты не спрядешь пяти мотков, слетит твоя голова с плеч!

И он ушел по своим делам.

Бедняжка перепугалась — ведь она всю жизнь была с ленцой, а прясть и вовсе не умела. «Что со мной будет завтра?— думала она.— Помощи-то ждать неоткуда!» Села она на скамеечку и, ах, как горько заплакала!

Вдруг слышит — кто-то тихонько стучится. Она встала и быстро открыла дверь. И что же она увидела? Крошечного черного бесенка с длинным хвостом. Он взглянул на нее с любопытством и спросил:

— О чем ты плачешь?

— А тебе что?

— Да так просто. А все-таки скажи, о чем ты плачешь?

— Если и скажу, лучше мне не станет.

— Кто знает! — проговорил бесенок и вильнул хвостиком.

— Что ж, — вздохнула королева, — хоть лучше мне и не станет, но, пожалуй, и хуже не будет.

Взяла да и рассказала ему и про паштеты и про мотки — словом, про все.

— Вот что я для тебя сделаю,— сказал черный бесенок. — Каждое утро я буду подходить к твоему окну и забирать всю кудель, а вечером приносить мотки пряжи.

— А сколько ты за это возьмешь? — спросила королева.

Бесенок покосился на нее и ответил:

— Каждый вечер я до трех раз буду спрашивать тебя, как меня зовут. Если к концу месяца не угадаешь, будешь моей!

Королева подумала, что за целый-то месяц она уж, конечно, отгадает его имя, и ответила:

— Хорошо, я согласна.

— Вот и ладно! — обрадовался бесенок и быстро завертел хвостиком.

На другое утро король отвел жену в комнату, куда уже принесли льняную кудель и еду на один день, и сказал:

— Вот тебе кудель, милая, и если к вечеру ты ее не спрядешь, не сносить тебе головы!

Вышел из комнаты и запер дверь на замок.

Только он ушел, послышался стук в окно.

Королева вскочила и распахнула его. Видит — сидит на карнизе маленький черный бесенок!

— Где кудель? — спросил он.

— Вот, — ответила королева и подала ему кудель.

Вечером опять послышался стук. Королева вскочила и распахнула окно. На этот раз черный бесенок держал в руках пять мотков льняной пряжи.

— Бери! — сказал бесенок и протянул ей мотки. — Ну, а теперь скажи, как меня зовут?

— Наверное, Билл? — молвила королева.

— Нет, не угадала, — ответил черный бесенок и вильнул хвостиком.

— Ну так Нед?

— Опять не угадала, — сказал бесенок и завертел хвостиком.

— Может быть, Марк?

— Нет, нет, не угадала, — сказал бесенок, еще быстрее завертел хвостиком и вдруг пропал.

Вечером пришел в комнату король. Видит — лежат пять мотков льняной пряжи.

— Ну, значит, нынче не надо мне тебя казнить, милая! — сказал он. — А завтра утром тебе опять принесут еду и кудель. — И он ушел.

Так изо дня в день ей приносили льняную кудель и еду, а утром и вечером появлялся черный бесенок. И весь день королева думала да гадала, какое же имя ей назвать вечером? Но ни разу не угадала. И чем ближе к концу подходил месяц, тем злорадней смотрел на нее черный бесенок, тем быстрее вертел хвостиком после каждого ее неверного ответа.

И вот настал предпоследний день. Бесенок, как всегда, пришел с пятью мотками и спросил:

— Ну, как, угадала, наконец, мое имя?

— Никодим? — молвила королева.

— Нет.

— Самуил?

— Нет.

— Ну, так, может, Мафусаил?

— Нет, нет и нет! — крикнул бесенок, и глазки его

загорелись, как угольки в очаге. — Так слушай! Остался еще один день! Не угадаешь — завтра вечером будешь моей!

И пропал.

Страшно стало королеве. Но тут она услышала, что идет король. Он вошел в комнату, увидел пять мотков и сказал:

— Ну, милая, я думаю, ты завтра к вечеру опять напрядешь пять мотков, так что мне не надо будет тебя казнить. Поэтому давай поужинаем вместе.

Принесли ужин и вторую скамеечку для короля, и муж с женой принялись за еду. Но не успел король проглотить и двух кусков, как вдруг перестал есть и расхохотался.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Ты только послушай! — ответил он. — Отправился я нынче на охоту в лес и заехал в какое-то незнакомое место. Там была заброшенная меловая яма. И вот почудилось мне, будто в ней что-то жужжит. Я соскочил с лошади, подошел к яме и заглянул вниз. И кого же я там увидел? Крошечного черного бесенка, смешного-пресмешного! Как ты думаешь, что он делал? Прял на крошечной прялке быстро-пребыстро! Прядет, хвостиком вертит и напевает:

Нимми-Нимми-Нот,
А я — Том-Тит-Тот!

Как услышала это королева, чуть не подскочила от радости! Однако ни слова не сказала.

Наутро, когда черный бесенок опять пришел за куделью, он поглядывал на нее еще злораднее.

Под вечер королева, как всегда, услышала его стук в окно. Вот открыла она окно и видит: сидит бесенок на карнизе и ухмыляется, — рот до ушей. А хвостик-то, хвостик так и вертится, так и вертится, быстро-пребыстро!

— Ну, как же меня зовут? — спросил бесенок и отдал королеве последние мотки.

— Соломон? — молвила она, притворившись, будто ей страшно.

— Нет, не угадала! — ответил он и шагнул к ней.

— Ну, тогда Зеведей?

— Не угадала! — сказал он, расхохотавшись, и так быстро завертел хвостиком, что чудилось, будто что-то черное мелькает, а что — разобрать невозможно.

— Подумай хорошенько! Ошибешься — и ты моя!

И он протянул к ней свои черные лапки.

Королева, глядя ему в лицо, отступила на шаг, другой, со смехом показала на него пальцем и наконец промолвила:

Нимми-Нимми-Нот,
А ты — Том-Тит-Тот!

Как услышал это бесенок, взвизгнул и пропал во тьме за окном. С тех пор его и след простыл.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Ваздаев. Сказки английского народа</i>	3
Сказка про трех поросят	11
Джек Хэннефорд	15
Биннори	19
Сон коробейника	22
Король Иоанн и кентерберийский аббат	27
Уиттингтон и его кошка *	30
Мистер Майка	39
Ученик чародея	41
Крошечка	45
Титти-мышка и Тэтти-мышка	47
Чайлд-Роланд *	51
Кошачий король	57
Мистер Укус	59
Джек и золотая табакерка	64
Тростниковая шапка	73
Как Джек ходил счастья искать	78
Три медведя	81
Джек и бобовый стебель	85
Три желания	93
Дочь графа Мара	95
Старушка и поросенок	98
Ничто-Ничего	102
Том — мальчик с пальчик *	108

Стихи в сказках, отмеченных в содержании звездочкой, — в переводе Н. Воронель. В остальных сказках — в переводе М. Клягиной-Кондратьевой.

Мистер Фокс	113
Джонни-пончик	116
Рыба и перстень	119
Джек — Победитель Великанов	124
Осел, столик и дубинка	135
Источник на краю света	140
Домовой из Хилтона	144
Волшебный рог	147
Сорочье гнездо	149
Питер-простачок	151
Черный бык Норроуэйский	158
Три головы в колодце	162
Рыжий Эттин *	168
Господин всех господ	173
Молли Ваппи	175
Страшный дракон скалы Спиндлстон *	180
Джек-лентяй	184
Кэт-шелкунчик	188
Волшебная мазь	192
Три умные головы	195
Том-Тит-Тот	200

**АНГЛИЙСКИЕ
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ**

Редактор *Р. Померанцева*
Худож. редактор *Л. Калитовская*
Техн. редактор *Г. Архангельская*
Корректор *М. Доценко*

*

Сдано в набор 6/IX-1957 г.
Подписано к печати 14/XI 1957 г.
Бумага 84×108¹/₂—6,5 печ. л.
10,66 усл. печ. л. 8,97 уч.-изд. л.
Тираж 240 000 экз. Заказ № 3228
Цена 3 руб.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа,
Минск, Красная, 23.

3 руб.